

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

ISSN 2949-5601
ISSN online 2686-9691
Научный рецензируемый журнал
Выходит 4 раза в год
2024
Выпуск 1(8)

Учредитель и издатель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

5.3.1 Общая психология, психология личности история психологии

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред

5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.6. Социология культуры

5.4.7 Социология управления

5.7.1 Онтология и теория познания

5.7.7 Социальная и политическая философия

Адрес учредителя

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Владимир Сергеевич Волегов

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия
fsf-sgn@yandex.ru

Зам. главного редактора

Олег Владиславович Лысенко

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия

Елена Михайловна Березина (канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва);

Александр Юрьевич Внутских (д-р филос. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь);

Екатерина Сергеевна Игнатова (канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь);

Светлана Николаевна Костина (канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург);

Лариса Викторовна Логинова (д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов);

Марина Леонидовна Магидович (д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Любовь Анатольевна Метлякова, (канд. пед. наук, доцент ПГГПУ, г. Пермь);

Дарья Викторовна Моисеева (канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва)

Никита Николаевич Равочкин (д-р филос. наук, профессор КГАУ им. В.Н. Полецкова», г. Кемерово);

Артём Андреевич Чернега (канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотма, Вологодская область).

**SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES:
THEORY AND PRACTICE**

ISSN 2949-5601
ISSN online 2686-9691
Scientific peer-reviewed journal
**Published 4 times a year
2024
Issue 1(8)**

Founder and Publisher

Perm State University

Address of Editorial Board

15, Bukireva str., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068
Tel. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:
5.3.1 General psychology, personality
psychology history of psychology
5.3.4 Pedagogical psychology,
psychodiagnostics of digital environments.
5.4.4 Social structure, social institutions and
processes
5.4.6. Sociology of culture
5.4.7 Sociology of management
5.7.1 Ontology and theory of knowledge
5.7.7 Social and political philosophy

The scientific peer-reviewed journal
“Social and Humanitarian Sciences:
Theory and Practice” reflects the sci-
entific interests of specialists in the
field of topical problems of philoso-
phy, sociology, and psychology.
Original articles based on theoretical
and empirical research in these areas
are published.

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief

Vladimir S. Volegov

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University

Perm, Russia

fsf-sgn@yandex.ru

Deputy chief editor

Oleg V. Lysenko

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and
Humanitarian Technologies

Perm State University

Perm, Russia

Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Alexander Y. Vnutskikh (PhD in Philosophy, Corresponding Member RAE, Professor PSU),

Ekaterina S. Ignatova (PhD in Psychology, Associate Professor, PSU),

Svetlana N. Kostina (PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU),

Larisa V. Loginova (Doctor of Sociology, Professor SSAL),

Marina L. Magidovich (Doctor of Sociology, Professor RSPU),

Lyubov A. Metlyakova (PhD in Education, Associate Professor, PSHPU),

Darya V. Moiseeva (PhD in Sociology, Senior researcher, HSE University),

Nikita N. Ravochkin (PhD in Philosophy, Professor KSAU),

Artyom A. Chernega (PhD in Sociology, Administration of Totma district).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5	From the editor
<i>Волегов В.С.</i>		<i>Volegov V.S.</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Восприятие этнических традиций в различных макрорегионах современной России: территориальный анализ	6	Perception of ethnic traditions in various macroregions of modern Russia: territorial analysis
<i>Тарасов И.А.</i>		<i>Tarasov I.A.</i>
Региональная система мониторинга состояния и эффективности системы образования (опыт Пермского края)	12	Regional system for monitoring the condition and efficiency of the education system(experience of the Perm region)
<i>Кокшаров В.Л.</i>		<i>Koksharov V.L.</i>
Условия воспроизводства культурного капитала жителей муниципальных образований (на примере города Краснокамска)	21	Conditions for the reproduction of the cultural capital of residents of municipalities (on the example of the city of Krasnokamsk)
<i>Анисимова Д.Д.</i>		<i>Anisimova D.D.</i>
Особенности культурного потребления учителей и работников завода в городе Перми	28	Features of cultural consumption of teachers and factory workers in the city of Perm
<i>Якименко Я.А.</i>		<i>Yakimenko Ya.A.</i>
Цифровая социализация студенческой молодежи г. Перми	38	Digital socialization of the student youth of the city of Perm
<i>Шишкина Е.В.</i>		<i>Shishkina E.V.</i>
Конструирование «права на город» в современной практической урбанистике	47	Constructing the "right to the city" in modern practical urbanism
<i>Носкова Т.В.</i>		<i>Noskova T.V.</i>
«...Хочется больше ярких красок, цветов»: какой город нравится молодежи (пермский кейс)»	53	“...I want more bright colors and colors”: what city do young people like? (Perm case)
<i>Лысенко О.В., Янов Д.В.</i>		<i>Lysenko O.V., Yanov D.V.</i>
Взаимосвязь молодежной политики с социальным капиталом студенческой молодежи	68	Relationship between youth policy and the social capital of students
<i>Кибанова Ю.Н., Соловьев С.С.</i>		<i>Kibanova Yu.N., Solovyov S.S.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Опросник контрпродуктивного рабочего поведения: пилотажное исследование	75	Measure of counterproductive workplace behavior: pilot study
<i>Дерish Ф.В., Коновалова Е.Е., Рау Е.Е.</i>		<i>Derish F.V., Konovalova E.E., Rau E.E.</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Unheimlich (жуткое) и экзистенциальная бездомность как состояния постмодерна	92	Unheimlich (uncanny) and existential homelessness as postmodern states
<i>Мельникова Г.В.</i>		<i>Melnikova G.V.</i>

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги! Дорогие авторы и читатели научного журнала «Социальные и гуманитарные науки»!

Журнал «Социальные и гуманитарные науки» издается Пермским государственным национальным исследовательским университетом с 2017 года. Шесть лет назад он вырос из сборников научных трудов конференции «Человек в мире. Мир в человеке», демонстрируя возрастающий потенциал студенческой науки философско-социологического факультета. Тогда редакционной коллегией была поставлена важная цель – повышение уровня и качества публикаций молодых ученых. За прошедшее время на страницах журнала было опубликовано более 370 статей, охватывающих самые разные исследовательские направления и тематики. В эти шесть лет журнал стал площадкой, позволяющей молодым исследователям представить свои первые научные публикации, получить новый для себя опыт академического письма, взаимодействия с рецензентами и редакцией.

Благодаря той масштабной работе, которую редакционная коллегия журнала во главе с главным редактором Александром Юрьевичем Внутских проделала за прошедшие годы, журнал не только сохранил себя, но и подошел к новому этапу своего развития.

Опытный читатель не сможет не заметить происходящие изменения. Во-первых, с этого номера журнал становится ежеквартальным. Во-вторых, обновилась редакционная коллегия журнала: в современных условиях, нам как никогда раньше важно академическое сотрудничество и опыт коллег из самых разных уголков нашей страны. Отрадно, что в обновленный состав редакционной коллегии вошли представители высших учебных заведений из разных регионов, исследователи и практики, имеющие актуальный опыт в сфере философии, социологии и психологии.

Третье отличие связано с расширением сферы научных интересов. С этого года научный журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» издает оригинальные статьи по следующим научным специальностям:

- 5.3.1 Общая психология, психология личности история психологии
- 5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред.
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7 Социология управления
- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.7 Социальная и политическая философия.

Для повышения удобства авторов, журнал использует EDN (eLIBRARY Document Number) – уникальный цифровой код, который присваивается документам на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и упрощает процессы идентификации статей.

Несмотря на все изменения, журнал остается верен тем принципам, которые были сформулированы в 2017 году: соблюдение научных и издательских стандартов, интеграция теоретических исследований и практического опыта. Как и прежде, журнал публикует оригинальные научные статьи и литературные обзоры, освещающие актуальные проблемы философии, психологии, социологии и прошедшие рецензирование.

Приглашаем вас, уважаемые коллеги, принять участие в данном издательском проекте как в качестве авторов, так и в качестве рецензентов!

*Главный редактор научного журнала
«Социальные и гуманитарные науки: теория и практика»,
Владимир Сергеевич Волегов*

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.356.4

EDN ALTBYQ

Тарасов Иван Алексеевич,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
vantarasov206@gmail.com

ВОСПРИЯТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ МАКРОРЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Целью статьи является выявление уровня значимости этнических традиций на различных территориях России. Даются определения основным категориям – этнической культуре и этническим традициям. Рассматриваются различные подходы авторов к особенностям этнической культуры, например, Ю.В. Гумилева, Э.В. Быкова, Ю.В. Бромлея и других. Поднимается проблема влияния глобализации на современную этническую культуру России. Анализируются особенности восприятия этнических традиций жителями центрального, южного, северного и восточного макрорегионов России на основе исследований Ф.А. Ильдархановой и Г.Р. Галиуллиной, Л.В. Рожковой, С.С. Апажевой, А.Е. Местниковой и других. В центральном макрорегионе рассматриваются эмпирические исследования по Татарстану и Пензенской области, в южном – по Кабардино-Балкарии и Ростовской области, в северном – по Республике Саха и Ямало-Ненецкому АО, а в восточном – по Республике Тыва. Делается вывод о сохранении высокого уровня значимости этнических традиций в северном, восточном и части южного макрорегиона, а также о снижении роли этнической культуры в центральной части России и части южного макрорегиона. К основным причинам различий относятся этнический состав территорий, а также разная степень подверженности глобализации.

Ключевые слова: этнические традиции, этнос, этническая культура, макрорегионы России

Ссылка для цитирования: Тарасов И.А. Восприятие этнических традиций в различных макрорегионах современной России: территориальный анализ // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 6–11. EDN ALTBYQ

Ivan A. Tarasov,
student of the direction "Sociology"
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
vantarasov206@gmail.com

PERCEPTION OF ETHNIC TRADITIONS IN VARIOUS MACROREGIONS OF MODERN RUSSIA: TERRITORIAL ANALYSIS

The purpose of the article is to identify the level of significance of ethnic traditions in various territories of Russia. Definitions are given to the main categories - ethnic culture and ethnic traditions. Various approaches of the authors to the peculiarities of ethnic culture are considered, for example, Yu.V. Gumilev, E.V. Bykov, Yu.V. Bromley and others. The problem of the influence of globalization on the modern ethnic culture of Russia is raised. The peculiarities of the perception of ethnic traditions by residents of the central, southern, northern and eastern macro-regions of Russia are analyzed on the basis of studies by F.A. Ildarkhanova and G.R. Galiullina, L.V. Rozhkova, S.S. Apazheva, A.E. Mestnikova and others. In the central macroregion, empirical studies are considered for Tatarstan and the Penza Region, in the south for Kabardino-Balkaria and the Rostov Region, in the north for the Republic of Sakha and Nenets Autonomous Okrug, and in the east for the Republic of Tyva. The conclusion is made about the preservation of a high level of importance of ethnic traditions in the northern, eastern and part of the southern macroregion, as well as about the decline in the role of ethnic culture in the central part of Russia and part of the southern macroregion. The main reasons for the differences include the ethnic composition of the territories, as well as the different degree of exposure to globalization.

Keywords: ethnic traditions, ethnos, ethnic culture, macro-regions of Russia.

For citation: Tarasov I.A. [Perception of ethnic traditions in various macroregions of modern Russia: territorial analysis]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 6–11 (In Russian), EDN ALTBYQ

Этническая культура представляет собой совокупность способов освоения условий своего существования для определенной этнической группы, направленных на сохранение этноса и воспроизводство условий его жизнедеятельности [1]. Одним из важнейших ее элементов являются этнические традиции. Этнические традиции – это иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм, мировоззренческих установок, присущих для данного этноса и передаваемых из поколения в поколение [2].

Многие авторы изучали этнические традиции. Так, Ю.В. Бромлей рассматривал традиции как основную составляющую формирования этноса [3]. Л.Н. Гумилев определял традицию как основу для самоидентификации этноса [4]. С.В. Лурье выделял три компонента этнической традиции: «образ для других», «образ для себя» и «образ в себе». Из этих компонентов складывались традиции и мировоззрения представителей любого этноса [5]. Э.В. Быков рассматривал этнические традиции сразу с двух сторон: подчеркивая, что есть устойчивая и широко распространенная характеристика, в то же время есть и изменяющийся элемент [6]. Л.А. Сугрей выделял в качестве основной функции этнических традиций этнообразующую [7]. По мнению С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, этнические традиции служат связующим звеном между поколениями [8]. Э.В. Быков рассматривал этнические традиции сразу с двух сторон: подчеркивая, что есть устойчивая и широко распространенная характеристика, в то же время есть и изменяющийся элемент [6]. Л.А. Сугрей выделял в каче-

стве основной функции этнических традиций – этнообразующую [7]. Также изучением традиций занимались такие ученые, как: С.М. Широкогоров, В.Д. Плахов, Э.В. Быков, К.В. Чистов, П. Штомпка, Ю.А. Левада, И.А. Барсегян, Е. Шацкий, И.В. Толстых, А.Б. Гофман, Д. Гросс, В.А. Тишков, В.С. Чернышев и другие.

Этнические традиции нередко рассматривают в разрезе отдельных регионов или их совокупности (макрорегионов). Так, А.Н. Нурутдинова изучала интеграцию и сохранение культур этнических групп республики Татарстан [9]. Р.И. Газимагомедов в своей статье рассматривает этническую идентичность и этнические ценности в массовом сознании городской молодежи Дагестана [10]. Н.Г. Хайруллина, Т.Г. Харамзин, Т.М. Алгадьева изучали традиции и новации в мировоззрении северных народов [11]. Многие авторы выделяли макрорегионы в своих исследованиях. Например, А.А. Сулейманова выделяла северный макрорегион: «Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 80-е гг. XX в.» [12]. А.В. Лубский и Р.А. Лубский выделяли юг: «Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования» [13].

При анализе этнических традиций нередко уделяется внимание роли глобализации, которая создает общее мировое культурное пространство при преобладании вестернизации и массовой культуры, что вытесняет этническую культуру. В статье И.Н. Сертаковой [14] делается вывод о противоречии глобализации как неотъемлемой современной реальности и этнической культуры, последняя представляет собой самобытность, уникальность этноса в различных аспектах, в быту, в ценностях и т.д. В наше время в России глобализационные процессы оказывают большое влияние на этнические традиции, что ослабляет интерес к национальным корням и культуре, особенно у молодежи. При этом в разных макрорегионах России этот процесс протекает по-разному, а уровень значимости этнических традиций различается. Чтобы выявить эти отличия, мы проанализируем в статье результаты эмпирических социологических исследований по четырем макрорегионам: центральному, южному, северному и восточному.

Мета-анализ результатов социологических исследований проводился за период с 2009 по 2021 г. Исследования были отобраны по одной тематике. Отбор статей осуществлялся с помощью порталов, содержащих научные публикации: Института социологии РАН и «Киберленинки».

Анализируя данные по центральному макрорегиону, можно обратить внимание на статью Ф.А. Ильдархановой и Г.Р. Галиуллиной [15], где были рассмотрены этнокультурные ценности современных семей в Республике Татарстан. Во время исследования было опрошено 898 человек, среди них были старшеклассники и их родители. По опросу школьников стало известно, что только 30% респондентов знают об истории своего этноса и рода, 10% ничего не знают и не говорят об этом с родными, а больше половины опрошенных старшеклассников частично знают о своем этносе и истории семьи. Это свидетельствует о наличии знаний о традициях и обычаях на общем уровне, но глубинными знаниями обладают всего треть подрастающего поколения.

Также в этом исследовании было подтверждено, что жители сельской местности сохраняют этнокультурные традиции в большей степени, чем городские. Например, на вопрос о наличии традиции передачи истории своего рода из поколения в поколение 12% городского населения и 6% сельского населения ответили, что они не передают традиции из поколения в поколение и о прошлом семьи записи вести не принято, при этом передают историю рода только треть семей: 35% сельского населения и 33% городского. Эти данные подтверждают гипотезу о сильном влиянии глобализации на этническую культуру. В городах люди более подвержены глобализационным процессам, чем в сельской местности, поэтому связь с традициями постепенно ослабевает.

Больше половины опрошенных в исследовании Ф.А. Ильдархановой и Г.Р. Галиуллиной (82% сельских и 74% городских респондентов) считают, что этническая культура с ее традициями и обычаями теряют свою ценность. Это обусловлено множеством факторов: лю-

дям удобнее и легче носить обычную одежду, пользоваться обычными орудиями труда и прививать детям ценности и нормы, которые востребованы для реализации в обществе.

В рассматриваемом опросе были подняты проблемы снижения ценности этнической культуры и ее традиций. Основными причинами этого, по мнению респондентов, являются незнание и глобализация. У татар уровень незнания отметили 35% респондентов, а у русских – 37%. Русские чаще выбирали то, что культура зарубежных стран является опасностью для этнической, чем татары (33% против 23%). Это свидетельствует об осведомленности респондентов по поводу существования проблемы в области снижения значимости этнической культуры.

В исследовании Л.В. Рожковой [16] сравнивается отношение к ценностям и этническим традициям у представителей разных этносов Пензенской области, большей частью из которых являются русские (87%) и татары (4%). Так, основной семейной традицией в русских семьях считается трудовое воспитание (52%), а у татар важнейшей традицией в кругу семьи является уважение к старшим (38%). Причем второй по значимости семейной традицией у татар является соблюдение религиозных обрядов (24%). Исследование в целом показывает, что татары более ориентированы на свою этническую культуру, чем русские: русская семья, в первую очередь, ставит перед собой цель научить ребенка определенной трудовой деятельности, которая ему может пригодиться как в настоящем, так и будущем. В татарской же семье, основной ценностью являются авторитет старших и религиозные нормы.

Что касается юга России, то в ряде регионов выделяется тенденция приверженности людей к своим традициям и обычаям в отличие от центрального макрорегиона. Так, среди жителей Северного Кавказа, в частности у кабардинцев (57%) и балкарцев (14%), традиции ценятся больше, чем у русского и татарского этносов. В исследовании, которое проводилось С.С. Апажевой [17], среди молодого поколения в Кабардино-Балкарской Республике было выявлено, что молодежь, в подавляющей части – 82% – соблюдает традиции и обычаи своего этноса, празднует национальные и религиозные и праздники. Причем 77% респондентов указали на то, что этнические традиции и обычаи влияют на их поведение и образ жизни посредством норм и морали. Внутри семейных отношений молодые люди руководствуются, в первую очередь, традициями. Причем 69% респондентов руководствуется семейными традициями и интересами, а 26% – этническими и народными традициями и обычаями. Больше половины опрошенных считают, что необходимо усиливать пропаганду традиционных и религиозных ценностей. Также респонденты высказались об опасности глобализационной культуры для этнических традиций. Так, почти 80% респондентов более старшего возраста отметили, что европейская культура вытесняет их традиционную. Но при этом 40% респондентов признали необходимость и важность инноваций в обществе. Обобщая, можно сказать, о том, что этнические традиции и обычаи глубоко укоренились в жизни северокавказского народа. Причем этническая культура, как и семейные ценности, многое значат как для зрелого, так и для молодого поколения, при том, что они находятся под влиянием глобализационных процессов. Следовательно, интерес молодежи и старшего поколения к своей этнической культуре и истории этноса сильно зависит от региона и макрорегиона России, а также непосредственно от населяющих их наций и этносов.

Даже в одном макрорегионе можно увидеть существенные различия в восприятии этнической культуры. Так, проводилось исследование в Ростовской области, относящейся к южному макрорегиону, Я.В. Артамоновой, Л.В. Тарасенко и И.П. Чернобровкиным [18]. Для исследования была опрошена молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. В результате проведенного опроса можно сделать вывод, что этнокультурные традиции редко учитываются молодым поколением. Важными этнические традиции признало всего 7,4% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет и 7% в возрасте от 25 до 30. Большинство информантов выше этнотрадиций ставят свое мнение, обычаи конкретной семьи, государственные законы. Для молодых людей обычаи и традиции важны как регулятор отношений, так ответило больше половины информантов. Главной причиной следования этническим традициям среди молодежи

является важность их сохранения и передача следующему поколению – так считает 48%, но при этом 40% среди тех, кто придерживается традиций, делают это по привычке. Таким образом, важность этнической культуры среди молодежи в Ростовской области находится на более низком уровне, чем у народов Северного Кавказа, в первую очередь это связано с этническим составом региона, в котором преобладают русские, а также с глобализацией, которая оказывает большое влияние на этот регион. Но при этом молодежь понимает необходимость сохранения этнических традиций и важность передачи ее в следующим поколениям.

Большое значение традиции имеют для народов Севера. Так, в исследовании А.Е. Местниковой [19], которое было проведено в 2020 году, в Республике Саха, большинство респондентов (более 60%) отметили, что их национальность определяют традиции и культура. Респондентами являлись разные народы Севера России, такие как: долганы, эвенки, саха, эвены. Причем более половины опрошенных (более 50%) соблюдают обряды и свои этнические традиции в повседневной жизни. Также среди жителей севера развита межпоколенческая передача знаний, более 50% респондентов отметили, что получили знания о своей культуре от членов своей семьи. На вопрос о сохранившихся элементах традиций субэтноса нарцы (ведущие традиционный хозяйственный образ жизни) выделали три основных компонента: национальная пища (70%), национальная одежда (57%) и орудия труда (46%).

Одним из ярких примеров северного макрорегиона является Ямало-Ненецкий автономный округ. В исследовании А.С. Несмелой [20] было опрошено 16 национальностей, 3 из которых являются коренными. На вопрос о важности сохранения этнической культуры коренных народов 70 % респондентов ответили, что это необходимо делать, 20% респондентов ответили, что сохранение традиций не играет важной для них роли. Из этого следует, что для большинства традиции являются ценностью. Причем, по мнению респондентов, государством должна оказываться материальная поддержка для сохранения и воспроизводства культурных традиций. В качестве основных способов этнокультурной пропаганды информанты отметили проведение народных фестивалей (24%), мастер-классов (17%) и поддержку фольклорных коллективов (13%). Таким образом, для жителей севера очень важны этнические традиции, так они в меньшей степени взаимодействуют с глобализационной культурой, но ее влияние все равно имеется.

Большую роль этнические традиции играют на востоке России. Так, было проведено исследование К.И. Султанбаевой [21] среди тувинских семей. Было выявлено, что 15% опрошенных не имеют никаких традиций в своих семьях, но при этом 85% респондентов соблюдают этнические традиции в своей семье. При этом больше половины респондентов одобряют ведущую роль этнических традиций в воспитании детей, это является важным фактором в сохранении этнической культуры в регионе. Хотя у значительной части народа есть желание сохранять и транслировать этнические традиции, глобализационные процессы все равно оказывают влияние на регион. Так возникают новые тенденции: появление новых типов воспитания, ориентация молодежи на нуклеарные семьи, рост важности карьеры и другое.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношение к этническим традициям и их сохранение в России различается в зависимости от макрорегионов и их этнического состава. С одной стороны, большое воздействие оказывает глобализация, из-за этого молодежь в центральном макрорегионе и части южного макрорегиона теряет интерес к этническим традициям. С другой стороны, в северном и восточном макрорегионах, в кавказском регионе южного макрорегиона, где у жителей степень этнической самоидентичности высока, традиции ценятся и уважаются как молодежью, так и старшим поколением. Этническая культура остается важным компонентом жизни людей, которую необходимо сохранять и поддерживать во всех регионах нашей страны.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 251 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 18.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 165.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 18.
5. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2003. С. 227–228.
6. Быков Э.В. Традиция как способ формирования и функционирования народной культуры // Народная культура в современных условиях. М., 2001. 32 с.
7. Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. 47 с.
8. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.
9. Нурутдинова А.Н. Интеграция и сохранение культур этнических групп республики Татарстан // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012. № 6. С. 117–121.
10. Газимагомедов Р.И. Этническая идентичность и этнические ценности в массовом сознании городской молодежи Дагестана // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 22–26.
11. Хайруллина Н.Г., Харамзин Т.Г., Алгадыева Т.М. Традиции и новации в мировоззрении северных народов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 82–91.
12. Сулейманов А.А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 80-е гг. XX в. // Вестник угроведения. 2018. № 2. С. 385–395.
13. Лубский А.В., Лубский Р.А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56). С. 11–19.
14. Сертакова И.Н. Противоречия глобализации в этнокультурном контексте // Аналитика культурологии. 2009. № 13. С. 59–62.
15. Ильдарханова Ф.А., Галиуллина Г.Р. Этнокультурные ценности современных семей Республики Татарстан // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 2. С. 135–138.
16. Рожкова Л.В. Ценности и традиции в этническом измерении // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 132–138.
17. Апажева С.С. Трансформация традиций народов Северного Кавказа: от прошлого к современности // Вестник КалмГУ. 2019. № 2 (42). С. 86–92.
18. Артамонова Я.В., Тарасенко Л.В., Чернобровкин И.П. Этнокультурные традиции и инновации в социальных практиках молодежи (на примере Ростовской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 202–208.
19. Местникова А.Е. Традиционная культура как основной маркер этнической идентичности арктических народов улуса Республики Саха (Якутия) // Человек и культура. 2020. № 6. С. 105–115.
20. Несмелая А.С. Сохранение традиций коренных малочисленных народов Севера (социокультурный анализ на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Вестник ТГУ. 2013. № 2 (118). С. 95–99.
21. Султанбаева К.И. Опыт исследования этнокультурных традиций в современной тувинской семье // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 25–30.

УДК 316.43

EDN BSRGZS

Кокшаров Владимир Леонидович,
кандидат педагогических наук,
начальник Центра цифровизации образовательных систем
Институт развития образования Пермского края
614068, г. Пермь, ул. Екатерининская, 210
kvl-otkt@iro.perm.ru
SPIN-код: 7879-2336

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ (ОПЫТ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

В статье анализируется опыт Пермского края по формированию и развитию региональной системы мониторинга состояния, развития и эффективности системы общего образования. Методологической базой работы выступает институциональная парадигма как одно из направлений социологии управления. Актуальность темы обосновывается комплексом причин, связанных с развитием управленческих теорий и практик, совершенствованием технологических условий, включая информационно-телекоммуникационные, а также современными трендами в развитии образования как важной подсистемы российского общества. В статье описываются ключевые направления мониторинга условий и результатов образовательной деятельности общеобразовательных организаций Пермского края. Эмпирической базой статьи являются два мониторинговых исследования, реализуемых Институтом развития образования Пермского края в рамках реализации федеральных и региональных программ: это независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности и региональный мониторинг уровня готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению. На основании анализа результатов и динамики выделенных диагностических процедур автором делается вывод о существенной потребности и значимости в интеграции существующих мониторинговых инструментов для комплексной характеристики состояния и эффективности функционирования системы образования на региональном, муниципальном и организационном уровнях.

Ключевые слова: система образования, управленческий мониторинг, образовательные результаты, общее образование, Пермский край.

Ссылка для цитирования: Кокшаров В.Л. Региональная система мониторинга состояния и эффективности системы образования (опыт Пермского края) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 12–20. EDN BSRGZS

Vladimir L. Koksharov,
PhD in Pedagogy,
Head of the Center for Digitalization of Educational Systems
Educational Development Institute of Perm Krai
210, Ekaterininskaya str., Perm, 614068, Russia
kvl-otkt@iro.perm.ru
SPIN-код: 7879-2336

REGIONAL SYSTEM FOR MONITORING THE CONDITION AND EFFICIENCY OF THE EDUCATION SYSTEM (EXPERIENCE OF THE PERM REGION)

The article analyzes the experience of the Perm region in the formation and development of a regional system for monitoring the condition, development and effectiveness of the general education system. The methodological basis of the work is the institutional paradigm as one of the areas of sociology of management. The relevance of the topic is justified by a set of reasons related to the development of management theories and practices, improvement of technological conditions, including information and telecommunications, as well as modern trends in the development of education as an important subsystem of Russian society. The article describes the key areas for monitoring the conditions and results of educational activities of general education organizations in the Perm region. The empirical basis of the article is two monitoring studies carried out by the Institute for Educational Development of the Perm Territory as part of the implementation of federal and regional programs: an independent assessment of the quality of the conditions for carrying out educational activities and regional monitoring of the level of readiness of primary school students for professional self-determination. Based on the analysis of the results and dynamics of the selected diagnostic procedures, the author concludes that there is a significant need and significance for the integration of existing monitoring tools for a comprehensive characterization of the state and efficiency of the education system at the regional, municipal and organizational levels.

Keywords: education system, management monitoring, educational results, general education, Perm region.

For citation: Koksharov V.L. [Regional system for monitoring the condition and efficiency of the education system (experience of the Perm region)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 12–20 (In Russian), EDN BSRGZS

Актуальность

Современный этап в развитии общества описывается авторами в очень разных, зачастую противоположных, характеристиках. В научной литературе можно встретить такие дефиниции, как «общество риска» [1], «программируемое общество» [2], «информационное общество», «сетевое» [3] или же, напротив, «индивидуализированное» [4] общество. Все эти подходы, фиксируя ключевые особенности современных социальных процессов, подчеркивают несколько существенных аспектов. Во-первых, исследователями отмечается существенная трансформация, которая охватывает самые разные уровни и подсистемы общества. В значительной степени эти трансформационные процессы связаны с развитием и внедрением в производственные и социальные технологии цифровых инструментов. Во-вторых, авторами отмечается драматичность и возможные деструктивные последствия подобных изменений, связанных во многом со сверхтехнологизацией общественной жизни и нарастанием от-

чуждения в общественных отношениях. Еще одно важное обстоятельство, заметное во всех упомянутых концепциях, – это высокая скорость протекания социальных трансформаций в современном обществе.

Обозначенные характеристики важны не только с позиции общего теоретико-методологического взгляда на новый этап в развитии социума. Они важны для понимания и анализа процессов, происходящих в различных подсистемах общества, прежде всего образования.

Актуальность рассмотрения тенденций и процессов, происходящих в образовании, определяется с нескольких точек зрения. Во-первых, тесной связью образования с потребностями и нормативными условиями, существующими в обществе. Э. Дюркгейм описывал роль образования не столько через приобщение к системе предметных знаний, сколько через формирование у обучающегося тех социальных навыков и моральных качеств, которые необходимы ему для эффективного существования в конкретном обществе в определенный исторический этап его развития [5, с. 12; 6, с. 266]. Из этого тезиса автором делается один из принципиально значимых выводов: любая модель образования воспроизводит те характеристики социальной структуры, культурные модели и нормы, которые характерны для общества на определенном этапе его развития [5, с. 65]. Иными словами, на современном этапе система образования вынуждена адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям трансформирующегося общества и противоречиям, которые эти изменения вызывают.

Во-вторых, точка зрения, вытекающая из первой, связана с управленческими процессами нормативного закрепления и внедрения изменений в организацию и содержание образовательного процесса. За последние годы отечественная система образования характеризуется сложным процессом реформирования, затрагивающим самые разные стороны. Трансформационные процессы касаются смены педагогической парадигмы и акцента на системно-деятельностном подходе [7], внедрения новых практик инклюзивного образования [8, с. 105], внедрения новых форм и моделей оценки качества образования, включая стандартизированные процедуры государственной итоговой аттестации, внедрения цифровых инструментов в образовательный процесс и многих других элементов. При этом каждая подобная правовая новелла предполагает комплекс изменений, которые происходят (или должны происходить) внутри образовательного процесса, а также процессов его администрирования.

Из перечисленных причин вытекает и третья позиция, показывающая актуальность формирования современной и комплексной модели мониторинга в системе образования. Она связана с противоречием между организационной необходимостью фиксировать множество разнообразных изменений и характеристик системы образования (как, например, показателей ее соответствия нормативным, содержательным и социально поддерживаемым нормам), с одной стороны, и потребностью в минимизации административного и бюрократического регулирования – с другой. С этими же соображениями связана и потребность в формировании современных, технологически обоснованных подходов к выделению показателей для мониторинга, процедур их сбора, анализа и принятия управленческих решений.

Теоретико-методологические обоснования управленческого мониторинга в системе образования

Работы Э. Дюркгейма, посвященные вопросам обучения и воспитания, можно рассматривать в качестве одной из отправных точек применения институционального подхода к анализу образования в русле социологии. Несмотря на множество подходов к определению социального института и сущности институционального анализа в науках об обществе, основная идея данного подхода связана с существованием в обществе особых устойчивых и воспроизводящихся во времени систем формальных и неформальных норм и правил, структур социальных действий, обеспечивающих целостность и стабильность общества [9, с. 120–121]. Более того, в рамках современных институциональных теорий достаточно широкое внимание уделяется вопросам согласования (а точнее, рассогласования) функционирования социальных институтов, реализуемое через повседневные практики, и формально-

нормативные требования, что особенно значимо, учитывая изначальный тезис М. Вебера о «железной клетке» рациональности как основе современного общества и существующих в нем институтов [10, р. 35–36]. Иными словами, неоинституциональный подход в значительной степени ориентирован на анализ согласованности различных моделей рациональности, проявляющихся как в формально-нормативных требованиях, так и в повседневных практиках их восприятия.

Несмотря на все разночтения в рамках институционализма, можно выделить как минимум одно общее положение – институты являются частью общества и обеспечивают реализацию важных функций.

Для оценки эффективности функционирования образования как социального института и организационной системы создаются и активно используются различные мониторинговые обследования. Как показывает анализ научной литературы, современные подходы к организации мониторингов в образовании ориентированы на формирование как можно более целостной картины, интегрирующей не только разные тематические направления, но и уровни образования [11, р. 796]. Более того, по мере развития теоретических основ и практик применения управленческих мониторингов становится все более актуальным синтез различных моделей данных обследований: мониторингов функционирования образовательных систем (что ближе к нормативному подходу), образовательных результатов и эффективности управления образованием [11; 12, р. 2–3].

При этом исследователи и практики отмечают важную характеристику мониторинговых процедур – собранные данные должны характеризоваться не только полнотой и качеством, но и возможностью практического применения для принятия управленческих решений, из чего возникает проблема мотивации и соотношения уровней принятия данных решений в случае конфликта интересов макро- и мезоуровней управления [13, р. 65–67]. Иными словами, эффективность использования общефедеральных управленческих мониторингов может быть существенно снижена в том случае, если их содержание не соответствует проблемам, потребностям или управленческим возможностям последующих «этажей» органов управления образованием.

Источники и методы

В настоящее время на территории Пермского края реализуется широкий спектр мониторинговых обследований, охватывающих различные тематические направления и предполагающих разные варианты классификации.

По основанию проведения мониторингов следует выделить обследования, связанные с реализацией требований федерального законодательства (в том числе «Независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности») и исполнением переданных полномочий (например, обеспечение библиотечным фондом), мониторингом реализации различных проектов федерального уровня («Механизмы управления качеством образования» на региональном и муниципальном уровнях), региональными программами и проектами (кадровый мониторинг, мониторинг технических средств обучения и др.).

По содержанию целесообразно выделить мониторинги, посвященные анализу исполнения различных нормативных требований и регламентов, условий образовательной деятельности, а также ее результатов.

При этом все указанные обследования реализуются на нескольких информационных платформах: Единая информационно-аналитическая система (ЕИАС) «Монитор», Система тестирования знаний Региональной системы оценки качества образования Пермского края, а также региональная государственная автоматизированная информационная система «Электронная Пермская Образовательная Среда» (АИС «ЭПОС. Школа»). Каждая из указанных платформ связана с отдельным содержательным блоком информации, характеризующим образование и его результаты.

В рамках данной статьи будут рассмотрены результаты двух мониторинговых обследований, реализованных ГАУ ДПО «Институт развития образования Пермского края» в

2023–2024 учебном году: «Независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности в общеобразовательных организациях Пермского края» и «Диагностика готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению». Выбор данных обследований обусловлен, с одной стороны, сопоставимым объектом изучения и объемом обследуемой совокупности (данные по всем общеобразовательным организациям, реализующим программы основного общего образования), а с другой – их ориентацией на различные цели, что позволит оценить степень согласованности измеряемых параметров.

Независимая оценка качества условий осуществления образовательной деятельности организациями (далее – НОК) представляет собой регулярную оценочную процедуру, целью которой является фиксация сведений о соответствии различных характеристик деятельности образовательных организаций нормативным требованиям и запросам субъектов их образовательной деятельности – обучающихся и их родителей (законных представителей). В связи с этим процедура НОК включает в себя несколько элементов: экспертизу материалов и сайтов образовательных организаций, а также опросные технологии, фиксирующие субъективные оценки и удовлетворенность обучающихся и их родителей. Реализация НОК регулируется Федеральным законодательством, включая ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [14, ст. 95], а также регламентирующими и методическими актами Министерства просвещения РФ.

Диагностика готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению предполагает иные основания. Во-первых, она посвящена фиксации не только условий (в данном случае организационно-педагогических) образовательной деятельности, но и ее результатов. В данном случае речь идет об одном из личностных образовательных результатов реализации образовательной программы основного общего образования [15, ст. 42.1.6]. Проведение указанного диагностического обследования является элементом региональных программ Пермского края, связанных с развитием механизмов управления качеством образования, а также региональной системы оценки качества образования на территории Пермского края.

Результаты и обсуждение

В результате проведения процедуры Независимой оценки качества образования собран массив данных, охватывающих 472 общеобразовательные организации (100% учреждений, реализующих образовательные программы общего образования), а также опрошено 164367 человек, что составляет 49,04% от заявленной в нормативных актах категории населения.

В структуре НОК выделяется 5 индексов, имеющих внутреннее деление:

- показатели, характеризующие открытость и доступность информации об организации, осуществляющей образовательную деятельность (K1);
- показатели, характеризующие комфортность условий, в которых осуществляется образовательная деятельность (K2);
- показатели, характеризующие доступность образовательной деятельности для инвалидов (K3);
- показатели, характеризующие доброжелательность, вежливость работников организации (K4);
- показатели, характеризующие удовлетворенность условиями осуществления образовательной деятельности организаций (K5).

По каждой из выделенных групп показателей рассчитывается интегральная оценка, среднее арифметическое которых формирует итоговую оценку организации.

Результаты, полученные образовательными организациями по каждой из 5 групп показателей, находятся в различной связи друг с другом (табл. 1).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа между группами показателей НОК

		K1	K2	K3	K4	K5
K1	Корреляция Пирсона	1	,196**	,191**	,161**	,183**
	Знач. (двухсторонняя)		,000	,000	,000	,000
	N	472	472	472	472	472
K2	Корреляция Пирсона	,196**	1	,298**	,427**	,436**
	Знач. (двухсторонняя)	,000		,000	,000	,000
	N	472	472	472	472	472
K3	Корреляция Пирсона	,191**	,298**	1	,104*	,128**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000		,024	,005
	N	472	472	472	472	472
K4	Корреляция Пирсона	,161**	,427**	,104*	1	,859**
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,024		,000
	N	472	472	472	472	472
K5	Корреляция Пирсона	,183**	,436**	,128**	,859**	1
	Знач. (двухсторонняя)	,000	,000	,005	,000	
	N	472	472	472	472	472
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).						
* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).						

Наиболее интенсивная связь наблюдается между группами показателей, характеризующих доброжелательность, вежливость работников организации и удовлетворенность обучающихся и их родителей (законных представителей) условиями обучения. При этом менее всего с другими показателями оказалась связана первая группа, описывающая открытость и доступность информации о деятельности образовательной организации. Примерно так же слабо выражена корреляция с другими показателями в группе К3, посвященной доступностью образовательных условий для инвалидов.

В 2023 г. общая итоговая оценка по Пермскому краю составила 82,49 балла, продемонстрировав рост почти на 4%. Однако это не единственная отмеченная тенденция. В сравнении с предыдущими замерами 2020 г., наблюдается рост стандартного отклонения среднего балла в общеобразовательных организациях: за 3 года данный показатель увеличился с 5,1 до 6,5%.

Выделенная особенность, наряду с увеличением среднего балла, может отражать нормальные адаптационные процессы: с одной стороны, компенсируются заниженные ожидания «ковидного» периода функционирования системы образования региона (увеличивая критичность оценок), а с другой – показывается эффект реализуемых мер развития отрасли.

В 2023 г. в диагностическом обследовании готовности обучающихся основной школы к профессиональному самоопределению приняли участие 24170 обучающихся 9-х классов, что составило более чем 84% всей целевой аудитории (по данным на 20.09.2022 г. [16]). Общий охват составил 425 образовательных организаций.

Средний тестовый балл по тестовой части в 2023 году оказался на 1 балл ниже и составил 11,5 (максимально возможный балл – 22). Медианное значение – 12. Максимальное зафиксированное значение – 21. Распределение результатов выполнения тестовой части статистически близко нормальному (значение теста Колмогорова-Смирнова 0,115 при асимптотической значимости 0,000).

Итоговое распределение баллов тестовой части среди девятиклассников, участвовавших в диагностике, представлено на рис. 1.

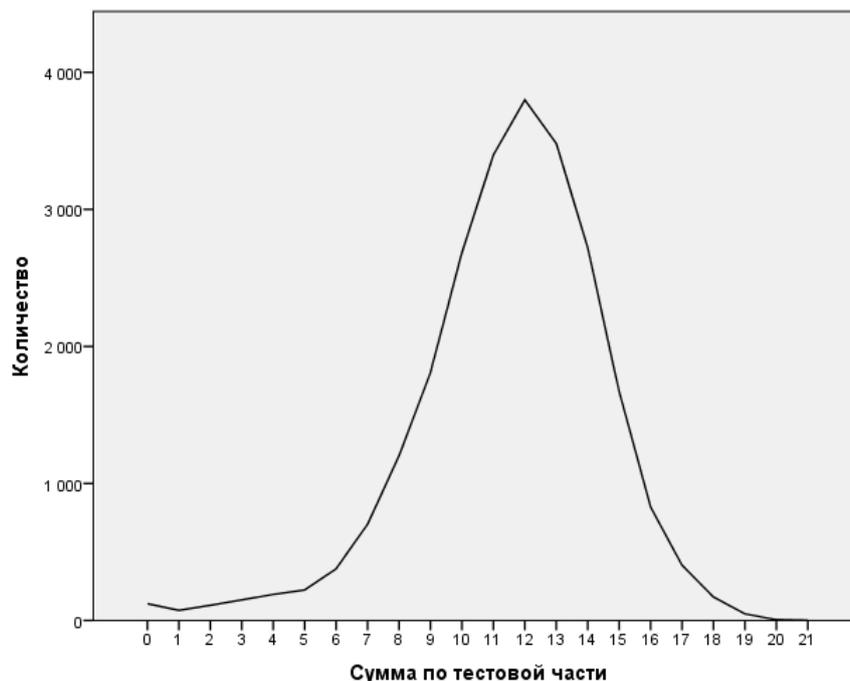

Рис. 1. Распределение результатов прохождения диагностики

По результатам выполнения заданий первой части обучающиеся разделены на четыре уровня: «низкий», «ниже среднего», «средний», «высокий». Анализ уровня выполнения заданий тестовой части показывает снижение результатов: в 2023 г. только 12% справились с 50% и более заданий.

В 2023 году более 50% справились с половиной и более заданий тестовой части, что ниже, чем было в предыдущем замере. Более детальный разбор результатов и их связи с социокультурными характеристиками территории представлен в более ранних обзорах [17].

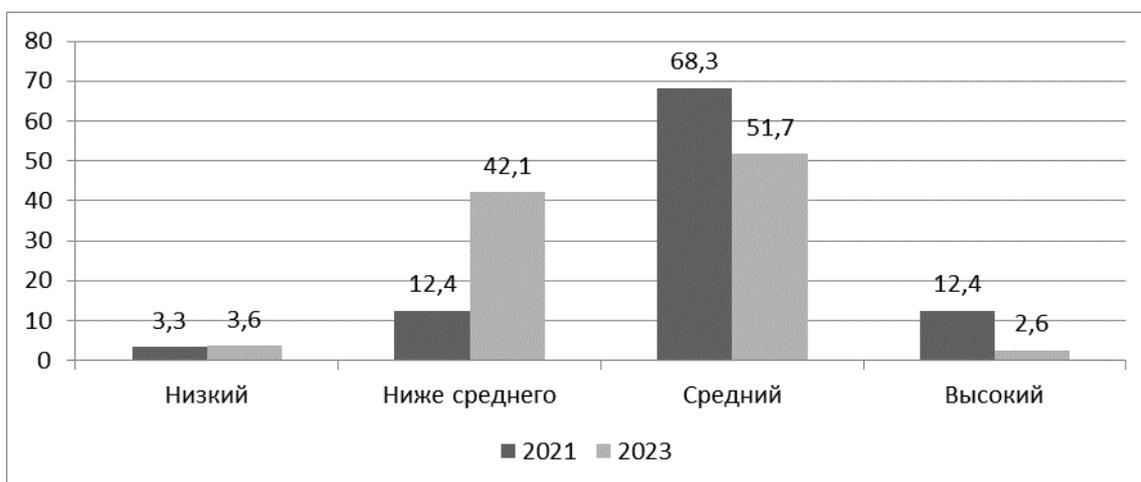

Рис. 2. Сравнение уровня выполнения тестовой части (% по году)

Один из существенных исследовательских вопросов состоит в том, связаны ли различные показатели, которые потенциально характеризуют качество условий образовательной деятельности и отдельные характеристики результата этой деятельности. В данном случае целесообразно провести анализ среднего балла образовательных организаций по двум мониторингам (табл. 2). Для этого массивы данных по двум мониторингам были объединены. В общую базу данных попало 409 организаций, имеющих результаты по двум мониторингам одновременно.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа между группами показателей НОК и средними результатами диагностики готовности к самоопределению по образовательным организациям

		K1	K2	K3	K4	K5
Готовность к самоопределению	Корреляция Пирсона	,147	-,008	,054	,056	,005
	Знач. (двухсторонняя)	,003	,871	,273	,257	,926
	N	409	409	409	409	409

Как видно из представленных данных, среди используемых признаков отсутствует какая-либо статистически значимая связь.

Заключение

Подводя итог краткому обзору опыта Пермского края по формированию и развитию региональной системы мониторинга состояния, развития и эффективности системы общего образования, необходимо остановиться на нескольких выводах, которые кажутся особенно значимыми.

Прежде всего, современное состояние отечественной системы образования и ее регионального сегмента характеризуется множественными трансформациями и адаптационными процессами. Данное обстоятельство говорит о необходимости как можно более эффективно работающей информационно-аналитической деятельности, способной фиксировать текущее состояние и возможные вызовы развития.

Указанные обстоятельства говорят о необходимости наличия актуальных и точных данных, а следовательно – системы мониторинга. Однако ее формирование сопряжено с рисками, связанными как с технологическими сложностями и безопасностью данных, так и с недопустимостью роста бюрократической нагрузки на административно-педагогический персонал образовательных организаций.

Сложившаяся система мониторинга основных показателей системы образования в Пермском крае представляет собой достаточно сложную и разветвленную модель, в которую включено несколько информационно-аналитических платформ, различающихся по своему функционалу. Тем не менее, они содержат сведения по множеству параметров, характеризующих как разные аспекты условий образовательной деятельности, так и ее результатов. Однако сложным является вопрос интеграции этих массивов данных в единую сеть, что позволило бы сформировать комплексное представление о связи (или отсутствии связи) имеющихся параметров.

Проведенное сопоставление результатов двух мониторинговых процедур показало следующую картину: при росте результатов по обоим обследованиям статистически значимая корреляция между условиями и результатами образовательной деятельности не прослеживается. Из этого наблюдения необходимо сделать один важный вывод: необходимо комплексное и более скрупулезное изучение тех параметров и факторов, которые оказывают влияние на развитие системы образования в Пермском крае.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровцевой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016 564 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005 390 с.

5. *Дюргейм Э.* Социология образования / пер. с франц. Т. Астаховой; под ред. В. Собкина, В. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.
6. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2021. 456 с.
7. *Плахова Л.М., Овчинникова Н.В.* Управление образовательными организациями в условиях введения ФГОС: конфликт между мотивами и ресурсами // Образовательная политика. 2015. № 3 (69). С. 113–117.
8. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Переход образовательных общностей от неуспешности к успешности в процессе трансфера их человеческого капитала // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 1. С. 88–110.
9. *Кох И.А.* Эволюция институциональной парадигмы в социологии управления // Известия Уральского государственного горного университета. 2007. № 22. С. 119–127.
10. *Farrell H.* The Shared Challenges of Institutional Theories: Rational Choice, Historical Institutionalism, and Sociological Institutionalism // Knowledge and Institutions. Springer. 2018. P. 23-44.
11. *Niyazova G., Aibergen A., Menlibekova G., Kopishev E.* Development of a quality management monitoring system for social and pedagogical educational programs // International Journal of Innovative Research and Scientific Studies. 2024. № 7(2). P. 795-803.
12. *Logachev M.S., Orekhovskaya N.A., Seregina T.N., Shishov S., Volvak S.F.* Information System for Monitoring and Managing the Quality of Educational Programs // Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity. 2021. № 7(93). P. 1–17.
13. *Plomp T., Huijsman H., Kluyfhou E.* Monitoring in educational development projects: the development of a monitoring system // International Journal of Educational Development. 1992. Vol. 12, № 1. P. 65–73.
14. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ: принят Государственной думой 21.12.2012 г.; одобрен Советом Федерации 26.12.2012 г.: [в ред. от 16.04.2022] // Официальный интернет-портал правовой информации: государственная система правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 05.03.2024).
15. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/?ysclid=lvwaex37yl944298694> (дата обращения: 05.03.2024).
16. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2022/23 учебного года // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/70ecc3b178e0b8397d234697c42e0ad8/> (дата обращения 15.08.2023).
17. *Волегов В.С.* Готовность обучающихся пермского края к профессиональному самоопределению: знания о мире профессий и образовательные планы // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1 (2). С. 353–362.

УДК 316.728

EDN CIVJMB

Анисимова Дарья Денисовна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
danisimova02@mail.ru

УСЛОВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА ЖИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА КРАСНОКАМСКА)

В статье описаны результаты социологического исследования, имеющего поисковый характер, а также его теоретико-методологическая основа. Цель исследования – изучить условия воспроизводства культурного капитала жителей Краснокамского муниципального образования. Автором произведен анализ ключевых компонентов сформированности культурного капитала жителей, а именно их включенности в представленные на территории муниципалитета культурные практики и учреждения, а также удовлетворенность ими. В качестве метода исследования был использован формализованный опрос в формате online-анкетирования; выборочная совокупность была отобрана определена методом квотного отбора и составила 101 человек. При анализе данных были использованы методы описательной статистики, методы, предназначенные для сравнения средних, корреляционный анализ, иерархический кластерный анализ, кластеризация k-средними. По итогам анализа было установлено, что, несмотря на существующие условия воспроизводства культурного капитала, качество реализуемых практик и мероприятий недостаточно высоко: отмечается низкий уровень включенности населения в практики/мероприятия, невысокий уровень удовлетворенности отдельными аспектами работы культурных учреждений. Также были выдвинуты предположения о возможных причинах такого результата, а также предложены рекомендации по совершенствованию условий воспроизводства культурного капитала жителей муниципального образования.

Ключевые слова: культурный капитал территории, воспроизводство культурного капитала, муниципальные образования.

Ссылка для цитирования: Анисимова Д.Д. Условия воспроизводства культурного капитала жителей муниципальных образований (на примере города Краснокамска) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 21–27. EDN CIVJMB

Darya D. Anisimova,
student of the direction “Sociology”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
danisimova02@mail.ru

CONDITIONS FOR THE REPRODUCTION OF THE CULTURAL CAPITAL OF RESIDENTS OF MUNICIPALITIES (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF KRASNOKAMSK)

The article describes the results of a sociological study of an exploratory nature, as well as its theoretical and methodological basis. The purpose of the study is to study the conditions for the reproduction of cultural capital of residents of the Krasnokamsk municipality. The author analyzed the key components of the formation of the cultural capital of residents, namely their inclusion in the cultural practices and institutions represented on the territory of the municipality, as well as satisfaction with them. A formalized survey in the online questionnaire format was used as a research method; The sample population was selected using the quota selection method and consisted of 101 people. When analyzing the data, methods of descriptive statistics, methods designed to compare means, correlation analysis, hierarchical cluster analysis, k-means clustering were used. Based on the results of the analysis, it was found that, despite the existing conditions for the reproduction of cultural capital, the quality of the implemented practices and activities is not high enough: low level of involvement of the population in practices/events, low level of satisfaction with certain aspects of the work of cultural institutions. Suggestions were also made about the possible reasons for this result, and recommendations were proposed for improving the conditions for the reproduction of the cultural capital of residents of the municipality.

Keywords: cultural capital of the territory, reproduction of cultural capital, municipalities.

For citation: Anisimova D.D. [Conditions for the reproduction of the cultural capital of residents of municipalities (on the example of the city of Krasnokamsk)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 21–27 (In Russian), EDN CIVJMB

Введение

Культурный капитал муниципального образования, проявляющийся через культурный капитал жителей, позволяет сформировать социокультурный портрет муниципалитета, определить проблемные области, несовершенства, искоренение которых впоследствии станет положительным вектором в устойчивом развитии муниципального образования [1]. Формирование культурного капитала жителей муниципального образования связано с условиями воспроизводства культуры [2]. Если условия воспроизводства культурного капитала ограничены, то качество реализации культурных практик, и, следовательно, степень усвоения культурного капитала снижаются [3]. Поэтому **проблемой** является противоречие между условиями воспроизводства культурного капитала жителей и качеством реализации культурных практик в муниципальном образовании. Так, в рамках исследования была поставлена следующая **цель** – изучить условия воспроизводства культурного капитала жителей Краснокамского городского округа (КГО).

Категорию культурного капитала впервые ввел французский ученый П. Бурдьё, который определял его как образование (общее, профессиональное, специальное) и соответствующий диплом, а также тот культурный уровень индивида, который ему достался в наслед-

ство от его семьи и усвоен в процессе социализации [4, с. 60]. Культурный капитал может выступать в трех состояниях: инкорпорированном, институционализированном и объективированном [4]. Если рассматривать инкорпорированное состояние, то можно говорить о процессе самосовершенствования, саморазвития, приобретения каких-либо специфических навыков и умений. Его человек может приобрести посредством обучения или общения, осознанно или не осознанно. Институционализированное состояние культурного капитала предполагает наличие или отсутствие определенной академической квалификации [5]. Приобретенные нами умения и знания подтверждаются документом. Это дает возможность наделять ценностью того или иного сотрудника, а, следовательно, устанавливать его стоимость на рынке труда [6]. Объективированное состояние культурного капитала предполагает его материальность. Культурный капитал в таком состоянии может быть выражен в предметах и объектах: музеи, театры, картины, документы и т.д. Стоит отметить, что культурный капитал можно рассматривать в двух смыслах, а именно: культурный капитал, присущий территории как таковой, а также культурный капитал, присущий жителям данной территории [7].

На сегодняшний день очень важным условием для реализации определенных задач, преобразований на какой-либо территории является изучение и оценка культурного капитала территории [8]. Совмещенный подход, предложенный Н. Лапиным и Л. Беляевой, рассматривает культурный капитал региона в разрезе двух компонент: статистической и социологической. Это дает возможность при помощи статистики сформировать и заранее учесть набор значимых индикаторов, а также сконструировать инструментарий социологического исследования, результаты которого дадут возможность составить социокультурный портрет региона [9].

Однако на данный момент культурный капитал жителей муниципального образования недостаточно изучен, в то время это является важным аспектом развития территории, поскольку помогает выявить социокультурные риски, проблемы, присутствующие в муниципалитете, а также зоны его развития [10].

Материалы и методы исследования

В качестве метода исследования был выбран формализованный опрос, а именно online-анкетирование на платформе “Google Forms” – размещение вопросов на электронной платформе и предоставление удаленного доступа респондентам. Это связано с тем, что выборка разнородна, а доступ к респондентам затруднен в связи с территориальными особенностями.

Выборочная совокупность составила 101 человек (51 женщина и 50 мужчин), среди которых жители Краснокамского городского округа в возрасте от 18 лет (см. таблицу 1). Выборочная совокупность была отобрана методом квотного отбора, т.к. данный вид отбора позволяет задать квоты по значимым с точки зрения исследования параметрами, а именно по социально-демографическим признакам респондентов. Так, квотными признаками выступили пол и возраст. Выборочная совокупность была рассчитана следующим образом: всего в Краснокамске 43009 жителей от 18 лет, 24539 женщин и 18470 мужчин. Были определены размер выборочной совокупности (101 респондент) и соотношение квот по каждому критерию, а именно по полу и возрасту: женщины и мужчины в возрасте 18–24 лет – 6%; женщины и мужчины в возрасте 25–29 лет – 5%; женщины и мужчины в возрасте 30–44 лет – 14% и 12% соответственно; женщины и мужчины в возрасте 45–59 лет – 16% и 12% соответственно; женщины и мужчины в возрасте 60 лет и старше – 16% и 9% соответственно. Отбор респондентов произведен непосредственно анкетером.

Стоит отметить, что проведенное исследование является пилотным и имеет поисковый характер.

Таблица 1. Структура выборочной совокупности

Возраст	Женщины	Мужчины
18-24	6	6
25-29	5	5
30-44	14	12
45-59	15	12
60 лет и старше	16	9
Всего:	56	44

При анализе полученных данных были использованы методы описательной статистики, а также методы, предназначенные для сравнения средних, корреляционный анализ, иерархический кластерный анализ, кластеризация k-средними.

Результаты исследования

В качестве ключевых компонентов сформированности культурного капитала жителей рассмотрим их включенность в представленные на территории муниципалитета культурные практики и учреждения, а также удовлетворенность ими.

Включенность в культурные практики – степень вхождения человека в те или иные культурные практики. В данном случае степень определяется частотой посещения существующих в округе мест и мероприятий.

Так, большая часть опрошенных респондентов (65,3%) посещает культурные мероприятия/места; около 35% опрошенных не посещают (см. рис. 1).

Рассмотрим по отдельности частоту посещения опрошенным населением Краснокамского городского округа культурных учреждений и мест. Для того, чтобы понять, как часто респонденты посещают культурные учреждения, респондентам было предложено оценить частоту посещения каждого в отдельности, а именно:

1. библиотеки,
2. музеи,
3. театры,
4. дома творчества,
5. спортивные учреждения,
6. кинотеатры.

Так, около 4% респондентов посещают представленные учреждения один раз в неделю и чаще; 13% респондентов посещают учреждения 1–3 раза в месяц; более четверти посещают 1–3 раза в полгода; чуть больше одной пятой части респондентов посещают раз в год и реже, а 32% не посещали представленные места вообще. Это означает, что респонденты посещают культурные учреждения в среднем раз в год и реже, следовательно, частота посещения находится на низком уровне. Помимо уже известных культурно-досуговых учреждений, в муниципалитете проводятся различные мероприятия, в которые люди так или иначе включены, а именно:

1. фестивали,
2. концерты,
3. мастер-классы,
4. конкурсы (в области науки и культуры),
5. спортивные мероприятия.

Исходя из полученных ответов, можно заключить, что около 33% респондентов вообще не посещают предлагаемые мероприятия; примерно 23% посещают их раз в год и реже; 22% респондентов посещают 1–3 раза в полгода, чуть меньше одной пятой (18%) респондентов посещают 1–3 раза в месяц, и только 4% включаются в проводимые мероприятия один

раз в неделю и чаще. Это означает, что респонденты посещают культурные мероприятия в среднем раз в год и реже, следовательно, частота посещения находится на низком уровне.

Выявление удовлетворенности работой культурных учреждений жителями Краснокамска позволит понять, какие аспекты негативно влияют на функционирование культурных учреждений и на их востребованность, а какие, наоборот, способствуют улучшению работы.

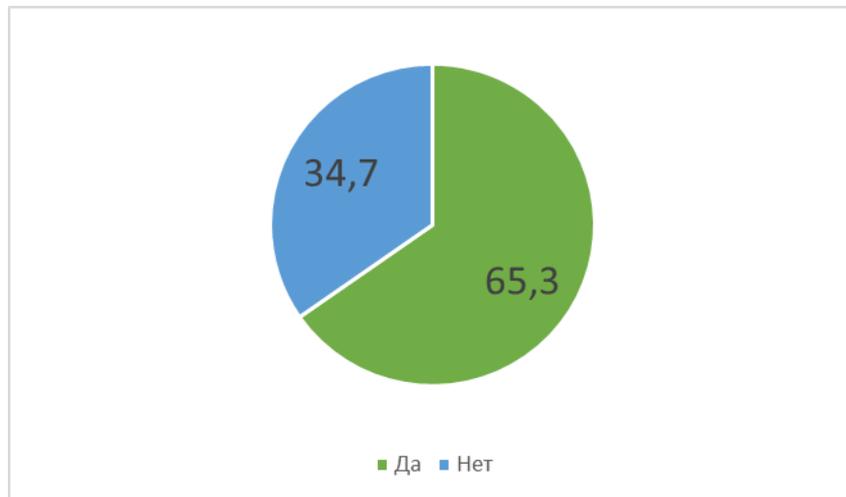

Рис.1. Посещаемость культурных мероприятий и учреждений жителями КГО (% от ответивших)

Так, удалось **сконструировать индекс**, определяющий среднее арифметическое оценок удовлетворенности отдельными аспектам культурных мероприятий, где:

- 1-2 – низкий уровень удовлетворенности,
- 3-4 – средний уровень удовлетворенности,
- 5 – высокий уровень удовлетворенности.

Так, респонденты скорее удовлетворены каждым из представленных критериев (значение индекса 4): ценами на культурный досуг, содержанием форм досуга, мерами безопасности в культурных учреждениях, суммой на культурный досуг за месяц на одного члена семьи, инфраструктурой культурных учреждений, работой специалистов в учреждениях.

Респондентам было предложено указать то, чего не хватает в развитии культуры в Краснокамском муниципальном образовании. Данный вопрос носил открытую форму, поэтому на основе ответов удалось сформировать следующую классификацию существующих в муниципалитете **проблем** (рис. 2).

Так, **малое количество мероприятий для молодых людей** отмечается 56% ответивших респондентов.

Малое число бесплатных досуговых мест для посещения семьей отмечается 25% ответившими респондентами.

Недостаточная реклама культурно-досуговых мест/мероприятий отмечается 12% ответившими респондентами. Данная проблема может быть связана с несколькими причинами: недостаточное финансирование, отсутствие подходящих площадок для размещения информации о мероприятиях или неэффективное использование существующих рекламных каналов, что может привести к недостаточной информированности населения о культурных мероприятиях.

Нехватка специалистов отмечается 7% ответившими респондентами. Данная проблема вытекает из остальных как следствие. Возможно, в данном муниципалитете не хватает специализированных учебных заведений или курсов для обучения кадров в сфере культуры.

Более того, стоит отметить совпадение приоритетов в развитии культуры города со стороны опрошенных жителей и задач, прописанных в муниципальных программах по раз-

витию культурной среды в Краснокамском городском округе. Так, в муниципальной программе «Развитие культуры и молодежной политики в Краснокамском городском округе» выделяются следующие аспекты, требующие проработки: нехватка доступных культурных событий для разных возрастных и социальных групп населения, недостаточное внимание к сохранению и продвижению культурного наследия, что соответствует ключевым проблемам, выделяемым респондентами.

Рис. 2. Проблемы в сфере развития культуры Краснокамского муниципального образования (% от ответивших)

Однако для более подробного анализа рассмотрим связь удовлетворенности аспектами культурных учреждений с социально-демографическими характеристиками. Предположительно, связь между ними есть, причем мужчины и женщины в возрасте от 30 до 44 лет одинаково удовлетворены разными аспектами культурных институтов.

Для проверки данной гипотезы был проведен кластерный анализ, т.к. он позволяет выделить специфические группы на основе возраста, пола и определенного аспекта, связанного с удовлетворенностью функционирования культурных учреждений, проведения культурных мероприятий.

Более того, это позволит описать специфику выделенных групп, социально-демографические особенности, что впоследствии ляжет в основу принятия решений в области культуры. Перед началом анализа было определено, что все заложенные для анализа переменные статистически значимы ($\alpha < 0,05$). Соответственно, связь между социально-демографическими характеристиками и удовлетворенностью различными аспектами есть.

Путем иерархической кластеризации было выявлено, что можно выделить 2 кластера. Чтобы посмотреть, как наполнены эти кластеры, была проведена кластеризация К-средними.

Каждый кластер наполнен примерно одинаково:

1 кластер: 42;

2 кластер: 35.

Существует группа мужчин в возрасте *42 лет*, которая наиболее удовлетворена всеми аспектами работы учреждений.

Существует группа женщин в возрасте *35 лет*, которая в меньшей степени удовлетворена разнообразием форм досуга. Более того, остальными аспектами они скорее неудовлетворены, чем удовлетворены.

Таким образом, гипотеза о связи социально-демографических характеристик и удовлетворенностью аспектами культурных учреждений/мероприятий подтвердилась.

Более того, сформировалось 2 кластера, исходя из описания которых можно сделать вывод о том, что:

А) мужчины в большей степени удовлетворены организацией культурных мероприятий/учреждений, чем женщины.

Б) среди женщин нет полностью удовлетворенных какими-либо аспектами, скорее, наоборот, не удовлетворены существующей организацией культурно-досуговых мест.

Так, гипотеза подтверждена: мужчины в большей степени удовлетворены работой культурных институтов, чем женщины.

Вероятно, такие результаты связаны с тем, что разные социально-демографические группы по-разному оценивают те или иные аспекты. Так, можно сделать следующий вывод: мужчинам важнее инфраструктурные особенности культурных институтов, а не их содержание, а женщины оценивают культурные учреждения, учитывая совокупность факторов.

Заключение

Таким образом, несмотря на существующие условия воспроизводства культурного капитала, качество реализуемых практик и мероприятий недостаточно высоко: низкий уровень включенности населения в практики/мероприятия, невысокий уровень удовлетворенности отдельными аспектами работы культурных институтов. Препятствующий фактор воспроизводства культурного капитала – недостаточно высокий уровень удовлетворенности опрошенных жителей работой культурных институтов муниципалитета, что объясняется разрывом между существующими условиями и желаемыми. Однако отмеченные проблемы в сфере развития культурной среды города соотносятся с приоритетными направлениями деятельности органов местного самоуправления в рамках муниципальных программ по развитию культуры. Следовательно, следует организовать более активное вовлечение жителей в культурные инициативы, а также улучшить координацию между учреждениями культуры и общественными организациями. В целом, развитие культурного капитала в муниципалитетах требует комплексного подхода и постоянной работы по созданию условий для сохранения и продвижения культурного наследия, разнообразия и инноваций в сфере культуры.

Библиографический список

1. *Лапшов В.А.* Культурный капитал как фактор экономической безопасности России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2017. С. 194–215.
2. *Суворова А.В.* Измерение территориального капитала: сущность и особенности // Креативная экономика. 2021. Т.15. №9. С. 3593–3610.
3. *Фролов Д.П., Соловьева И.А.* Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. С. 28–45.
4. *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 0–74.
5. *Кудинова А.В.* О методологии концепции культурного капитала // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 4 (51). С. 45.
6. *Тросби Д.* Роль культуры в экономическом развитии // Государственная служба за рубежом. Управление культурой. Реферативный бюллетень. 2004. №5 (55). С.61–72.
7. *Новикова Е.Э.* «Культурный капитал населения» как элемент социокультурного портрета // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. С. 326–331.
8. *Кажяева Т.И.* Теоретические положения статистического исследования культурного капитала региона. // Науковедение. 2015. Т. 7. С. 1–13.
9. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: сб. материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006. с. 275.
10. *Большаков Н.В.* Измерение культурного капитала: от теории к практике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. С. 1–10.

УДК 316.728

EDN GPMYLT

Якименко Яна Александровна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
yana-yakimenko-2002@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ И РАБОТНИКОВ ЗАВОДА В ГОРОДЕ ПЕРМИ

В статье представлено обобщенное теоретическое понимание факторов, детерминирующих положение индивида в обществе, культурный капитал, согласно теории Бурдье, включая связь с другими авторами (А.С. Голиков, Д. Тросби и Р. Коллинз). Представлены результаты эмпирического исследования по теме практик культурного потребления в разных профессиональных группах. Профессиональные группы представлены объединениями учителей и работников завода как обладателей ассиметричной структуры совокупного капитала, т.е. у учителей преобладает культурный капитал, а у работников завода – экономический. В контексте профессиональной принадлежности как отражения определенного положения в обществе рассмотрены следующие практики культурного потребления: чтение книг, просмотр театральные постановки, просмотр музейных экспонатов, изучение исторических достопримечательностей, участие в фестивалях, прослушивание публичных лекций, участие в симпозиумах по профессиональной тематике, просмотр спортивных мероприятий и просмотр выставочных экспонатов. В статье представлен обзор особенностей чтения книг и просмотр телевизора в профессиональных группах. Автором доказывается актуальность рассмотрения учителей и работников завода как статусов, культурное потребление которых имеет мало схожих практик. Рассмотрение габитуса как структурирующей структуры, которая позволяет реализовать определенный набор практик культурного потребления.

Ключевые слова: экономический капитал, социальный капитал, культурный капитал, знания, культурное потребление, габитус.

Ссылка для цитирования: Якименко Я.А. Особенности культурного потребления учителей и работников завода в городе Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 28–37. EDN GPMYLT

Yana A. Yakimenko,
student of the direction “Sociology”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
yana-yakimenko-2002@mail.ru

FEATURES OF CULTURAL CONSUMPTION OF TEACHERS AND FACTORY WORKERS IN THE CITY OF PERM

The article presents a generalized theoretical understanding of the factors that determine an individual's position in society, according to Bourdieu's theory: cultural capital, including connections with other authors (A.S. Golikov, D. Throsby and R. Collins). The results of an empirical study on the topic of cultural consumption practices in different professional groups are presented. Professional groups are represented by associations of teachers and factory workers, as owners of an asymmetric structure of total capital, i.e. For teachers, cultural capital predominates, while for factory workers, economic capital predominates. In the context of professional affiliation, as a reflection of a certain position in society, the following practices of cultural consumption are considered: reading books, watching theatrical productions, viewing museum exhibits, studying historical sights, participating in festivals, listening to public lectures, participating in symposiums on professional topics, watching sports events and viewing exhibition exhibits. The article provides an overview of the characteristics of reading books and watching TV in professional groups. The author proves the relevance of considering teachers and factory workers as statuses whose cultural consumption has few similar practices. Consideration of habitus as a structuring structure that allows for the implementation of a certain set of cultural consumption practices.

Keywords: economic capital, social capital, cultural capital, knowledge, cultural consumption, habitus.

For citation: Yakimenko Ya.A. [Features of cultural consumption of teachers and factory workers in the city of Perm]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 28–37 (In Russian), EDN GPMYLT

В социуме есть множество социальных групп, основанных на самых разных факторах, – хобби, работа, место проживания и проч. [1]. Все эти факторы, согласно теории Пьера Бурдьё, можно отнести к следствию экономического, социального или культурного капиталов индивида [2].

Первичным является экономический капитал, т.к. он есть своего рода основа, имеющая в виде надстройки культурный и социальный капиталы [3]. Именно поэтому экономический капитал имеет наибольшую ценность в обществе среди других форм капитала. Институционализированным проявлением данного вида капитала является право собственности. Именно право собственности является формой организации экономических отношений с присущими ей правилами, нормами и их регуляцией.

Экономический капитал конвертируется в деньги, а деньги есть элемент рыночных отношений. По мнению Карла Маркса, человек всегда будет включен в эти отношения, следовательно, деньги есть неотъемлемая часть капитала [4]. Это обуславливает возможность преобразования символического и культурного капиталов в экономический.

Объем экономического капитала зависит от количественных и качественных характеристик собственности, а также от объема денежных средств, которыми обладает индивид.

Социальный капитал непосредственно связан с членством в той или иной группе, связи в которой институционализированы в форме отношений взаимного знакомства и призна-

ния. Именно принадлежность к социальной группе дает членам сообщества доступ к коллективному капиталу, который включает в себя совокупность ресурсов всех членов группы. Помимо предоставления ресурсов, группа является показателем статуса своих членов. За счет принадлежности к какой-либо группе индивид приобретает определенный социальный статус, который Бурдье выражает с помощью понятия репутации. В зависимости от характера репутации индивид имеет возможность получать кредиты, своего рода займы в различных областях жизни. Также необходимо отметить, что основой группы является феномен солидарности. С одной стороны, солидарность зависима от прибыли, которую приносит индивид в группу, с другой – дает ему возможность извлекать прибыль из коллективного капитала группы, причем как намеренно, так и неосознанно.

Формой институционализации социального капитала является аристократический титул. Таким образом, аристократический титул гарантирует определенное проявление длительных социальных отношений.

Объем социального капитала зависит от двух переменных: размера сети связей, которые индивид может мобилизовать, и объема других форм капитал у членов его сети связей. Размер сети связей постоянно видоизменяется по причине того, что эти сети не являются социальной данностью. Сеть является динамичной системой, которая включает в себя нескончаемый цикл по институциональному оформлению. Институционализация происходит посредством обрядов.

Обряд посвящения представляет собой инвестиционные стратегии, как индивидуальные, так и коллективные, сознательно или бессознательно нацеленные на трансформацию случайных связей в социальные отношения. Этот обряд есть таинство посвящения, которое направлено на установление и воспроизводство социальных отношений. Оно реализуется посредством символического установления связи. Связи, в свою очередь, поддерживаются процессом обмена благами, которыми могут выступать дары, слова и другие ресурсы. Социальный институт, в рамках которого устанавливаются отношения, предопределяет характер блага, обмениваемого членами группы. Важно отметить, что для каждого нового члена группы будут изменяться требования, т.к. с приходом нового члена группа поменялась, изменился коллективный капитал, репутация членов группы, т.е. группа, а именно сеть отношений в ней является динамичной системой, как и сеть связей.

Далее идет процесс перехода от таинства посвящения к следующему обряду. В процессе обмена блага приобретают символичность и становятся знаками признания, которые подразумевают взаимное знание и признание, т.е. член группы признает других, а также признает свое членство в данной группе.

В группе все члены друг друга признают, следовательно, есть и другие индивиды, которые не признаны членами сообщества, которые находятся за границами данной сети отношений. Посредством конститутивного обмена устанавливаются границы сообщества, за которыми не происходит никакой обмен. Данный обмен направлен на установление связей, которые будут выгодны членам сообщества. Примером конституирующего обмена являются совместные трапезы, в процессе которых устанавливаются связи, которые в перспективе могут перерасти в отношения и, следовательно, принести новых членов в группу, а это является важнейшим компонентом, необходимым для существования и выживания данной группы.

Для процесса наращивания и воспроизводства социального капитала индивиду необходимо обладать как временными, так и экономическими ресурсами. Труд, направленный на поддержание социального капитала, пропорционален объему капиталов. Чем выше уровень экономического, культурного или социального капиталов, тем меньше нужно усилий и затрат на приобретение продолжительных связей. Также данный феномен аналогично проявляется при наследовании. Унаследовавший знаменитое имя, человек тратит меньше усилий на построение отношений, т.к. индивидам важно иметь связи с тем, кто имеет известное имя, т.е. другие готовы отдать больше ресурсов, чтобы выстроить отношения с данным индивидом.

Данная форма капитала объясняет процесс обмена символами, не объясняя само знание о символах. Это социолог отразил в категории *культурного капитала*, выделив в нем три состояния: инкорпорированное, объективированное и институционализированное.

Инкорпорированное состояние подразумевает принадлежность субъекту, т.е. культурный капитал существует только тогда, когда существует сам субъект. Его воплощениями являются длительные диспозиции ума и тела. Посредством процесса инкультурации индивид приобретает различные знания и умения, т.е. наращивает свой культурный капитал. Рассматривая знания в концепции символизма, Коллинз определяет культурный капитал как средство/ресурс (знания), позволяющий расшифровать символы окружающего мира [5, с. 29].

Данные компетенции невозможно унаследовать, на их приобретение необходимо потратить как временные ресурсы, так и собственные усилия.

В свою очередь, помимо знаний, навыков и умений, Бурдье отводит отдельное место предметам материальной культуры, не сводя их к экономическому капиталу.

Объективированное состояние культурного капитала представляет собой различные предметы искусства, изобретения, предметы архитектуры и т.д. Данные элементы могут передаваться материально. Причем процесс передачи намного легче, чем передача экономического капитала, т.к. перевод капитала происходит в более скрытой форме. Например, индивид унаследовал определенную сумму денежных средств, этот факт зафиксирован в налоговой службе. Индивид унаследовал коллекцию картин, эта коллекция не имеет фиксированной цены, из чего эта коллекция может стоить дороже, чем унаследованная сумма денежных средств, но передача будет происходить в более скрытой форме. Человеку, не обладающему знаниями относительно данной коллекции картин, будет невозможно определить ее ценность как в экономическом, так и в культурном плане.

Из этого вытекает взаимосвязь объективированного состояния культурного капитала с инкорпорированным. С одной стороны, обладателю предметов материальной культуры требуется знание о том, как использовать, например, машину. Автовладельцу необходимо либо самому уметь водить, либо нанять человека, который обладает данными знаниями. Таким образом, объективированному культурному капиталу необходим инкорпорированный, т.к. он позволяет агенту воплощать и инвестировать данный капитал. С другой – важно понимать, что объективированное состояние культурного капитала не сводится к одному или группе агентов. Отчасти это автономный мир, имеющий свои законы, который превосходит волю отдельно взятого индивида.

Взаимосвязь объективированного состояния культурного капитала с инкорпорированным рассматривал и Дэвид Тросби. Ориентируясь на экономическую теорию, он определяет культурный капитал как актив, который способен воплощать, хранить и обеспечивать культурную ценность в дополнение к экономической ценности, которой он обладает.

Согласно экономическому пониманию, капитал – стоимость, направленная на получение прибавочной стоимости. Таким образом, культурный капитал в своих формах порождает поток капитальных услуг, а именно: конечное потребление и производство дополнительных товаров или услуг. Картина, в совокупности с затратами музея, является предметом потребления в картинной галерее. При этом данная форма культурного капитала для определенной социальной группы может стимулировать производство дальнейших работ: например, художник, увидев картину, увеличил таким образом свой культурный капитал и получил вдохновение на создание нового произведения искусства [6].

Чтобы подтвердить свои знания и умения, которые также нужны и для использования предметов материальной культуры, необходимо их легитимировать в обществе, т.е. институционализировать.

Формой институционализации культурного капитала являются академические квалификации. Отчасти академическая квалификация подразумевает овладение знаниями, что

включается в диспозиции ума и тела, т.е. является неотъемлемой частью субъекта, следовательно, также ограничено его биологическими рамками. Квалификации легитимированы в качестве ценности, в отличие от капитала «самоучки», который не подтвержден никакой образовательной организацией.

Голиков дополнил понятие культурного капитала категориями: компетентность в значимостях и компетентность в значениях [7]. Первая позволяет актору различать капитально значимые ресурсы, которые окажут заметное влияние на культурный капитал индивида, от капитально незначимых, не стоящих инвестированного времени. Эта компетентность дает возможность актору быть более успешным, например, в профессиональной сфере. Если индивид понимает значимость приобретения профессиональных навыков, то его инвестирование времени будет рациональным, т.е. направленным на усвоение тех профессиональных знаний, которые будут ценными в последующем процессе конкуренции. Вторая представляет собой непосредственно умения, навыки и знания, причем знания трактуются широко и включают в себя также знания культуры, традиций, норм и образцов поведения. Компетентность в значимостях капитализирует компетентность в значениях, т.е. присваивает стоимость определенным знаниям и навыкам, и является, безусловно, определяющей в условиях конкуренции.

Профессиональная стратификация является той формой расслоения общества, которая связана непосредственно как со знаниями и умениями, так и с академическими квалификациями. Данную форму стратификации рассматривали Davis K. и Moore W.E. в работе «Некоторые принципы стратификации» [8]. Через призму структурно-функционального понимания социальной структуры социологи утверждают, что стратификация есть функциональная необходимость общества.

Таким образом, акторы распределены в социальном поле согласно их экономическому состоянию, членству в какой-либо группе, а также уровню знаний, квалификации и совокупности объектов, имеющих культурную значимость для индивида. Этот совокупный капитал довольно ассиметричен в сравнении группы промышленников, в качестве которых приведены работники завода, и учителей как представителей сферы образования. Бурдье утверждал, что уровень культурного капитала выше у учителей, а уровень экономического – у работников завода [9]. Положение в обществе индивид должен демонстрировать через разные аспекты, в том числе и с помощью культурного потребления. Культурное потребление – определенные практики, связанные с особым жизненным стилем, вкусом, классовой принадлежностью и т.д.

Данное исследование посвящено изучению практик культурного потребления как отражению объема совокупного культурного капитала, ассиметричного среди групп учителей и работников завода. У учителей и работников завода есть определенные возможности, которые продиктованы уровнем знаний, квалификацией, а также уровнем дохода. Необходимо рассмотреть, какие практики культурного потребления характерны для данных групп. Какие практики реализуются только с помощью определенных знаний, а какие не требуют глубоких познаний в теме.

В современном мире появилось больше возможностей в связи с развитием общества в целом, форм перемещения индивида в пространстве, форм итераций индивида, форм наращивания культурного капитала (знаний, умений, квалификаций и предметов, обладающих определенной ценностью) [10, с. 110–111]. Современное образование включает в себя множество интенсивов, направленных на изучение нового материала в сжатые сроки, именно эти интенсивы и их результаты легитимированы в обществе. Сегодня для просмотра спортивного матча не нужно преодолевать большие расстояния в любых погодных условиях, нужен лишь доступ к телевизору или интернету, которые позволят воспроизвести данную практику культурного потребления.

Таким образом, совокупность возможных практик культурного потребления увеличивается. Возникает вопрос, по-прежнему ли практики культурного потребления отражают принадлежность к группе обладателей определенного совокупного капитала?

Для ответа на него рассмотрим практики культурного потребления учителей школы МАОУ «СОШ № 83» г. Перми и работников завода ООО «Лукойл-Пермнефтеоргсинтез». Целевая выборка включает в себя 50 представителей первой профессиональной группы и 50 – второй. Выборка построена на теоретической модели Бурдьё. Учителя и работники завода – обладатели ассиметричного объема культурного и экономического капиталов, что позволит увидеть различия в культурном потреблении, т.к. именно знания и денежная составляющая сокращают круг возможностей культурного потребления.

Исследование основано на функциональном структурализме Пьера Бурдьё. Именно структура, положение индивида в ней детерминирует реализацию определенных функций.

Методом исследования выступает опрос, а именно – раздаточное анкетирование.

К практикам культурного потребления в данном исследовании причислены: *прослушивание музыки, чтение книг, просмотр фильмов и сериалов, просмотр театральных постановок, просмотр музейных экспонатов, изучение исторических достопримечательностей, участие в фестивалях, прослушивание публичных лекций, участие в конференциях по хобби, участие в симпозиумах по профессиональной тематике, просмотр спортивных мероприятий и просмотр выставочных экспонатов.*

Частота воспроизводства данных практик оценивалась респондентами в табличном вопросе по следующей шкале: *каждый день, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, раз в месяц, раз в 2–3 месяца, раз в 6 месяцев, раз в год, реже чем раз в год, никогда.*

В результате исследования выявлено, что наблюдается связь между профессиональной принадлежностью (учитель/работник завода) и частотой реализации практик культурного потребления.

Работники завода воспроизводят большую часть данных практик реже, чем учителя. Однако именно **работники смотрят спортивные мероприятия чаще, чем учителя.**

В отношении остальных случаев можно сделать следующие выводы:

- 1) учителя **читают книги** чаще, чем работники завода;
- 2) учителя **изучают исторические достопримечательности** чаще, чем работники завода;
- 3) учителя **участвуют в симпозиумах по профессиональной тематике** чаще, чем работники завода;
- 4) учителя **просматривают театральные постановки** чаще, чем работники завода;
- 5) учителя **просматривают выставочные экспонаты** чаще, чем работники завода;
- 6) учителя **просматривают музейные экспонаты** чаще, чем работники завода;
- 7) учителя **прослушивают публичные лекции** чаще, чем работники завода;
- 8) учителя **участвуют в фестивалях** чаще, чем работники завода.

Изучение книг, достопримечательностей, театральных постановок, экспонатов, лекций и прочего довольно сложный процесс, поскольку дешифрование этих символов доступно индивиду с высоким уровнем знаний. Таким образом, уровень инкорпорированного культурного капитала (знания и умения) отчасти обуславливает частоту реализации практик культурного потребления.

Данные различия могут быть детерминированы особенностями профессиональных обязанностей учителей.

Например, учителя начальных классов школы № 83 ежегодно принимают участие в фестивале «Милый край – сторонushка родная», основанном на базе школы, т.е. это внутренний фестиваль, помимо которого учителя посещают разные учреждения со своими учениками. Учителя среднего и старшего звена помимо собственных походов в театр устраивают по-

ездки всему классу примерно раз в триместр. Во время внеурочной деятельности учителя начальных классов ездят на экскурсии с классом (согласно утвержденному плану кружка «Краеведческий туризм») в музеи, на выставки, к историческим достопримечательностям и т.д. Каждый понедельник в школе проходит педагогический совет, на повестке которого примерно раз в 1–2 месяца проходит своего рода симпозиум. Помимо этого, учителя часто ездят на курсы повышения квалификации и проч. Таким образом, профессиональная деятельность учителя предполагает данные практики культурного потребления в качестве своего рода обязанностей.

Для изучения особенностей культурного потребления внутри практик в профессиональных группах приведено детальное рассмотрение предпочтений в двух довольно распространенных практиках: чтение книг и просмотр телевизора.

Предпочтения в контенте телевидения маркировались, исходя из вопроса: «Что Вас больше всего интересует на телевидении?» Список контента включал в себя следующие компоненты: *экономические новости, политические новости, спорт, музыкальные передачи/ток-шоу, художественные фильмы/спектакли, документальные/исторические фильмы/научно-познавательные передачи, сериалы/детективы и др.*

Из множества разного контента телевидения выявлена связь между профессиональной принадлежностью (учитель/ работник завода) и интересом к экономическим новостям, спортивным передачам, художественным фильмам и спектаклям, а также документальным, историческим и научно-познавательным передачам.

Работники завода в 4,5 раза чаще интересуются экономическими новостями по телевидению, чем учителя. Возможно, это связано с довольно специфичной выборкой (большинство опрошенных учителей – женщины, а большинство опрошенных работников завода – мужчины). Возможно, именно здесь проявляется тот факт, что у работников завода более высокий экономический капитал, что детерминирует практику слежения за экономическими новостями по телевидению.

Исходя из факта, что **«работники смотрят спортивные мероприятия чаще, чем учителя»**, можно предположить, что работники завода интересуются спортивными передачами по телевидению. Согласно показателю, **работники завода примерно в 9,3 раза чаще интересуются спортивными передачами по телевидению, чем учителя.**

Художественные фильмы/ спектакли отчасти связаны с профессиональной деятельностью учителя: например, для подготовки к уроку литературы или музыки необходимо изучить подобные материалы, в т.ч. по телевидению, если есть возможность. Исходя из этого, в рамках исследования было выдвинуто предположение о том, что учителей чаще интересуют художественные фильмы и спектакли на телевидении, чем работников завода. Действительно, **учителя примерно в 6,6 раз чаще заинтересованы в художественных фильмах в качестве контента телевидения, чем работники завода.** Т.е. среди интересующихся художественными фильмами на телевидении на 13 учителей приходится примерно 2 работника завода.

Работники завода в 2,4 раза реже интересуются таким контентом телевидения, как документальные, исторические фильмы и научно-познавательные передачи, чем учителя. Что также обусловлено набором практик культурного потребления, которые учителя осуществляют чаще, чем работники завода.

Таким образом, можно говорить о том, что учителя чаще интересуются документальными, историческими фильмами и научно-познавательными передачами, а также художественными фильмами и спектаклями, чем работники завода. Интерес к экономическим новостям и спортивным передачам на телевидении выше среди работников завода, чем среди учителей.

Теперь следует рассмотреть другую практику культурного потребления, чтобы выявить особенности в предпочитаемой литературе в разных профессиональных группах.

Вопрос о предпочитаемой литературе был задан следующим образом: «Какую литературу Вы обычно читаете (выберите **не более трех** ответов)?»

Варианты ответа следующие: *художественная литература, по специальности, научно-популярная, религиозная, философская, по кулинарии, по саморазвитию от коучей, по искусству, астрологическая литература/эзотерика, нон-фикшн, эротическая литература, классическая литература и др.* Данный категориальный вопрос перекодирован в набор дихотомических переменных.

Сравним три наиболее популярных литературных жанра в группе учителей и работников завода. В группе учителей предпочитают: художественную литературу (32,6% учителей), литературу по специальности (25,2% учителей), а также классическую литературу (14,1%). Что объясняет, по сути, стиль жизни учителя, который развивает знание символов в этих областях литературы, чтобы потом воспроизводить характерные для статуса «Учитель» практики.

Работники завода указали следующие приоритеты в литературных жанрах: художественная литература (29,4% работников завода), научно-популярная литература (16,7 % работников завода), а также категория «Другое» (13,7% работников завода). Категория «Другое» включает в себя следующие ответы работников завода: *военная тематика, историческая, рыбалка и фантастика.*

Таким образом, художественная литература является лидером как предпочитаемый литературный жанр в обеих профессиональных группах. Учителя читают классическую литературу и литературу по специальности почти каждый рабочий день, который предполагает наличие уроков, подготовка к которым и детерминирует данные литературные жанры. Работники завода предпочитают науч-поп как литературный жанр, а также литературу, связанную с хобби (рыбалка/ изучение военных событий).

Заключение

Исходя из полученных данных, можно выдвинуть следующие тезисы:

1. Существует связь между профессиональной принадлежностью и выбором практик культурного потребления. Профессиональная принадлежность учителей и работников завода связана с асимметричной структурой культурного и экономического капиталов. Учителя чаще осуществляют следующие практики культурного потребления: чтение книг, просмотр театральные постановки, просмотр музейных экспонатов, изучение исторических достопримечательностей, участие в фестивалях, прослушивание публичных лекций, участие в симпозиумах по профессиональной тематике и просмотр выставочных экспонатов. Данные практики реализует индивид с более высоким уровнем культурного капитала, который характерен для социально статуса «Учитель». Особенности культурного потребления работников завода выявлены в интересе к спортивным мероприятиям, а также экономическим новостям, что, возможно, связано с особенностью гендерной структуры в выборке (большая часть опрошенных учителей – женщины, а большая часть опрошенных работников завода – мужчины).

2. Практики представителей данных групп внутри объединений являются довольно схожими, поскольку схему интерпретации книг можно перенести на театр и т.д. Данные практики культурного потребления обязаны сродством стиля, как говорил Бурдьё, т.е., выражаясь в концепции габитуса, практики – структурированные продукты, которые произведены одной и той же структурирующей структурой. Схема восприятия одна и может распространяться на множество практик, например, учителя чаще просматривают выставочные экспонаты, а также музейные экспонаты. Принцип потребления довольно схож: изначально воспринимаются формы (печатная машинка, дом и т.д.), затем на смену приходит эмоциональное восприятие, и самым глубоким типом восприятия является восприятие определенно-

го произведения/продукта, соотнося его с другими произведениями/продуктами схожих стилей/ эпох/ творцов и т.д.

3. Различия культурного потребления учителей не является случайными: именно схожие схемы восприятия структурируют систему, что делать можно и легко, а какие практики являются непозволительными [11]. Таким образом, практики потребления позволяют индивидам демонстрировать свое отличие друг от друга, что основано на особой целостности габитуса как структурирующей структуры. Система классифицирующих схем учителя не сможет перестроиться полностью на схему работника завода, поскольку у учителя есть своя схема выверенных черт, ассоциируемых с самим собой. Именно воспроизводство практик просмотра театральных постановок, участия в фестивалях, чтения книг помогает особым образом классифицировать учителей, а просмотр спортивных мероприятий – работников завода. Данная классификация является ничем иным, как отражением социального статуса, выражением того или иного класса условий существования, что может проследиваться в категории «стиль жизни», отчасти раскрытый во взаимосвязи культурного капитала как фактора стратификации, и практик культурного потребления как средства отражения классовой принадлежности. Именно вкусовые предпочтения и стиль жизни (как феномены, связанные с культурным капиталом) побуждают сделать определенный выбор, в т.ч. и в контексте культурного потребления. Данное исследование исходило из тезиса: практики культурного потребления ассоциируются с разными социальными статусами, они организуются в соответствии с условиями существования классов. В качестве основного различия избрана профессиональная принадлежность как отражение групп, имеющих асимметрию в соотношении культурного и экономического капиталов. Таким образом, подтвердилось, что практики, которые схожи по структуре, действительно воспроизводит одна из двух выбранных групп – учителя. Данные практики также соответствуют высокому уровню культурного капитала, что отражает схожесть структурирующей структуры (габитуса) учителей. Несмотря на то, что все эти практики с точки зрения близости являются легкодоступными, особенно с началом пользования интернетом, индивиды распределяются по данным практикам в соответствии со своими ресурсами, со своими квалификациями, знаниями, умениями и т.д., поскольку у представителей разных групп своя особая схема структурирующих структур (габитус), которая сопряжена с определенным вкусом, стилем жизни и потреблением.

Библиографический список

1. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. С. 35–52.
2. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. London: Routledge/Kegan Paul, 1984. 613 p.
3. Bourdieu P. Forms of Capital / P. Bourdieu, in: Granovetter, M. and R. Swedberg (eds.) //The Sociology of Economic Life. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 2001. P. 98–102.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: монография [Текст]: в 3-х т. / К. Маркс; пер. с англ. Степанова-Скворцова И.И. М.: Госполитиздат, 1952. Т. 1. 794 с.
5. Коллинз Р. Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
6. Throsby D. Cultural capital // Journal of Cultural Economics. 1999. №. 23(1). P. 3–12.
7. Голиков А.С. Капиталы, ресурсы, доступы, возможности: констеллятивный дизайн социокультурных неравенств // Socioпростip: the interdisciplinary Collection of scientific Works on sociology and social Work. 2009. № 844. С. 69–73.
8. Davis K., Moore W.E. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1944. Vol. 10, № 2. P. 242–249.

9. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichenie-sotsialnaya-kritika-suzhdeniya> (дата обращения: 11.05.2024).

10. Корсунова В.И., Волченко О.В. Использование интернета и культурное потребление в странах Европы: сравнительный анализ // Мониторинг. 2019. №4 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-interneta-i-kulturnoe-potreblenie-v-stranah-evropy-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 08.04.2024).

11. Шматко Н.А. Габитус в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 60–70.

УДК 316.614

EDN GRCKPW

Шишкина Елизавета Валерьевна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
oliza00@mail.ru

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. ПЕРМИ

В данной статье приводятся результаты исследования процесса киберсоциализации студенческой молодежи города Перми. Целью исследования являлась оценка уровня функционирования студентов в киберпространстве и выявление характера киберсоциализации молодых людей через призму их поведенческих практик. Автором проведен анализ с выделением основных видов поведенческих практик студенческой молодежи (образование, профессиональная деятельность, досуг) и представленности данных практик в киберпространстве. Также изучены ценностные установки студентов в поведенческих практиках. В статье фиксируется высокий уровень функционирования в интернет-пространстве и позитивный характер киберсоциализации студенческой молодежи, исключается взаимовлияние данных составляющих процесса киберсоциализации. Автор находит связь между характером киберсоциализации и ценностными установками в поведенческих практиках молодых людей. Также автор раскрывает понятие «условный характер киберсоциализации» через выделение «кластеров» студентов в зависимости от их ценностных установок в поведенческих практиках, что, в свою очередь, позволяет утверждать автору статьи о сохранении силы влияния традиционных институтов социализации. В статье приведены следующие методы статистического анализа: построение частотных распределений, сравнение средних, корреляционный анализ, построение линейной регрессии, а также кластерный анализ.

Ключевые слова: поведенческие практики, социализация, цифровизация, киберсоциализация, ценностные установки, киберпространство, интернет-пространство, уровень функционирования, студенческая молодежь.

Ссылка для цитирования: Шишкина Е.В. Цифровая социализация студенческой молодежи г. Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 38–46. EDN GRCKPW

Elizaveta V. Shishkina,
student of the direction “Sociology”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
Oliza00@mail.ru

DIGITAL SOCIALIZATION OF THE STUDENT YOUTH OF THE CITY OF PERM

The article analyzes the experience of the Perm region in the formation and development of a regional system for monitoring the condition, development and effectiveness of the general education system. The methodological basis of the work is the institutional paradigm as one of the areas of sociology of management. The relevance of the topic is justified by a set of reasons related to the development of management theories and practices, improvement of technological conditions, including information and telecommunications, as well as modern trends in the development of education as an important subsystem of Russian society. The article describes the key areas for monitoring the conditions and results of educational activities of general education organizations in the Perm region. The empirical basis of the article is two monitoring studies carried out by the Institute for Educational Development of the Perm Territory as part of the implementation of federal and regional programs: an independent assessment of the quality of the conditions for carrying out educational activities and regional monitoring of the level of readiness of primary school students for professional self-determination. Based on the analysis of the results and dynamics of the selected diagnostic procedures, the author concludes that there is a significant need and significance for the integration of existing monitoring tools for a comprehensive characterization of the state and efficiency of the education system at the regional, municipal and organizational levels.

Keywords: education system, management monitoring, educational results, general education, Perm region.

For citation: Shishkina E.V. [Digital socialization of the student youth of the city of Perm]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 38–46 (In Russian), EDN GRCKPW

Процесс цифровизации, начавшийся в конце XX века, является новым, быстро развивающимся и малоизученным явлением. Цифровые технологии сегодня проникают как в повседневную жизнь, так и в профессиональную деятельность, меняя формы социальных практик и трансформируя сознание людей. Активное развитие цифровых технологий стимулирует интерес ученых к вопросам трансформации социальной реальности, формирования новой цифровой культуры, влияния цифровизации на жизнь человека, преимуществ и рисков виртуализации общества и т.д.

В научной литературе существует множество работ, посвященных теоретическим и методологическим аспектам цифровизации. Среди них можно выделить труды Дж. Урри [2], Э. Эллиотт, а также работы М. Кастельса [1] и других авторов. Так, в работе В.Г. Халина, Г.В. Черновой исследуется влияние цифровизации на экономические и социальные процессы, рассматриваются преимущества и вызовы, связанные с этим процессом и требующие решения [3]. А.В. Григорьев обращает внимание на социальные риски цифровизации образования, которые могут привести к замене реального общения виртуальным и повлиять на характер общения и взаимодействия в обществе [4]. В работе Р.М. Нуреева и О.В. Карапаева рассматривается влияние цифровизации на различные сферы общественной жизни, анализируются основные направления развития цифровых технологий и их влияние на уровень бла-

госостояния общества, а также формулируются возникающие при этом задачи и проблемы [5].

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что проблеме цифровизации уделяют достаточно внимания. Однако очевидно, что чувствуется нехватка исследований в определении влияния цифровизации на социализацию молодежи.

Современная эпоха характеризуется появлением опосредованной реальности, которая существенно отличается от прежних (доцифровых) форм социализации, ограниченных непосредственной окружающей средой (семьей, школой, университетом и т.д.). Вспоминая теорию П. Бурдьё, некоторая совокупность агентов, наделенная систематически связанными свойствами, составляла собой социальное пространство [6]. Совокупность агентов социализации теперь включает виртуальную реальность, конкурируя с исторически сложившимися формами и влияя на индивидуума на протяжении всего процесса его становления. Внедрение и распространение цифровых технологий радикально трансформировало способы коммуникации в обществе, оказав влияние на сферы образования, услуг и проведения досуга. Все эти изменения оказывают прямое воздействие на процесс социализации молодого поколения, который в настоящее время преимущественно протекает в цифровой форме.

Молодые люди часто теперь ищут себе авторитеты в Интернете, формируют свою систему ценностей самостоятельно при помощи сетевых ресурсов, все реже обращаясь к традиционным «помощникам» – семье и системе образования. Такие современные тенденции связывают с внедрением нового термина – «киберсоциализация», который ввел исследователь В.А. Плешаков, под которым подразумевается процесс качественных изменений структуры самосознания личности и ее потребностно-мотивационной сферы, «происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности» [7, с. 16].

Модель киберсоциализации молодежи в современном информационном обществе можно представить как единство 3-х ипостасей [8, с. 21]:

- 1) как объекта киберсоциализации (влияние киберпространства на жизнедеятельность и состояние здоровья молодежи);
- 2) как субъекта киберсоциализации (удовлетворение потребностей в киберпространстве);
- 3) как жертвы неблагоприятных условий киберсоциализации (опасности киберпространства и негативные последствия для самочувствия и социального здоровья молодежи).

Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать уровень и характер киберсоциализации студентов в городе Перми через особенности поведенческих практик в различных сферах деятельности (досуг, обучение, работа).

Теоретической основой исследования стали работы, изучающие социальные практики, а именно подходы и принципы, разработанные такими учеными, как М.А. Шабанова и В.В. Волков [10],[11].

Социальные практики, согласно М.А. Шабановой, представляют собой системы стабильных и распространенных общественных действий, и взаимодействий [10]. Они выступают в виде устойчивых комплексов взаимосвязанных и взаимообусловленных поведенческих ролей различных акторов (людей, организаций, сообществ), обеспечивающих работу соответствующих социальных институтов. Идеи автора базируются на ролевых теориях, концепциях социальных институтов, актах и взаимодействиях.

М.А. Шабанова разделяет практики на два основных вида: институционализированные и неинституционализированные. В основе этого деления лежит степень их формализации и упорядоченности. Институционализированные практики представляют собой устойчивую и стабильную часть деятельности общества или его ключевых подсистем. Эти практики могут выделяться либо своей масштабностью и важностью, либо стабильностью и консервативностью. Обращаясь к теме исследования, к ним можно отнести онлайн-образование, ди-

станционную работу и общение в интернете. Менее же распространенные, спорадические, недостаточно освоенные практики, а также практики, противоречащие принятым в данном обществе нормам, представляют периферию общественной жизни и не инкорпорируются в институты. К ним относятся скрытые или явные призывы к суициду, девиации на транспорте, опасные селфи.

В концепции фоновых практик, также принятой во внимание при проведении исследования, разработанной российским социологом В.В. Волковым на основе идей философа Л. Витгенштейна, фоновые практики понимаются как регулярно повторяющиеся социальные действия, которые служат неформальным образцом или нормой социального поведения [11]. Примером таких практик может служить цифровой этикет, т.е. “правила” поведения в процессе общения в интернете. Согласно В.В. Волкову, одинаковые изначально институты могут менять свое значение под влиянием уже существующих местных практик. Изменение практик может происходить тремя способами: при помощи артикуляции, реконфигурации и заимствования. Артикуляция связана с нормативным выражением и распространением определенного способа действия или стиля поведения (появление необходимости постановки специальной пометки при упоминании иноагентов в социальных сетях). Реконфигурация возникает тогда, когда практика (или аспект практики) превращается из побочной, маргинальной в центральную (приобретение товаров в интернет-магазинах). В случае переноса практики из одной сферы в другие говорят о заимствовании (просмотр фильмов в онлайн-кинотеатрах).

Таким образом, наш исследовательский интерес представляют рутинизированные практики и паттерны социального взаимодействия, образ жизни отдельных индивидов и социальных групп и влияние на все это процесса цифровизации.

Социологическое исследование проведено методом онлайн-анкетирования, которое проводилось на базе платформы «Google Form». В качестве объекта выступали студенты в возрасте от 18 до 35 лет, проживающие в городе Перми. Выборочная совокупность составила 101 респондент. Вид выборки – стихийный, что обосновывается особенностями онлайн-анкетирования. В качестве факторов, которые могут повлиять на результаты исследования, необходимо выделить следующие: стихийная природа выборки может привести к неравномерному представлению различных групп студентов и их мнений, что может исказить общую картину, также возможно неравномерное распределение гендерных и социоэкономических групп в выборке; небольшой размер выборочной совокупности может повлиять на статистическую значимость результатов исследования.

Ввод и анализ данных осуществлялся на основании алгоритмов работы программного обеспечения SPSS Statistics от компании IBM, версия 14. При проверке поставленных гипотез использовались следующие методы анализа: построение частотных распределений, сравнение средних, корреляционный анализ, построение линейной регрессии, а также кластерный анализ.

Для достижения цели исследования был выделен ряд задач:

1. описать, что является основными видами поведенческих практик студентов;
2. описать, в каком виде в условиях цифровизации представлены присущие студентам основные виды поведенческих практик;
3. выявить уровень функционирования студенческой молодежи в интернет-пространстве;
4. выявить характер киберсоциализации студентов;
5. выявить различия ценностных установок в поведенческих практиках студенческой молодежи исходя из характера их киберсоциализации.

Анализируя полученный в ходе исследования массив данных, мы пришли к следующим результатам:

К основным видам поведенческих практик студентов в Перми относятся: учеба, творчество/увлечения и работа.

Рассматривая поведенческие практики в связке с киберпространством, в ходе регрессионного анализа была выявлена следующая закономерность: чем больше часов «экранного» времени у студента, тем больше действий он выполняет в интернет-сети. Действия разнообразны, от общения с кем-либо в социальных сетях до заполнения документов на государственных сайтах (см. табл. 1).

Таблица 1. Регрессионный анализ влияния количества часов «экранного» времени на количество действий в интернет-сети

	Регрессия	R-квадрат	Коэффициент регрессии (B)	N
Количество часов «экранного» времени (константа)	$\alpha < 0,05$	0,34	$\alpha < 0,05$ значение = 8,58	101
Количество действий в интернет-сети (зависимая переменная)			$\alpha < 0,05$ значение = 0,172	

Говоря об учебных практиках в киберпространстве, стоит отметить, что позитивная оценка дистанционного обучения в вузе не влияет на прохождение интернет-курсов. В основном из позитивно оценивших опыт дистанционного обучения дополнительные курсы проходят очно.

Студенты, прибегая к поведенческим практикам в сфере досуга, в большинстве своем пользуются интернетом вне зависимости от того, активный это досуг или пассивный.

Касаемо поведенческих практик в рабочей сфере в связке с киберпространством стоит отметить, что вне зависимости от постоянства работы, т.е. ее регулярности, студенты выбирают «очный» ее формат.

Перейдем к киберсоциализации, а именно к такой ее составляющей, как функционирование в киберпространстве. Среди студентов наблюдается высокий уровень функционирования, т.е. они хорошо ориентируются в интернет-пространстве, понимают основные нормы и правила поведения в нем. Низкого уровня не было выявлено (см. рис. 1).

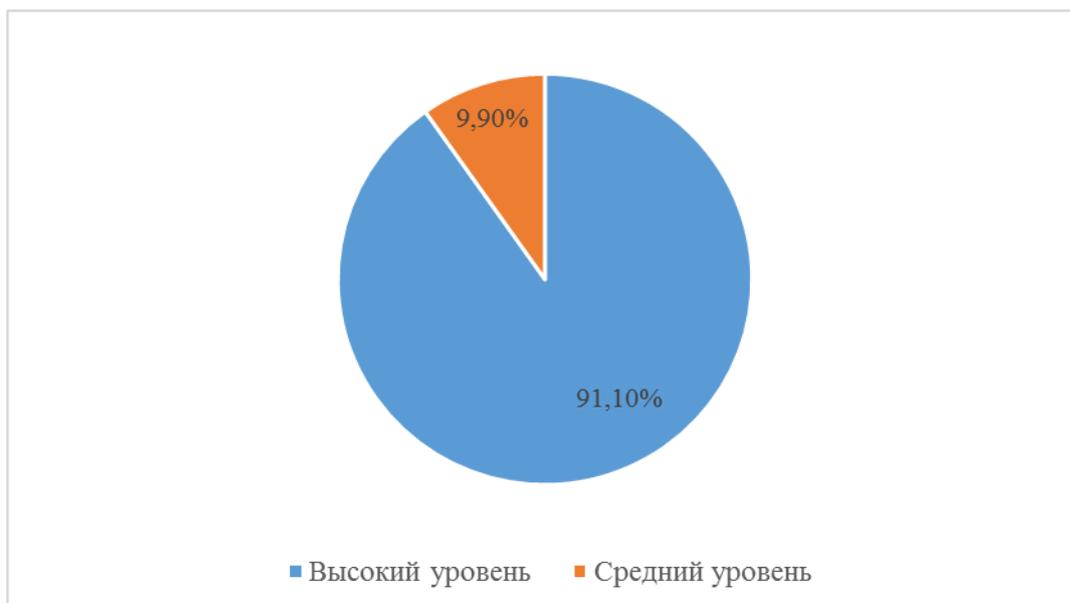

Рис. 1. Уровень функционирования студенческой молодежи города Перми в киберпространстве

Говоря о второй составляющей киберсоциализации, т.е. о характере этого процесса, стоит отметить, что в большинстве своем студенты обладают позитивным его проявлением, т.е. молодежь безопасно осваивает киберпространство, степень вовлеченности в него не наносит вред функционированию в реальной жизни, а способность к саморегуляции в интернет-сети находится на высоком уровне, чего не скажешь о других 9% студентов с негативным характером (см. рис. 2).

Рис. 2. Характер киберсоциализации студенческой молодежи города Перми

Говоря о связи двух аспектов киберсоциализации, нужно заметить, что ее нет. Таким образом, «технические» навыки владения интернетом не влияют на ценностные установки в нем.

Если говорить о ценностных установках в студенческих практиках студентов, то в большинстве своем они имеют позитивный характер, негативный не наблюдается (см. рис. 3).

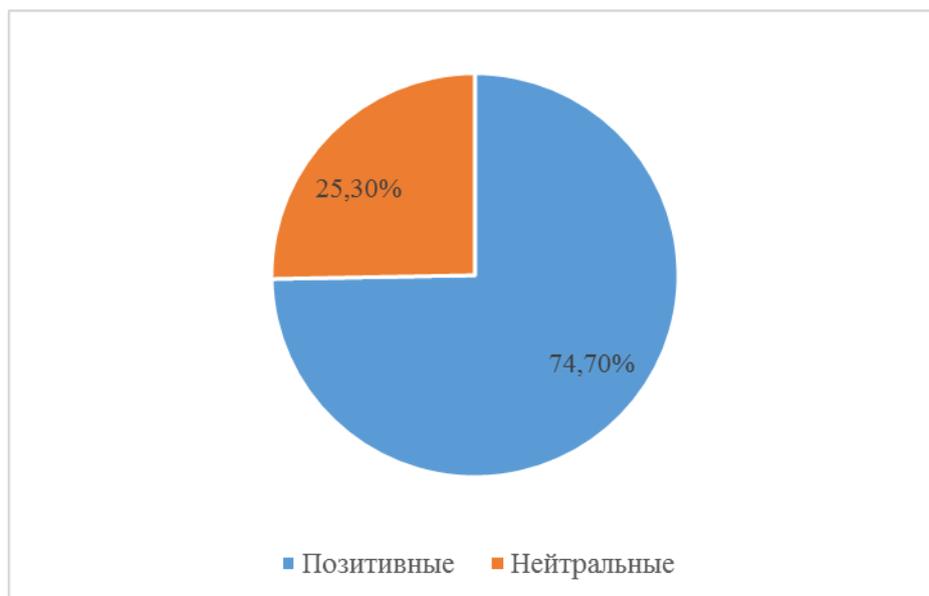

Рис. 3. Характер ценностных установок студенческой молодежи города Перми в поведенческих практиках

Возвращаясь к основной проблеме нашего исследования, а именно о влиянии цифровизации на социализацию, можно с уверенностью сказать, что оно есть. Характер киберсоциализации слабо, но оказывает влияние на ценностные установки студенческой молодежи.

С помощью кластерного анализа мы выявили несколько групп студентов в зависимости от их характера киберсоциализации и ценностных установок. Существует группа с негативным характером киберсоциализации, но позитивным характером ценностных установок в поведенческих практиках, что указывает на существование условного характера киберсоциализации, который заключается в данном случае в низком уровне социализации в киберпространстве при достаточно успешном социальном функционировании за его пределами.

Осмысливая полученные результаты исследования, стоит отметить, что не все наши гипотезы подтвердились. В основном в задачах, касающихся переноса основных форм деятельности в киберпространство (гипотеза о высокой включенности поведенческих практик студентов в киберпространство), а также в вопросе об уровне функционирования в интернете (гипотеза о влиянии уровня функционирования в киберпространстве на характер киберсоциализации).

Число выборочной совокупности было довольно небольшим, и это могло повлиять на наши результаты. При большем количестве наблюдений и более широкой выборке возможно был бы немного иной исход. Данный фактор обязательно будет взят во внимание при дальнейшем изучении цифровизации общества и ее влияния на социализацию молодежи.

Необходимость дальнейшего исследования заключается в том, что наша основная цель была достигнута – мы смогли провести оценку силы влияния цифровизации общества на социализацию молодежи. Однако, помимо оценки, в ходе исследования мы выделили такое явление, как условный характер киберсоциализации, который, казалось бы, исключает наличие влияния изучаемых процессов друг на друга. Это в свою очередь порождает новые исследовательские вопросы.

Для подтверждения полученных данных и отслеживания динамики влияния процесса цифровизации общества на представление поведенческих практик студентов был произведен анализ вторичных данных.

Для вторичного анализа была выбрана база «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным

исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 30 волна (2021 год). В ходе работы с данными были получены следующие результаты: молодые люди, проходящие образовательные курсы, в 9 раз чаще использовали интернет для учебы, чем те, кто не проходил курсы, что может указывать на их онлайн-характер; молодые люди, трудящиеся из дома, в 6 раз чаще используют интернет для работы, чем те, кто работает не из дома, что может указывать на онлайн-формат работы; молодые люди вне зависимости от развлечений в интернете занимаются спортом. При этом те, кто проводил досуг в интернете, занимаются спортом в 2 раза чаще, чем те, кто не пользовался интернетом для досуга.

Сравнивая результаты двух исследований, разница между которыми составляет два года, стоит отметить, что они друг другу не противоречат. Предполагаемый образ практик молодых людей (высокая включенность в интернет-пространство) под влиянием цифровизации только частично нашел отражение в фактическом образе в обоих случаях. Это указывает на действительное влияние интернета на выстраивание поведенческих практик молодежи, однако это не отрицает и сохранения традиционных вариантов, что говорит нам о том, что интернет просто расширил количество возможностей для реализации той или иной практики, но выбор молодого человека остается за ним.

На сегодняшний день с иерархической точки зрения основными видами деятельности студенческой молодежи города Перми являются: учеба, творчество/увлечения и работа. В сфере учебной деятельности интерес к получаемой специальности играет значительную роль в активности во время образовательного процесса. В сфере досуга отдается предпочтение пассивным его видам. В сфере труда молодежь делает упор на получение финансового благополучия, нежели выработку стажа/получение опыта.

Говоря о переносе основных видов деятельности в киберпространство, стоит отметить следующее: чем больше времени студент проводит за экранами девайсов, тем больше действий (разного характера) он выполняет в сети Интернет. Однако, несмотря на данный факт, все еще преобладают такие тенденции в сферах студенческой жизни, как: прохождение обучающих курсов очно, несмотря на позитивную оценку дистанционного обучения в ВУЗе; выбор «очной» работы, несмотря на ее постоянство. Но вот в сфере досуга, именно пассивного, каждый студент прибегает к использованию интернета.

Все студенты в достаточной мере справляются с функционированием в киберпространстве, но нельзя сказать того же касаясь их киберсоциализации; встречаются студенты с негативным ее характером. Однако это не взаимосвязанные явления (функционирование и характер), что указывает на многогранность такого процесса, как цифровая социализация. Она может быть направлена как на освоение функционала цифрового пространства, так и на усвоение ценностных установок в нем по-отдельности.

Ценностные установки в поведенческих практиках студентов в большинстве своем носят позитивный характер, нейтральный гораздо реже, а негативный и вовсе отсутствует. Говоря о влиянии на это характера киберсоциализации, стоит сказать, что оно определенно имеется, и помимо простой корреляции «чем выше, тем выше», можно выделить целую группу студентов, в которой будет наблюдаться обратная картина, а именно негативный характер киберсоциализации с позитивным характером ценностных установок, что говорит о существовании такого явления, как условный характер киберсоциализации. К примеру, условно негативный заключается в низком уровне социализации в киберпространстве при достаточно успешном социальном функционировании за его пределами. Исходя из этого, можно сделать вывод, что киберсоциализация не в полной мере влияет на социализацию студенческой молодежи, что указывает на сохранность силы влияния традиционных институтов данного процесса.

Библиографический список

1. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996. 455 p.
2. *Urry J.* Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-first Century. London, New York: Routledge, 2000. 255 p.
3. *Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10. С. 46–63.
4. *Васильева Л.Н., Григорьев А.В.* Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 40–58.
5. *Нуреев Р.М., Каранаев О.В.* Цифровизация экономики в контексте волнообразного характера инновационного развития // Управленческие науки. 2020. № 10(1). С. 36–54.
6. *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М., 2007. С. 98–115.
7. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация: социальное развитие и социальное воспитание современного человека // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Психология. 2010. Т. 16, № 2. С. 15–18.
8. *Касьянов В.В.* Киберсоциализация как рискогенный фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи в эпоху цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №6. С. 21–26.
9. *Антонова Н.Л.* Социальная практика как предмет социологического анализа // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XII Международной конференции. 2009. С. 42–45.
10. *Шабанова М.А.* О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. // Экономическая социология. Электронный журнал. 2006. Т. 7, № 4. С. 11–26. URL: <http://ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 12.05.2024).
11. *Волков В.В.* О концепции практик в социальных науках. // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.

УДК 316.4

EDN ICFJBZ

Носкова Татьяна Вадимовна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
tanitanoskova@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ПРАВА НА ГОРОД» В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ

В статье рассматриваются вопросы участия граждан в планировании городов с позиций концепции «права на город» французского социолога Анри Лефевра и американского географа Дэвида Харви. Актуализируется необходимость вовлечения горожан в принятие решений о развитии городской инфраструктуры и создание комфортных условий для всех жителей. На примерах существующих программ и проектов по развитию городов, поднимается проблема искажения концепции «права на город» в современном практическом урбанизме, что влечет за собой негативные социальные эффекты в жизни города и его обитателей. Это связано с тем, что данные программы и проекты зачастую не учитывают интересов сообщества или игнорируют мнения граждан. В статье анализируются данные исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения, которые иллюстрируют поднятые в тексте проблемы. Концепция «право на город» является ключевым элементом справедливого и устойчивого развития городской среды и требует активного вовлечения граждан в процессы городского планирования. Государство должно предоставлять больше свободы и возможностей для участия граждан в принятии решений, что будет способствовать развитию их социальной ответственности и вовлеченности в процессы управления на всех уровнях.

Ключевые слова: право на город, город, пространство, присвоение пространства, участие, горожанин, жители города, реконструкция.

Ссылка для цитирования: Носкова Т.В. Конструирование «права на город» в современной практической урбанистике // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 47–52. EDN ICFJBZ

Tatyana V. Noskova,
student of the direction "Sociology"
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
tanitanoskova@gmail.com

CONSTRUCTING THE "RIGHT TO THE CITY" IN MODERN PRACTICAL URBANISM

The article deals with the issues of citizens' participation in urban planning from the perspective of the concept of "right to the city" of French sociologist Henri Lefebvre and American geographer David Harvey. The article actualizes the necessity of citizens' involvement in decision-making on the development of urban infrastructure and creation of comfortable conditions for all residents. On the examples of existing programs and projects on urban development, the problem of distortion of the concept of "the right to the city" in modern practical urbanism is raised, which entails negative social effects in the life of the city and its inhabitants. This is due to the fact that these programs and projects often do not take into account the interests of the community or ignore the opinions of citizens. The article analyzes the research data of the All-Russian Public Opinion Research Center, which illustrate the problems raised in the text. The concept of "the right to the city" is a key element of equitable and sustainable development of the urban environment and requires the active involvement of citizens in urban planning processes. The state should provide more freedom and opportunities for citizens to participate in decision-making, which will contribute to the development of their social responsibility and involvement in governance processes at all levels.

Keywords: right to the city, city, space, appropriation of space, participation, citizen, city dwellers, reconstruction.

For citation: Noskova T.V. [Constructing the "right to the city" in modern practical urbanism]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 47–52 (In Russian), EDN ICFJBZ

В современном мире города становятся все больше и больше, а жители все чаще чувствуют себя в них лишними. Одной из проблем современных городов является то, что обычные люди лишены возможности принимать активное участие в формировании городской среды вокруг себя, т.е. лишены «права на город» [1]. Все решения по проектированию и развитию городской инфраструктуры принимаются без их непосредственного участия или оно крайне ограничено. Это приводит к тому, что горожане не имеют возможности выразить свои предпочтения и пожелания относительно того, как должно выглядеть пространство вокруг них. Городские власти заранее определяют внешний вид застройки районов, какие варианты будут предложены горожанам на голосовании. Даже если проводится опрос общественного мнения, часто выбор предлагается между двумя альтернативами. Например, принимается решение о строительстве нового парка или автомобильной стоянки. Это создает ощущение уже принятого решения и незначимости мнения горожан, что обуславливает ощущение отсутствия связи людей с городом и его инфраструктурой.

Актуальность участия граждан в планировании городов связана с рядом факторов. Во-первых, города являются основным местом проживания большинства людей. Сегодня более 50% людей в мире (и примерно 75% в России) проживают в городах. К 2030 г. население городов увеличится еще на миллиард человек [2]. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) показывает, что горожане чувствуют большую удовлетворенность от состояния городской среды, чем жители сельских районов [3]. Во-вторых, города играют

ключевую роль в экономическом развитии страны, поэтому важно учитывать мнение жителей при принятии решений о развитии инфраструктуры, создании рабочих мест и т.д. В Москве и Санкт-Петербурге ВЦИОМ зафиксировал низкий уровень участия в жизни своего населенного пункта (46% опрошенных не участвовали в благоустройстве собственного города) [4]. В-третьих, вовлеченность граждан в процесс планирования городов способствует формированию чувства гражданской ответственности и сопричастности общественной жизни. По результатам исследования ВЦИОМ за 2023 г., «люди не воспринимают себя субъектами решения общих социально-значимых вопросов» [3].

В контексте современной урбанистики теории французского социолога Анри Лефевра и американского географа Дэвида Харви играют значительную роль, поскольку они предлагают теоретическую основу для понимания различных аспектов городской жизни и сложностей, с которыми сталкиваются жители. Однако их идеи о праве граждан на управление городским пространством, активно используя в практической урбанистике, зачастую сводятся к формальным лозунгам, теряя свою глубину и значимость. Декларация «права на город» в реальности оборачивается тем, что он выступает продуктом работы «экспертов» (органов власти, девелоперов, архитекторов и т.д.), которые принимают решения, как его строить и как им управлять. Работает административно-рыночная логика, которая фокусируется на подсчете количества людей, обсуживающихся определенной инфраструктурой, а также на их экономической активности в городском пространстве. При такой системе человек, по сути, являясь статистической единицей, не может участвовать в конструировании пространства, а может только потреблять его. Все это не предполагает подлинного «присвоения» городского пространства с точки зрения концепции «права на город».

Целью данной работы является анализ концепции «права на город» А. Лефевра и Д. Харви в рамках ее практической интерпретации в современной урбанистике.

Современная урбанистика представляет собой комплексное исследование городского пространства, включающее в себя анализ общественных практик по его развитию и управленческих практик государства.

Концепция «право на город» была впервые предложена французским социологом Анри Лефевром и нашла свое отражение в его работах «Производство пространства» [1], «Право на город» [5], «От права на город к урбанистической революции» [6] и «Marxist Thought and the City» [7].

Автор рассматривает город как пространство, где происходит взаимодействие различных социальных групп и классов, и где каждый индивид имеет право на участие в формировании городской среды. Пространство само по себе существует независимо от того, присутствуют в нем люди или нет. Последние, пытаясь изменить его, часто сталкиваются с ограничениями, такими как законы и правила [1].

А. Лефевр предлагает подход к пониманию пространства через категории времени, действия и взаимоотношения, отрицая взгляд на него как на «вещь» или «продукт» потребления: «это не вещь среди других вещей, не продукт среди других продуктов. Оно [пространство] включает произведенные вещи и взаимоотношения между ними в их сосуществовании и одновременности. Социальное пространство является результатом последовательности целого ряда операций и поэтому не может быть сведено к обычному объекту. <...> Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить...» [8]. Согласно А. Лефевру, пространство является не объективной данностью, а скорее продуктом человеческой деятельности и социальных отношений. Он утверждает, что производство пространства включает в себя не только физические объекты, но также социальные, культурные и политические процессы, которые формируют наше восприятие и использование пространства. Соответственно, автор использует термин «производство» как не связанный непосредственно с экономикой или производственными процессами, а понимает производство пространства как процесс, в котором люди создают и изменяют пространственные формы и структуры через свои социальные и культурные действия. В своей кон-

цепции А. Лефевр также связывает производство и «присвоение» пространства, утверждая, что люди играют активную роль в конструировании пространства. Развивая идеи К Маркса, он пишет: «У Маркса присвоение (апроприация) четко противостоит собственности, но само понятие далеко не во всем прояснено. <...> Если природное пространство изменяется, чтобы служить потребностям и возможностям данной группы, то можно сказать, что группа его присваивает. Обладание (собственность) было лишь одним из условий и чаще всего отклонением в рамках этой «присвоительной» деятельности, достигающей вершины в производстве искусства» [1]. В марксистском ключе А. Лефевр рассматривает присвоение как процесс, в котором группы людей изменяют пространство в соответствии с их потребностями и возможностями. Таким образом, реконструкция города происходит через активное участие людей в производстве и присвоении пространства с целью создания городской среды, отвечающей их потребностям и интересам. Он подчеркивает, что реконструкция не является естественным процессом, а скорее результатом действий и стратегий определенных групп и институтов.

Продолжая идеи А. Лефевра, Д. Харви говорит, что городская среда должна быть организована таким образом, чтобы способствовать развитию социальной справедливости и равенства возможностей. Д. Харви одной из причин реконструкции городов называет стремление к накоплению капитала. Крупные корпорации и акторы с различными экономическими интересами используют изменение городской среды для создания условий получения прибыли и инвестиций. Это может проявляться в форме сноса старых зданий и замены их новыми коммерческими или жилыми комплексами. Политические элиты и властные структуры таким образом укрепляют власть и контроль над определенными территориями. Д. Харви подчеркивает, что реконструкция может иметь негативные последствия для общества, особенно для бедных и маргинальных групп населения, приводя к выселению и разрушению существующих общин, создавая социальное и экономическое неравенство [9]. Джентрификация – процесс превращения бывших районов с низким уровнем доходов в модные и престижные районы, доступные только для состоятельных слоев населения, также вытесняет бедных жителей, приводя к утрате их культурной и социальной идентичности, к ухудшению доступа к основным услугам и ресурсам. Таким образом, реконструкция города часто имеет негативные последствия для маргинальных групп населения.

Поскольку одной из основных целей организации пространства является прибыль, оно конструируется так, чтобы «изгонять» часть общества и ориентироваться на «правильного» потребителя. Частным, но ярким примером служат разделители на скамейках. Из-за них на лавке больше нельзя лежать, а значит бездомные не смогут на ней спать [10]. Необходимо учитывать эти социальные аспекты и предпринимать меры для защиты интересов и прав уязвимых слоев населения в процессе конструирования городской среды, т.к. концепция «права на город» включает всех его жителей. Д. Харви пишет: «Поскольку процесс урбанизации является основным каналом размещения излишков капитала, установление демократического управления городским развитием восстановит право на город» [11].

Примерами современных программ и проектов, которые направлены на вовлечение граждан в процессы городского развития, могут служить такие, как, например, «Умный город»¹, одной из основных целей которого ставится увеличение доли жителей в процессе управления городом (до 60% к 2024 г.). Однако проект фокусируется на технологическом аспекте городского развития, а не социальном, и не гарантирует, что участие жителей в управлении городом будет реальным и эффективным, а не формальным и символическим. Основными акторами в рамках реализации проекта выступают власть, бизнес и научное сообщество. Проект «Активный гражданин»² можно назвать платформой вовлечения граждан в управление городом, которая позволяет жителям голосовать по поводу различных предло-

¹ Проект «Умный город». URL: <https://russiasmartcity.ru/about> (дата обращения: 20.10.2023).

² Проект «Активный гражданин». Москва. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения: 20.10.2023).

жений по его развитию (названия новых улиц, парков и других объектов, определение приоритетных направлений развития). Но это скорее видимость участия, т.к. оно определено выбором между заранее предложенными вариантами при отсутствии возможности формирования собственной повестки. Также этот проект не обеспечивает равного доступа к информации и возможности выражения мнения всеми слоями населения, что скорее способствует разделению, чем солидарности и сотрудничеству.

Программы по формированию комфортной городской среды, в рамках которых жители могут участвовать в обсуждении проектов благоустройства, например, «Комфортный город»³ (г. Санкт-Петербург), часто не учитывают интересы и потребности жителей, а опираются на стандартизированные критерии, которые разработаны без внимания к гражданским инициативам. Кроме того, они не способствуют преодолению социальной несправедливости, а иногда даже усиливают ее, т.к. ориентируются на создание привлекательных для инвестиций и туризма зон, а не на удовлетворение потребностей местного населения.

В некоторых городах проводятся общественные слушания, на которых граждане могут высказывать свое мнение по вопросам градостроительства. Однако, по данным опроса ВЦИОМ об оценке россиянами состояния городской среды, самой популярной из семи изучаемых проблем стали градостроительные решения, принятые без учета мнения жителей (например, строительство торгового центра, транспортных развязок) [3].

Исследования А. Лефевра и Д. Харви позволяют нам понять, что «право на город» – это не просто абстрактное понятие, но и право каждого горожанина на управление развитием своего города и контроль над этим развитием. Оба автора подчеркивают социальную и политическую природу процесса формирования и преобразования пространства [12]. Однако Д. Харви сосредоточивается на роли капитализма и экономической системы в этом процессе, в то время как А. Лефевр акцентирует внимание на социокультурных аспектах и роли людей в создании пространственной действительности.

Примеры показывают, что существующие практики городского развития в России не соответствуют идеям концепции «права на город», т.к. они не учитывают интересы и потребности всех групп населения, не способствуют демократизации управления городом и созданию справедливого и устойчивого города, а скорее конструируют другую интерпретацию идей А. Лефевра и Д. Харви. Для действительной реализации права на город необходимо изменить подход к планированию и проектированию городов, сделав его более открытым. Также необходимо развивать гражданское общество и общественные движения, которые могут выступать за интересы горожан и защищать их права.

Конструирование городской реальности при активном участии горожан в процессе формирования городской среды и управления городом способствует развитию социальной ответственности, повышению уровня вовлеченности граждан в общественную жизнь и созданию условий для устойчивого развития города.

Библиографический список

1. *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
2. Города набирают ресурсы // Коммерсантъ Санкт-Петербург. 2021. № 94. С. 82. URL: (дата обращения: 20.10.2023)
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2023. Комфортная среда: оценки жителей российских городов. Москва: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2020. Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику ее

³ ООО «Комфортный город». Программа «Комфортный город». Санкт-Петербург. URL: <https://www.comfortcity.spb.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

изменения. Москва: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-oczenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> (дата обращения: 20.10.2023).

5. *Лефевр А.* Право на город // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 55–67 (дата обращения: 20.10.2023).

6. *Лефевр А.* От права на город к урбанистической революции [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anri-lefevr-ot-prava-na-gorod-k-urbanisticheskoy-revolyuutsii> (дата обращения: 20.10.2023).

7. *Lefebvre H.* Marxist Thought and the City / translated by Robert Bononno. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 160 p.

8. *Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p. Цит. по Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 11 (126). С. 219–224.

9. *Harvey D.* The new imperialism. Oxford: Oxford univ. press, 2003. 253 p.

10. *Rosenberger R.* On hostile design: Theoretical and empirical prospects // Urban Studies. 2020. № 57(4). P. 883–893.

11. *Харви Д.* Право на город / пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. Екатеринбург, 2019. 36 с.

12. *Парамонова С.П., Волков А.А.* Право на город (на примере эмпирических исследований малых городов Пермского края) // Вестник ПГГПУ. Серия №3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. С. 37–52 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44429273> (дата обращения: 20.10.2023). Текст: электронный.

УДК 316.334.56 / 316.346.32-053.6

EDN IPTOQC

Лысенко Олег Владиславович,
кандидат социологических наук, доцент
доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева 15
oleg-lysenko@yandex.ru
SPIN-код: 1429-7480

Янов Данил Владиславович,
студент направления «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)»
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
старший лаборант кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
danilyanov96@gmail.com

«...ХОЧЕТСЯ БОЛЬШЕ ЯРКИХ КРАСОК, ЦВЕТОВ»: КАКОЙ ГОРОД НРАВИТСЯ МОЛОДЕЖИ (ПЕРМСКИЙ КЕЙС)»

В статье рассматриваются представления современной молодежи о комфортном городе, включая такие составляющие этого конструкта, как благоустройство городской среды, наличие мест для проведения досуга и отдыха, эстетическое оформление городских общественных пространств и многое другое. Статья построена на результатах полевого исследования, проведенного в Перми в 2022 году среди молодежи методом фокус-групп и массового количественного опроса. Исследование показало, что содержание запроса на город со стороны молодежи может сильно варьироваться в зависимости от места постоянного проживания молодежи в городе (центр или городская периферия), ее возраста и типа занятости. Авторы приходят к выводу, что хорошее благоустройство города, его яркое оформление, разнообразная и насыщенная культурная жизнь является важным фактором при выборе города в качестве места для образовательной, а в последствии и трудовой миграции.

Ключевые слова: молодежь, городская среда, миграционные настроения, Пермь, образ города.

Ссылка для цитирования: Лысенко О.В., Янов Д.В. «...Хочется больше ярких красок, цветов»: какой город нравится молодежи (пермский кейс) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 53–67. EDN IPTOQC

Oleg V. Lysenko,
PhD in Sociology associate professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
oleg-lysenko@yandex.ru
SPIN-код: 1429-7480

Danil V. Yanov,
student of the direction “Pedagogical education (with two profiles of training)”
Perm State Humanitarian and Pedagogical University;
senior laboratory assistant at the Department
of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
danilyanov96@gmail.com

“...I WANT MORE BRIGHT COLORS AND COLORS”: WHAT CITY DO YOUNG PEOPLE LIKE? (PERM CASE)

The article examines the ideas of modern youth about a comfortable city, including such components of this construct as the improvement of the urban environment, the availability of places for leisure and recreation, the aesthetic design of urban public spaces and much more. The article is based on the results of a field study conducted in Perm in 2022 among young people using focus groups and a mass quantitative survey. The study showed that the content of a request for a city from young people can vary greatly depending on the place of permanent residence of young people in the city (center or urban periphery), their age and type of employment. The authors come to the conclusion that the good improvement of the city, its bright design, diverse and rich cultural life are an important factor when choosing a city as a place for educational, and subsequently labor migration.

Keywords: youth, urban environment, migration sentiments, Perm city, image of the city.

For citation: Lysenko O.V., Yanov D.V. [“...I want more bright colors and colors”: what city do young people like? (Perm case)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 53–67 (In Russian), EDN IPTOQC

Введение

Статья посвящена проблемам восприятия и оценки города его наиболее молодыми жителями. Актуальность этой темы продиктована насущной потребностью любого современного городского поселения в России участвовать в конкурентной борьбе с другими городами за миграционные потоки, состоящие преимущественно из молодых людей. Пермь в этом отношении – типичный российский мегаполис, балансирующий на грани города-«миллионника». Именно поэтому задача повышения привлекательности города для выпускников школ и вузов регулярно озвучивается и муниципальными, и краевыми властями.

В социальных исследованиях тема миграции также занимает важное место. Традиционно миграция рассматривается как следствие воздействия на общество больших экономических и политических факторов, примером чему могут служить теория «притяжения-

отталкивания» Э. Ли [1], концепция сегментированного рынка М. Пиора [2] и теория индивидуального выбора М. Тодаро и Л. Маружко [3].

Социологические исследования миграции чаще всего сосредоточены на социальных и культурных эффектах, порождаемых миграцией, таких как адаптация мигрантов в новом социальном окружении (поколенческая теория ассимиляции Х.Г. Дункана, либо трехфазная теория ассимиляции С.Н. Айзенштадта [4]), возникновение нового «пространственного неравенства» (З. Бауман) [5] (или рост мигрантофобии [6]). Весьма распространены в социологической литературе и региональные исследования миграционных процессов, примером чему служат работы, посвященные отдельным городам, например, Хабаровску [7], Туле и Калуге [8], Екатеринбург [9]; регионам – Бурятии [10], и даже целым странам – Республике Беларусь [11], Кыргызстану [12].

Почти все они подчинены единой логике: миграционные процессы объявляются сложным, многоуровневым явлением, которое описывается в оптике структурно-функционального подхода и, следовательно, миграционные процессы среди молодежи практически не поддаются корректировкам со стороны заинтересованных сторон. Проблема такого рода исследований состоит в том, что несмотря на то, что они интересны, глубоки, они почти бесполезны для реальных управленческих практик.

В ходе нашего исследования мы придерживаемся иного ориентира, заданного рамкой конструктивистского подхода. С нашей точки зрения, миграционное поведение является результатом сложения габитусных установок (не всегда, кстати, рациональных) и бытующих в обществе символических систем с одной стороны, а с другой – наличных ресурсов и возможностей, которыми обладают индивиды. Их сочетание порождает стратегии поведения. И габитус, и представления об окружающем мире, и ресурсы со временем могут меняться, что приводит, в свою очередь, к смене стратегий индивидов. Образ города является скорее частью символических систем, конструктом, создаваемым усилиями множества политических и неполитических агентов. Тому, как этот образ считывается молодежью, и посвящена наша статья.

Нельзя сказать, что аналогичных исследований не проводилось в других городах. Проблеме позитивного восприятия города со стороны молодежи как важного мотива выбора места жительства посвящено немало научных работ. Коснемся лишь некоторых из них. Так, например, в работе Т.П. Емельяновой предлагается сравнительный анализ представлений молодых жителей Москвы и Чебоксар о своих городах с опорой на социально-психологический подход [13], а в работе О.С. Шемелиной и О.Е. Ваниной аналогичный анализ проводится в отношении восприятия Новосибирска со стороны студенческой молодежи [14]. Более социологический взгляд на данную проблему мы встречаем в работе К.С. Сафаровой, посвященной восприятию Смоленска [15], Е.Ю. Мазур и Е.А. Никуловой, посвященной восприятию Москвы [16], Е.И. Агараковой по поводу Тольятти [17] и во многих других трудах [18; 19; 20].

У перечисленных выше исследований также можно выделить ряд схожих черт. Во-первых, большинство из них сосредоточены на образе города в восприятии студенческой молодежи. Это вполне объяснимо – студенты легко доступны в качестве объекта изучения, их изучение – дешево. Во-вторых, молодежь в таких исследованиях воспринимается в основном субстанционально, как некая социальная сущность, обладающая единым взглядом на жизнь, город, страну и т.д. Мало кто из исследователей принимает во внимание разный культурный и социальный опыт молодежи, обусловленный местом проживания (центр города или его окраины), родом деятельности (обучение в школе, учреждениях среднего профессионального образования (СПО), вузах или трудовая деятельность), семейным положением (особенно – наличием детей у старших возрастов молодежи). Этот недостаток мы также попытались хотя бы частично учесть в нашей работе.

Эмпирическая база исследования

Статья основана на результатах социологического исследования «Отношение молодежи к условиям своего проживания и самореализации в г. Перми», проведенного авторами данной статьи весной и летом 2022 года по заказу Администрации г. Перми. В ходе полевого этапа был проведен массовый количественный опрос 1280-ти представителей пермской молодежи от 14 до 35 лет по смешанной кластерной и квотной многоступенчатой выборкой, а также 6 фокус-групп с представителями разных категорий молодежи: старшеклассниками, студентами учреждений СПО, студентами вузов (2 группы) и с работающей молодежью (2 группы). В исследовании представлено мнение представителей всех основных социальных групп, на которые распадается статистическая категория «молодежь» – старшеклассники, студенты вузов и учреждений среднего профессионального образования, молодые специалисты, работающие в бюджетном и коммерческом секторах (в ходе исследования мы отнесли к этим группам молодых респондентов в возрасте до 29 лет включительно), работающая молодежь от 30 до 35 лет, а также отдельные представители молодых предпринимателей и фрилансеров, домохозяйки в отпусках по уходу за ребенком и т.д. Для опроса обучающейся молодежи мы использовали кластерный метод выборки, опрашивая в школах, колледжах и вузах учебные группы с учетом года обучения и престижности направления подготовки, а опрос работающей молодежи проводился либо в организациях, либо по месту жительства. Такой комплексный подход к построению выборки позволил добиться высокого уровня репрезентативности исследования.

Описание итогов полевого исследования

Прежде всего в ходе опросов и фокус-групп мы постарались выявить оценку молодежи, проживающей в городе, разных аспектов комфортности проживания в Перми. В ходе количественного опроса респондентам было предложено:

- оценить Пермь с точки зрения комфортности проживания (14 параметров);
- сравнить Пермь с другими городами (общая оценка);
- оценить динамику городских изменений в течение прошедшего года;
- оценить динамику городских изменений в ближайшей годовой перспективе.

В ходе проведения качественного этапа исследования участникам фокус-групп было предложено в целом рассказать, нравится ли им жить в Перми, и пояснить, какие плюсы и минусы в Перми они видят.

Сопоставление этих оценок позволит нам понять общий образ города в массовом сознании молодежи.

Комфортность проживания в Перми

Оценка комфортности проживания в городе проводилась по 14 параметрам, охватывающим все основные аспекты городской жизни. Каждый из аспектов было предложено оценить по 5-ти бальной шкале, где 5 – высшая оценка, а 1 – низшая оценка. Полученные оценки лучше всего рассмотреть через среднее значение.

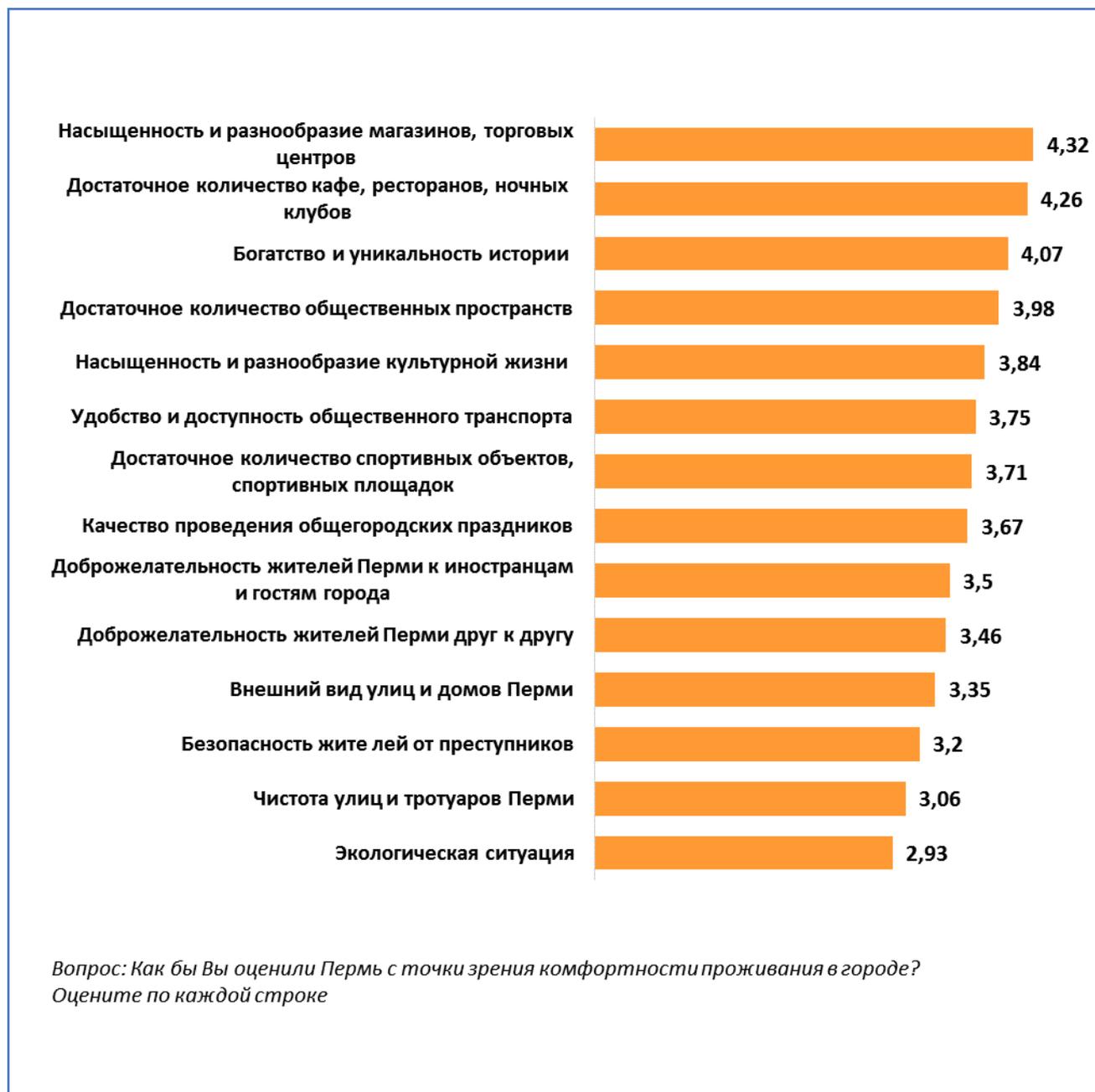

Рис. 1. Оценка молодежью условий для комфортного проживания в Перми

Общие выводы по данному вопросу выглядят следующим образом:

Выше всего прочего в Перми (средняя оценка выше 4 баллов) молодежь оценивает количество и разнообразие магазинов и торговых центров (4,32 балла, медиана 5), большое количество кафе, ресторанов, ночных клубов (4,26 балла, медиана 4), а также богатство и уникальность истории (4,07 балла, медиана 4). Иными словами, лучше всего в Перми развита сфера, в которой либо доминирует частный бизнес, либо (как в случае с историей) достаточно успешно выступают писатели, кинодеятели и институты коммеморации – музеи, памятники и т.д.

К показателям, оцененным чуть ниже, но тоже достаточно высоко (среднее выше 3,5 баллов, но ниже 4 баллов) можно отнести достаточное количество общественных пространств (3,98 балла), насыщенность и разнообразие культурной жизни (кинотеатры, театры, музеи, концерты, фестивали – 3,84 балла), удобство и доступность общественного транспорта (3,75 балла), достаточное количество спортивных объектов, спортивных площадок

(3,71 балла), качество проведения общегородских праздников (3,67 балла), а также доброжелательность жителей Перми к иностранцам и гостям города (3,5 балла). Не трудно заметить, что в подавляющем большинстве это сферы применения сил муниципальных властей, санкционированные к развитию современными установками со стороны федеральной власти.

На третьем месте (средняя оценка ниже 3,5, но выше 3 баллов) находятся доброжелательность жителей Перми друг к другу (3,46 балла), внешний вид улиц и домов (3,35 балла), безопасность жителей от преступников (3,2 балла) и чистота улиц и тротуаров (3,06 балла). То есть зона ответственности жилищно-коммунальных служб и правоохранительных органов.

Ниже всего молодежь оценивает экологическую ситуацию в городе – в среднем на 2,93 балла.

Далее выяснилось, что один и тот же параметр комфортности может быть оценен разными группами молодежи по-разному. Важными факторами для принятия практических решений в области управления нам представляются два фактора: место проживания респондентов и социальный и культурный опыт, обусловленный во многом родом их деятельности.

Чтобы проанализировать оценку комфортности в разрезе территории проживания, мы подсчитали средние значения для центральных и периферийных микрорайонов города. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Локализация оценок параметров комфортности проживания в г. Перми

Вопрос: Как бы Вы оценили Пермь с точки зрения комфортности проживания в городе? Средние оценки	Центральные микрорайоны Перми	Периферийные микрорайоны Перми	Средняя оценка
1. Внешний вид улиц и домов	3,42	3,30	3,35
2. Насыщенность культурной жизни	3,89	3,82	3,84
3. Количество кафе, ресторанов	4,33	4,20	4,26
4. Количество спортивных объектов	3,75	3,67	3,71
5. Количество общественных пространств	4,10	3,92	3,98
6. Количество магазинов, торговых центров	4,33	4,30	4,32
7. Общественный транспорт	3,84	3,65	3,75
8. Доброжелательность друг к другу	3,50	3,43	3,46
9. Доброжелательность к гостям	3,55	3,47	3,50
10. Богатство истории	4,11	4,01	4,07
11. Качество городских праздников	3,72	3,64	3,67
12. Чистота улиц и тротуаров	3,11	3,00	3,06
13. Безопасность жителей	3,19	3,21	3,20
14. Экологическая ситуация	3,00	2,89	2,93

Как мы видим, **оценки почти всех параметров комфортности выше** в центральных микрорайонах города, кроме одного – безопасности. Молодежь центра выставляет более высокие оценки за такие параметры комфортности города, как внешний вид улиц и домов, насыщенность культурной жизни, количество общественных пространств, чистоту улиц и т.д. Иными словами, мы явно наблюдаем диспропорции в развитии центральных и периферийных территорий города, что явно приводит и к неравенству в доступе к некоторым общественным благам и городским сервисам.

Оценки комфортности проживания также зависят от рода деятельности респондентов. Так, выше среднего комфортность жизни в Перми оценивают школьники и студенты СПО: высокие оценки были ими выставлены половине измеряемых параметров комфортности. С одной стороны, такие высокие оценки могут быть объяснены присущим юношеству оптимизмом и позитивностью, а с другой – недостаточным жизненным опытом. Они единодушно высоко оценивают и количество спортивных сооружений (поскольку в городе много спортивных секций для подростков, да и при образовательных учреждениях всегда есть спортивные залы и стадионы), и количество общественных пространств, и общественный транспорт (вероятно, многие живут близко от места учебы и не часто сталкиваются с длинными переездами из одного конца города в другой), и качество городских праздников.

Наиболее критичными в оценках комфортности Перми оказались фрилансеры, предприниматели, а также незанятые (или частично занятые) категории молодежи – домохозяйки в отпуске по уходу за детьми, молодые люди на временных подработках, безработные. Такой негативизм последних связан, скорее всего, с тем, что большинство из них редко бывают в центре, проводя большую часть времени в микрорайонах постоянного проживания, в спальных районах и на окраинах города.

Таблица 2. Сопряженность оценок параметров комфортности проживания в г. Перми с родом деятельности респондентов

Как бы Вы оценили Пермь с точки зрения комфортности проживания в городе?	Род деятельности, средние значения										
	Школьники	Студенты СПО	Студенты вузов	Работники по найму	Занятые своим бизнесом	Фрилансеры	В отпуске по уходу за ребенком	Время от времени подрабатываю где-нибудь	Безработные	Иное	Всего
1. Внешний вид улиц и домов	3,29	3,52	3,39	3,37	3,24	3,15	3,22	3,23	3,11	3,50	3,35
2. Насыщенность культурной жизни	3,79	3,97	3,86	3,83	3,69	3,60	3,66	3,68	3,57	3,67	3,84
3. Количество кафе, ресторанов	4,19	4,40	4,29	4,25	4,13	4,13	4,22	4,26	4,36	4,17	4,26
4. Количество спортивных объектов	3,83	3,96	3,83	3,64	3,72	3,59	3,53	3,60	3,81	3,83	3,71
5. Количество общественных пространств	4,08	4,18	4,04	3,93	3,87	3,72	3,56	3,91	4,07	3,83	3,98
6. Количество магазинов, ТЦ	4,26	4,32	4,23	4,32	4,42	4,07	4,45	4,28	4,48	4,00	4,32
7. Общественный транспорт	3,90	3,95	3,72	3,68	3,72	3,51	3,83	3,57	3,77	4,17	3,75
8. Доброжелательность друг к другу	3,48	3,26	3,43	3,54	3,35	3,33	3,28	3,29	3,20	3,50	3,46
9. Доброжелательность к гостям	3,59	3,49	3,44	3,53	3,34	3,29	3,23	2,93	3,47	3,25	3,50
10. Богатство истории	4,09	4,18	4,03	4,07	4,20	4,11	3,90	3,85	3,93	4,50	4,07
11. Качество городских праздников	3,76	3,83	3,63	3,63	3,93	3,43	3,87	3,42	3,57	4,17	3,67
12. Чистота улиц и тротуаров	3,01	3,05	3,17	3,06	3,02	2,83	3,00	2,94	3,07	3,50	3,06
13. Безопасность жителей	3,40	3,17	3,14	3,22	3,04	3,04	2,88	3,07	3,00	3,60	3,20
14. Экологическая ситуация	3,15	3,00	2,93	2,91	2,76	2,93	2,81	2,94	2,72	3,17	2,93

Молодежь, работающая по найму, в своих оценках сдержана. Большинство оценок у респондентов этой категории близка к средним значениям. Более критично, чем в среднем по выборке, они оценивают общественный транспорт и достаточность общественных пространств. Первое может быть следствием частых перемещений на работу, второе – большой занятости, из-за которой они вынуждены проводить свои немногочисленные часы досуга близко к местам работы и проживания (опять-таки на окраинах).

Несколько чаще положительные оценки выставляют студенты. Они высоко оценивают насыщенность культурной жизни, количество спортивных сооружений (вероятно, сказывается наличие спортивных залов в вузах) и общественных пространств, чистоту улиц. И напротив, они более критичны к количеству и качеству магазинов. Вероятно, на такие оценки оказывает влияние частота посещений центра города – большинство вузов находится именно в наиболее благоустроенных и благополучных микрорайонах.

При анализе данных выявились и некоторые другие зависимости оценок от социально-демографических характеристик респондентов.

Во-первых, это возраст. Наиболее критична к Перми молодежь в возрасте 18–22 лет – почти по всем параметрам оценки тут ниже средних значений.

Во-вторых, это семейное положение и наличие детей. Молодежь в браке (причем неважно, в официальном или неофициальном) более критично воспринимает Пермь, чем незамужние молодые люди и незамужние девушки. Подчеркнем: критичность связана именно с фактом брака, а не с возрастом.

В-третьих, это степень идентификации себя с Пермью. Чем больше человек идентифицирует себя с Пермью (утвердительные ответы на вопрос «Вы можете сказать о себе, что Вы пермяк или нет?»), тем выше он оценивает почти все параметры комфортности, за исключением количества общественных пространств и разнообразия магазинов.

Информация, полученная на фокус-группах, с одной стороны, подкрепляет выводы количественного опроса, а с другой стороны, позволяет выявить дополнительные нюансы восприятия города.

Большинство информантов высоко оценивают Пермь с точки зрения комфортности проживания. Об этом часто говорят школьники и студенты, особенно выходцы из малых городов и сел. Однако в сравнении с другими большими городами, Пермь часто проигрывает в глазах молодых жителей по качеству дорог, внешнему виду улиц и домов, особенно на окраинах города (*«Не нравятся пятиэтажные здания, ощущение, что сейчас не 22 год, а 91 год» – школьники*). Также респонденты указывают на то, что Пермь проигрывает другим большим городам по количеству современных развлечений, фестивалей, общей «движухи», говоря сленгом самой молодежи (*«Не хватает движухи, выставок, океанариума, геологического музея. Много рекламы магазинов, мало просвещения» – школьники*).

Студенты СПО на фокус-группах высказались достаточно комплементарно по отношению к городу (*«Нравится развитая инфраструктура, большое кол-во мест для активного отдыха, парки, скверы» – студенты СПО*). Однако их чаще всего волнует транспортная доступность центра, что логично, если учесть, что чаще всего учреждения среднего профессионального образования комплектуются выходцами с городских окраин.

Студенты вузов проявили себя на фокус-группах более требовательными жителями города, демонстрируя более высокие запросы к городу, в том числе на внятный исторический нарратив о городе, содержательный досуг и индивидуальность: *«в Перми стоит развивать локальную историю», «недостаток Перми – все внимание на центр», «к сожалению, у нас не происходит глобальных мероприятий», «Не хватает арт-объектов. В этом году был в Екатеринбурге и у них все куда более лучше», «Не навить мусор в городе. Когда гуляю с собаками по Индустриальному району, то становится обидно, что валяется мусор»* (все – студенты вузов).

Именно у студентов проявилась одна интересная особенность: коренные жители города относятся к Перми более критично, в то время как явно приезжие видят в городе боль-

ше плюсов, чем минусов. Вот, например, как высказываются студенты, приехавшие учиться в Пермь:

– Я из деревни, население не более 40 человек. Поначалу, когда переехал, было сложно адаптироваться, городской шум, суета. Сейчас обжился, ... рядом набережная, галерея, все, что нужно для развития и отдыха есть. Пермь нравится (**студенты вузов, 1–3 курсы**).

– Сама из Полазны, но живу сейчас в общежитии. Город открылся – столько всего интересного! Пушкинская карта дает много возможностей. Хожу в Музей «Дом Мешкова», занимаюсь волонтерством. Самая большая проблема музеев – пиар! Например, недавно узнала, что рядом со мной есть «Ретрогараж», нигде про него ничего нет... Душа болит за музеи – нужна реклама (**студенты вузов, 1–3 курсы**).

– Пермь нравится, рассматриваю этот город из-за образования (**студенты вузов, 4–5 курсы**).

– Хорошая история про «красную» и «зеленую» линии по центру города (**студенты вузов, 4–5 курсы**).

В разговоре с представителями работающей молодежи звучат другие ноты. «Взрослая» молодежь часто хвалит Пермь за спокойную жизнь, хотя для некоторых это является как плюсом, так и минусом. Некоторые информанты даже выводят что-то наподобие формулы «Здесь хорошо растить детей, прожить остаток дней». Но наряду с этим они часто отмечают и недостаток инфраструктуры для семейного отдыха, поддержания здоровья, особенно в отдаленных районах:

– Я люблю город Пермь. Одно из лучших мест – Балатовский парк. Проблемы – недостаточно парковых зон, где можно погулять с ребенком, выйти на пробежку.... «Доступная среда» не везде у нас доступна... (**работающая молодежь, 18–27 лет**).

– Жить мне здесь комфортно. Нравятся красивые новые дома, их яркость. Хорошая транспортная доступность. Очень нравится «Сад камней». Возможности разнообразного проведения досуга. Проблемы – плохие дороги и тротуары не в центральных районах города. Недостаточное количество урн на улицах города. Нужны на улицах города общественные туалеты, как на набережной, это очень важно для родителей с детьми (**работающая молодежь, 28–35 лет**).

Еще одна проблема, всплывающая в разговоре с представителями «взрослой» молодежи, – недостаточное экономическое благополучие Перми, особенно для тех, кто предполагает или уже занимается бизнесом. Информанты из этой социальной группы сетовали на то, что в Перми:

«Ограниченный объем рынка. Я бы хотел иметь возможность заработать больше и потратить больше. Основной массе людей в городе зарплаты хватает только на еду, оплату коммунальных услуг, денег на развлечения уже не остается. Многие предприятия, которые предлагают развлекательные услуги, закрываются, потому что люди, которые давно живут в Перми, там уже были не один раз, и из-за отсутствия миграции новые люди не идут. Низкая привлекательность города для бизнеса... Рассматриваю возможность переезда в другой город, где больше население, больше объем рынка, больше возможностей заработка и, как следствие, больше возможностей интересно потратить свой заработок» (**работающая молодежь, 18–27 лет**).

Отдельно стоит сказать и о более высоких и даже можно сказать изысканных запросах работающей молодежи на культурный досуг. Им часто уже недостаточно стандартного набора из репертуара «высокой культуры» типа «музей-театр». Благодаря некоторой насмотренности, они предпочли бы более современные и комфортные формы времяпрепровождения:

– Я всю жизнь хотел жить в Перми, но сейчас начал задумываться об отъезде ... Моя юность приилась на времена «культурной революции», теперь очень не хватает мероприятий, крупных фестивалей, мало в городе мероприятий, которые были бы мне интересны (творческой, театральной, музыкальной направленности) (**работающая молодежь, 28–35 лет**).

Оценка Перми в сравнении с другими городами России

Еще один способ оценки образа города – сравнить его с другими нестоличными городами России. Поэтому респондентам было предложено ответить на вопрос «Как Вы оцениваете Пермь по сравнению с другими большими городами России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга?» Вопрос задавался только тем респондентам, которые имеют опыт посещения других городов. Таковых оказалось примерно три четверти от числа опрошенных (см. диаграмму). Столицы были намерено исключены из сравнения для корректности сопоставления.

Оказалось, что почти три четверти опрошенных представителей молодежи бывали в других городах (см. рис. 2)

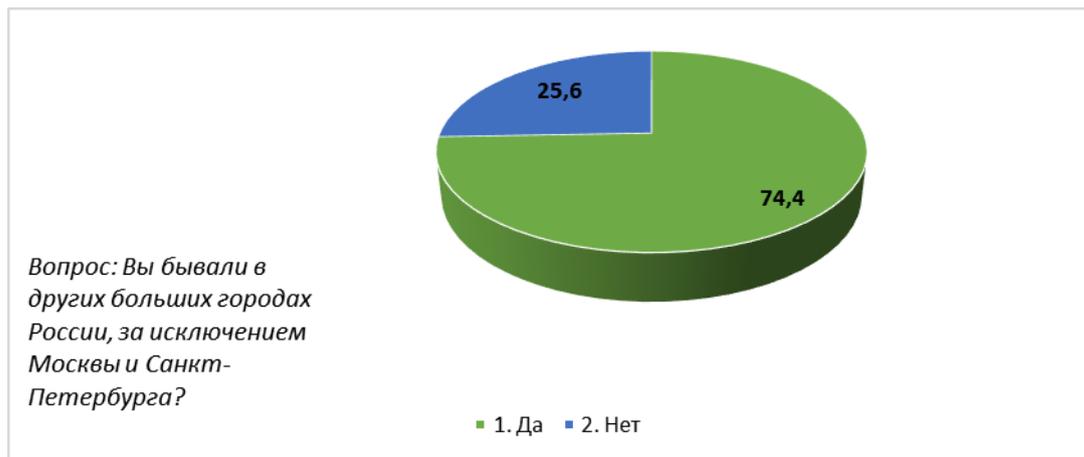

Рис. 2. Опыт посещения других крупных городов в России

Далее в ходе анализа выяснилось, что 70,3% молодежи, имеющей опыт посещения других больших городов России, оценивают Пермь на одном уровне с другими городами (варианты ответов «в чем-то хуже, в чем-то лучше», «такой же»). Пермь выглядит лучше иных городов в глазах 15,4% молодежи, и хуже других городов в глазах 12,2% молодежи. Соответственно, у молодых людей и девушек в целом нет особого негативизма по отношению к Перми, но нет и особого восторга.

Рис. 3. Оценка Перми по сравнению с другими большими городами России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга?

При сопоставлении ответов на этот вопрос с социально-демографическими характеристиками опрошенных выясняются следующие моменты.

- Хуже всего при сравнении с другими городами Пермь оценивают жители отдаленных территорий Перми. У респондентов из этих микрорайонов положительных ответов меньше, чем отрицательных. И напротив, оценки молодых жителей центра явно выше. Вероятно, причина тому – определенная абберация восприятия: Пермь для них больше ассоциируется с микрорайоном проживания, в то время как другие города с точки зрения туриста всегда оцениваются по центральным улицам и достопримечательностям.

- Лучше прочих Пермь в сравнении с другими городами оценивают школьники, магистранты и аспиранты, безработные. Хуже всего – фрилансеры, домохозяйки с детьми, молодежь с непостоянными подработками. Оценки студентов и работающих по найму также ниже средних значений, хотя у них положительные ответы все же преобладают над отрицательными.

- Количество отрицательных оценок Перми в сравнении с другими городами преобладает среди женщин, респондентов, не идентифицирующих себя с Пермью, людей с высшим образованием, и опрошенных, состоящих в неофициальном браке. Напротив, положительных оценок больше среди мужчин, респондентов с общим и полным средним образованием, родившихся и выросших в Перми, идентифицирующих себя в первую очередь с Пермским краем или с Пермью.

Иными словами, оценка Перми вновь зависит от возраста, опытности и уровня локальной идентификации респондентов. Чем ниже образование, и чем крепче респондент связан с Пермью на уровне самоощущения, тем чаще он склонен оценивать Пермь выше, чем другие крупные провинциальные города. Отсюда следует прямой вывод: Пермь теряет привлекательность в глазах молодежи по мере ее физического и социального взросления.

Информация, полученная на фокус-группах, дополняет эти цифры новыми сочными деталями. Так, большинство приезжих молодых людей из малых городов и сел хвалят Пермь за развитость, богатство культурной жизни, наличие выбора, возможности самореализации, хотя часто бывают и дезориентированы высокими темпами жизни большого города, его шумом и размерами:

– Город Пермь дает больше возможностей, нежели деревня или маленькие города. Например, живя в Березниках, было чувство, что все предрешено – идут в ПНИПУ или колледж и потом идут работать на заводы, ничего не изменяется.... Я не люблю очень большие города, но! В Перми можно себя проявить. Большой город дает больше возможностей, новых творческих людей, близких по духу. Здесь проще найти таких людей (студенты вузов, 4–5 курсы).

– Приехала из маленького города (из Удмуртии). Очень не хотела ехать в Пермь. ... Все, что знала о Перми, – это «Реальные пацаны». Когда приехала в Пермь, стала узнавать город, ходить по музеям, театрам. Город стал нравиться больше. Сейчас люблю Пермь, очень хороший город (студенты вузов, 1–3 курсы).

Напротив, информанты, знакомые с другими большими городами, часто критикуют Пермь за отсутствие или недостаточную развитость более современных сервисов городской жизни:

– Жил в Краснодаре 3 года. В Перми вижу положительные изменения, город расцвел... но еще далеко до идеала. Хочется больше ярких красок, цветов (студенты СПО).

– Жить комфортно, но двойственное мнение. Не очень устраивает благоустройство (старые дома выглядят плохо, парки, зоны для отдыха, места для развлечений). Если сравнивать с Екатеринбургом центральную часть городов – это небо и земля, разница большая. Недостаточно развлечений (школьники).

Чего не хватает молодым жителям города

Еще более явственно запрос на яркий и интересный город прозвучал на фокус-группах при обсуждении темы «что необходимо сделать в городе, чтобы он стал более привлекательным для молодежи». Если обобщить все предложения, то получится примерно такой список:

- **Развивать внутригородской туризм и новые смыслы города:**

- Предлагаю... провести экскурсии по городским легендам (в Мотовилихе, Вышка II, площадь Восстания). ... Это же часть нашей культуры... **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- Развивать ... промышленный туризм, так как Пермь промышленный город. Реализовать проект по обустройству оврага в Перми, где зарождался бренд «Заводской Урал». Подключить Пермский звериный стиль **(студенты вузов, 1–3 курсы)**

- Сейчас популярен «Темный туризм» – кладбища, заброшенные здания. Это интересно! Есть же кладбища в Мотовилихе, куда Музей современного искусства водит экскурсии. Развивать мистический туризм! **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- **Уделять больше внимания экологии:**

- Ввели отдельный мусор, но не объяснили для чего это и как это делать... О разделении мусора узнала, когда поставили бак во дворе. ... В «Ленте» поставили автомат по приему пластика. Поставить везде. По телевизору, в газетах, в интернете размещать информацию **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- **Работать над развитием отдаленных микрорайонов города и транспортной доступностью центра:**

- Отдаленные районы – вовлекать молодежь в программы, мероприятия, как в центре **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- Парки, скверы в шаговой доступности во всех районах города, а не только в Ленинском районе, в существующих парках добавить контроль за содержанием **(работающая молодежь, 28–35 лет).**

- **Заниматься профорientацией школьников:**

- Показывать детям с начальной школы, что есть перспективы в Перми **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- Профорientация для школьников. Она вроде есть, но я ни разу в них не участвовал **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- **Уделять больше внимания общественному порядку:**

- Нет патрулей на улице. Не к кому обратиться за помощью. Много асоциальных личностей по ночам **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- **Заниматься благоустройством города:**

- Зимой ее заносит и ее не чистят. Приходится идти по проезжей части или железнодорожным путям. А там бегают гаишники и штрафуют. Еще там много бездомных собак, хватают за ноги **(студенты вузов, 1–3 курсы).**

- Раздражают вездесущие заборы. Пешком идешь и срезать нельзя **(студенты вузов, 4–5 курсы).**

- Раздражают самокатчики, которые гоняют по тротуарам. Негде ездить на велосипедах. Расширять дорожки, строить новые **(студенты вузов, 4–5 курсы).**

- **Улучшить коммуникацию властей с молодежью, организовывать коммуникацию между вузами, учреждениями СПО и т.д.:**

- Есть, что для молодежи, но преподносится все «сухим» языком, и молодежь просто не хочет в этом разбираться и не понимает посыла, поэтому в этом не участвуют. Писать документы молодежним языком... Например, конкурс пиарят «Твой ход» или «Та-

вриада Арт», а что там делать – не понятно. Молодежь любит быстро читать (*студенты вузов, 4–5 курсы*).

– *Есть что-то между факультетами, а между университетами конкурсов нет. Есть мелкие внутренние, но по факту никто не присоединяется. Нужны развлекательно-обучающие вещи. Просто обучающие – скучно, просто развлекательные – бессмысленно (студенты вузов, 4–5 курсы).*

• **Развивать новые форматы уличных мероприятий, развивать семейный отдых:**

– *В том году на эспланаде проводили танцевальные вечера. Было бы интересно посмотреть и поучаствовать в подобном (студенты вузов, 4–5 курсы).*

Заключение

Ответы на вопросы, посвященные оценке Перми с точки зрения комфортности проживания, показали, что в целом молодежь оценивает наш город достаточно высоко. Особенно высоко оцениваются такие параметры, как разнообразие магазинов и торговых центров, кафе, ресторанов, ночных клубов. Чуть скромнее, но также на высоком уровне, оценены культурные составляющие городской жизни: богатство истории, количество общественных пространств, насыщенность и разнообразие культурной жизни.

Несколько ниже оценены такие городские сервисы, как общественный транспорт, наличие спортивных объектов, качество городских праздников.

При этом комфортность проживания в Перми выше оценивается молодежью, проживающей в центральной части города, и ниже – молодежью, проживающей ближе к окраинам. Это свидетельствует о наличии определенного территориального неравенства доступности к городским благам. Вместе с тем само по себе территориальное расположение не является фатальной причиной сниженных оценок: судя по мнению молодежи Кировского, Свердловского и Мотовилихинского районов, такое неравенство может быть сглажено, например, целенаправленными программами городского развития.

Еще одна проблема, вскрывшаяся при проведении исследования, – недостаточный учет интересов работающей молодежи. Пермь наиболее комфортна для школьников и студентов, не связанных семейными обязательствами, идентифицирующими себя как пермяки, живущих ближе к городскому центру или имеющих время и возможности посещать центральные районы. И напротив, для семейной молодежи, материальные возможности которой ограничены и есть дефицит свободного времени, Пермь, с точки зрения комфортности жизни, не всегда выглядит привлекательно.

Разумеется, при принятии решения оставаться жить в городе или переезжать на постоянное место жительства в другой регион и даже страну любой человек будет учитывать не только и даже не столько облик города, его инфраструктуру и комфортность, но и более прагматичные факторы, такие как наличие работы, возможность заработка, карьерного роста и т.д. Все эти резоны также присутствуют в стенограммах фокус-групп и ответах на анкету. Но одновременно исследование показывает, что яркий внешний облик города, наличие развитой досуговой инфраструктуры и богатой истории зачастую является важной первопричиной выбора того или иного города для продолжения образования выпускниками школ из малых городов и сел. А по прошествии 4 или 5 лет обучения большинство из них остается жить в городе хотя бы в силу привычки или новых социальных связей.

И об этом стоит задуматься всем, кто заинтересован в новых молодых горожанах.

Библиографический список

1. Lee E.S. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. P. 47–57.
2. Богуславская С.В. Экономические теории миграции: обзор зарубежных подходов // *Вестник Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. Серия Экономика, социология, права*. 2016. № 1 (47). С. 64–69.
3. Козлова Е.В. Современные теории международной трудовой миграции как методология разработки отечественной миграционной политики // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2015. № 2 (30). С. 127–137.
4. Илимбетова А.А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. №2. С. 144–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-i-integratsiya-migrantov-usloviya-tseli-podhody> (дата обращения: 16.04.2024).
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
6. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия // *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. №1. С. 137–166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ksenofobiya-i-migrantofobii-v-kontekste-kultury-doveriya> (дата обращения: 16.04.2024).
7. Березутский Ю.В. Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. №4 (97). С. 110–117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pyatnadsat-faktov-o-sovremennoy-studencheskoj-molodezhi-goroda-habarovska-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 17.04.2024).
8. Клейменова Е.Р. Инфраструктура как фактор миграции молодежи // *Гуманитарный акцент*. 2022. №2. С. 35–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-kak-faktor-migratsii-molodezhi> (дата обращения: 17.04.2024).
9. Абрамова С.Б., Антонова Н.Л., Пименова О.И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // *Образование и наука*. 2019. №1. С. 97–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlekatelnost-goroda-kak-faktor-territorialnoy-mobilnosti-v-otsenkah-studentov-na-primere-goroda-ekaterinburga> (дата обращения: 17.04.2024).
10. Гунтыпова Э.С. Миграционные настроения сельской учащейся молодежи Бурятии // *Эпоха науки*. 2016. №6. С. 31–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-nastroeniya-selskoj-uchascheysya-molodezhi-buryatii-1> (дата обращения: 17.04.2024).
11. Грунт Е.В., Титаренко Л.Г., Беляева Е.А. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений // *Социология*. 2023. №1. С. 218–226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-migratsionnyh-ustanovok-provintsialnoy-molodezhi-na-primere-uchaschihsya-rossiyskih-i-belorusskih-obrazovatelnyh> (дата обращения: 17.04.2024).
12. Эргешбаев У.Ж., Ешенова С.Е., Муратова Ч.К. Современная внешняя трудовая миграция населения Кыргызстана // *Вестник ТГУПБП*. 2016. №1. С. 38–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-vneshnyaya-trudovaya-migratsiya-naseleniya-kyrgyzstana> (дата обращения: 17.04.2024).
13. Емельянова Т.П. Два города в представлениях молодежи: сравнительный анализ // *Горизонты гуманитарного знания*. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-goroda-v-predstavleniyah-molodezhi-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 10.06.2024).

14. Шемелина О.С., Ванина О.Е. Образ города Новосибирска в представлении студентов. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-goroda-novosibirska-v-predstavlenii-studentov> (дата обращения: 10.06.2024).
15. Сафарова К.С. Городская среда в оценках студенческой молодежи (на примере Смоленского государственного университета) // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 6. С. 15–20.
16. Мазур Е.Ю., Никулова Е.А. Особенности восприятия городской среды в подростковом и юношеском возрастах // Мировые цивилизации. 2018. № 3. С. 1–8.
17. Агаркова Е.И. Феномен города в оценках молодежи Тольятти (по результатам социологических исследований) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 1 (январь). С. 61–65. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15013.htm> (дата обращения: 10.06.2024).
18. Полякова Н.В., Поляков В.В., Ча-Ин-Дай Т.В., Белоброва Я.К. Общественные пространства города глазами молодежи (на примере г. Иркутска) // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международной научно-практической конференции: в двух томах, Екатеринбург, 18–19 апреля 2022 года / научный редактор сборника А.П. Багирова. Том 1. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 432–436.
19. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462.
20. Литвина С.А., Кружкова О.В., Муравьева О.И., Богомаз С.А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник НГПУ. 2017. №1. С. 63–77.

УДК 316.35

EDN JBJJGB

Кибанова Юлия Николаевна,
студент направления «Организация работы с молодёжью»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Kibanova777@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1243-3809
ResearcherID: KLZ-1675-2024

Соловьёв Семён Сергеевич,
старший преподаватель кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
semyons@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6309-4169
ResearcherID: KLZ-2546-2024

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ С СОЦИАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье выражается актуальность исследований социального капитала студенческой молодежи в рамках молодежной политики. Методологией исследования являются теоретические концепции П. Бурдьё, Р. Патнема и М. Грановеттера. Социальный капитал делится на открытый и закрытый. Р. Патнем определяет структуру социального капитала в виде трехфакторной системы: доверие, нормы взаимности и социальные сети. Авторы статьи рассматривают виды каждого фактора социального капитала – вертикальное, горизонтальное доверие; обобщенные, сбалансированные нормы взаимности; открытые и закрытые социальные сети. Также в статье используется анализируется работа М. Грановеттера «Сила слабых связей» для того, чтобы показать виды связи и ее роль в жизни студенческой молодежи. В качестве цели исследования было заявлено выявление влияния государственной молодежной политики на формирование социального капитала студентов. В исследовании участвовали студенты 3–4 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Пермского государственного медицинского университета. Сбор данных проводился с помощью формализованного опроса по стратифицированной выборке. Анализ данных производился в статистическом пакете SPSS. Методами анализа стали: кластерный анализ и метод сравнения средних.

Ключевые слова: социальный капитал, молодежная политика, студенческая молодежь, доверие, нормы взаимности, социальные сети, связь.

Ссылка для цитирования: Кибанова Ю.Н., Соловьёв С.С. Взаимосвязь молодежной политики с социальным капиталом студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 68–74. EDN JBJJGB

Kibanova Yulia Nikolaevna,
student of the direction “Organizations of work with youth”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
Kibanova777@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1243-3809
ResearcherID: KLZ-1675-2024

Solovyov Semyon Sergeevich,
Senior Lecturer, Department of Sociology
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
semyons@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6309-4169
ResearcherID: KLZ-2546-2024

RELATIONSHIP BETWEEN YOUTH POLICY AND THE SOCIAL CAPITAL OF STUDENTS

The article expresses the relevance of research into the social capital of students within the framework of youth policy. The research methodology is based on the theoretical concepts of P. Bourdieu, R. Putnam and M. Granovetter. Social capital is divided into open and closed. R. Putnam defines the structure of social capital as a three-factor system: trust, norms of reciprocity and social networks. The authors consider the types of each factor of social capital - vertical, horizontal trust; generalized, balanced norms of reciprocity; open and closed social networks. The article also uses the work of M. Granovetter “The Power of Weak Ties” to show the types of connections and its role in the life of students. The goal of the study was to identify the influence of state youth policy on the formation of social capital of students. The study involved 3rd-4th year students of Perm State National Research University, Perm National Research Polytechnic University and Perm State Medical University. Data collection was carried out using a formal survey using a stratified sample. Data analysis was carried out in the SPSS statistical package. The analysis methods were: cluster analysis and the method of comparison of means.

Keywords: social capital, youth policy, students, trust, norms of reciprocity, social networks, communication.

For citation: Kibanova Yu.N., Solovyov S.S. [Relationship between youth policy and the social capital of students]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 68–74 (In Russian), EDN JBJJGB

В связи с быстро изменяющимся темпом развития общества у молодых людей меняются приоритеты и принципы. Общество приобретает новый характер, что заставляет придавать большое значение таким социальным явлениям, как формирование системы нематериальных ценностей. Также тема социального капитала молодежи в динамично меняющемся обществе характеризуется низкой разработанностью у научного сообщества. Изучение социального капитала молодежи помогает специалистам по работе с ней понять, какие ресурсы и возможности необходимы для развития данной социально-демографической группы и создания благоприятной среды для их развития и более успешной интеграции в общество.

Обществу для эффективного развития необходимо, чтобы государство через молодежную политику занималось формированием высокого уровня социального капитала, а данный

механизм реализации развит недостаточно. Также благодаря социальному капиталу молодежь сможет более продуктивно участвовать в жизни общества.

Социальный капитал изучали многие исследователи – социологи, философы, экономисты, политологи и др. В основе данной работы лежат теоретические концепции П. Бурдьё, Р. Патнема и М. Грановеттера. Французский социолог и философ П. Бурдьё определял социальный капитал как ресурсы, которые человек получает при знакомствах, нахождению связей с другими людьми. Данные ресурсы могут быть конвертированы в другие виды капиталов, тем самым обеспечивая символическую и экономическую прибыль [1]. Социальный капитал является ресурсом, с помощью которого индивид включается в определенную группу. Например, студенту легче адаптироваться к жизни университета при большом количестве социальных связей. Социальный капитал также представлен в форме отношений, которые оформляются в практическое состояние, для материального и символического поддержания сетей. Эти отношения могут быть оформлены социально и называться общим именем (семья, школа, класс, партия и т.д.). П. Бурдьё видит значение социального капитала в благах, которые он предоставляет человеку.

Внутренняя структура социального капитала неоднородна: исследователи выделяют различные виды и компоненты. Р. Патнем делит социальный капитал на открытый (bridging) и закрытый (bonding) [2]. Открытый социальный капитал предполагает широкий круг доверия, где все члены общества доверяют окружающим людям и разделяют с ними общие нормы и ценности. Лучше всего открытый социальный капитал наблюдать в городских сообществах, их динамичность подкрепляется свободными самоорганизующимися объединениями граждан.

Закрытый социальный капитал предполагается в группах, где каждый преследует индивидуальные интересы. Этот вид социального капитала базируется на ограниченной морали и небольшом радиусе доверия. Благодаря закрытому социальному капиталу возникают узкие группы интересов, происходит формирование межличностного доверия, достигаются общие цели. Также закрытый социальный капитал создает сильную внутригрупповую лояльность. К этому виду социального капитала относятся семья, группа друзей, коллеги по работе и т.д. [3]. Так, в молодежной политике закрытый социальный капитал выражается в молодежных объединениях, проектных командах и др.

Р. Патнем предложил трехфакторную систему социального капитала [4]. В этой модели социальный капитал представлен как совокупность норм взаимности, доверия и социальных сетей, которые способствуют преодолению координационных проблем и повышению сотрудничества в обществе.

Доверие как важный компонент, влияющий на формирование социального капитала, можно разделить на обобщенное, горизонтальное и вертикальное. Обобщенное – предполагает доверие ко всему обществу в целом. Данная форма доверия формируется в процессе анализа индивидом прошлого опыта, т.е. при взаимодействии с другими членами общества индивид в дальнейшем понимает, как будут вести себя люди в аналогичной ситуации, что дает ему почву доверять или не доверять обществу в целом. Патнем считает, что обобщенный компонент доверия является «побочным продуктом» развития у индивида социального интеллекта («social intelligence»). Социальный интеллект направлен на распознавание индивидом сигналов, которые показывают надежность/ненадежность другого индивида.

Горизонтальное – выражается в доверии своему близкому кругу общения, чаще всего людям, которые находятся на одинаковой ступени иерархии, например, коллеги на работе. Эта форма доверия предполагает, что каждый член сообщества будет выполнять свои обязанности, достигая общую цель, он не будет пользоваться ресурсами группы для удовлетворения собственных потребностей. Горизонтальное доверие мотивирует воспринимать на веру истинность слов и поступков своих коллег, друзей и членов семьи [5].

Вертикальное – предполагает доверие к институтам, а также к людям, которые стоят выше по иерархии (социальному статусу). Например, в организации – это доверие персонала

к руководителю, в рамках государства – доверие к органам власти. Эта форма доверия благоприятно влияет на отношения между государством и гражданами, т.к. органы власти стараются прислушиваться к мнению членов общества. Также под влиянием этой формы доверия формируется гражданская активность и развивается третий сектор экономики [6].

Существуют открытые и закрытые социальные сети. Открытые предполагают коммуникацию в широком смысле, т.е. с обществом в целом. Закрытые, в свою очередь, объясняют коммуникацию в рамках какой-либо группы [7].

Последний компонент социального капитала по Р. Патнему – нормы взаимности (взаимный обмен). Они представляют собой социальные нормы, предполагающие взаимную транзакцию какими-либо ресурсами [8]. Нормы взаимности разделяются на обобщенные и сбалансированные. Обобщенные нормы взаимности связаны с постоянной коммуникацией и альтруистическим настроением, т.е. индивид поступает так, как считает нужным, не ожидая в ответ какого-либо ресурса.

Сбалансированные нормы взаимности предполагают эквивалентные ценности и нормы индивидов, другими словами, отношения строятся по типу «ты мне – я тебе» [9].

М. Грановеттер в работе «Сила слабых связей» дает определение силе связи и делит связь на сильную и слабую [10]. Сила связи – это комбинация (вероятно, линейная) продолжительности, эмоциональной интенсивности (*emotional intensity*), близости, или взаимного доверия (*confiding*), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь. Сильная связь возникает с теми людьми, с которыми мы общаемся часто и близко (например, родственники и друзья). Слабая, наоборот, проявляется с людьми, которые не входят в близкий круг общения (например, знакомые, одноклассники, коллеги).

Для определения взаимосвязи государственной молодежной политики с социальным капиталом студенческой молодежи зимой-весной 2024 года было проведено исследование «Изучение влияния государственной молодежной политики на социальный капитал студенческой молодежи».

Объектом исследования выступали студенты 3–4 курсов трех крупнейших университетов города Перми. В каждом университете были опрошены студенты различных профилей обучения: гуманитарный, технический и естественнонаучный, поскольку это было необходимо для задач исследования. Предметом данного исследования является социальный капитал студентов высших учебных заведений. В качестве цели исследования определено: выявить влияние государственной молодежной политики на формирование социального капитала студентов. Метод исследования – формализованный опрос по стратифицированной выборке. Объем выборочной совокупности составил 214 человек, а именно: 59 студентов ПГМУ (естественнонаучный профиль), 67 студентов ПНИПУ (технический профиль) и 88 студентов ПГНИУ (гуманитарный профиль).

Стоит рассмотреть результаты исследования, опираясь на поставленные гипотезы.

Гипотеза 1: Мероприятия молодежной политики в большей степени наращивают горизонтальное доверие. Сравнивая ответы студентов, участвующих в мероприятиях молодежной политики, с ответами, не участвующих в этих мероприятиях по критерию Манна-Уитни, не удалось обнаружить статистически значимые различия (значимость превысила 0,05) в горизонтальном доверии (доверии одноклассникам) и обобщенном доверии (людям в целом). Но такие различия были обнаружены в уровне вертикального доверия (доверие деканату/ректорату, проректору по молодежной политике и Росмолодежи). Уровень доверия деканату/ректорату, проректору по молодежной политике и Росмолодежи выше у студентов, участвующих в мероприятиях (медианный ответ – *скорее доверяю*), у не участвующих – срединное значение (*отчасти доверяю, отчасти не доверяю*). Таким образом, участие в мероприятиях молодежной политики влияет на уровень вертикального доверия. Те, кто является активным участником молодежной политики, склонны больше доверять деканату/ректорату, проректору по молодежной политике и Росмолодежи.

Гипотеза 2: У молодых людей, которые участвуют в мероприятиях молодежной политики, более выражены открытые социальные сети, чем у молодых людей, которые не участвуют в мероприятиях молодежной политики. Изучая различия открытых и закрытых социальных сетей по частоте участия, был сделан вывод, что независимо от частоты участия в мероприятиях молодежной политики более успешно развиваются открытые социальные сети. Однако наблюдается тенденция, что при более редком участии (2 раза в месяц) увеличивается количество закрытых социальных сетей. Также, если молодой человек участвует в мероприятиях молодежной политики еще реже (1 раз в месяц), то возможность получить открытые сети возрастает по сравнению с теми, кто участвует 2 раза в месяц и более. Анализируя полученные результаты, было выдвинуто предположение, что те, кто участвует в мероприятиях государственной молодежной политики реже, приходят на такие мероприятия, чтобы отдохнуть и пообщаться с новыми людьми, т.е. сменить обстановку, поэтому у них возрастают открытые социальные сети. А те, кто участвуют чаще, укрепляют свои старые знакомства посредством общения с одними и теми же людьми; другими словами, они нацелены на укрепление социальных связей, наращивание закрытых социальных сетей.

Гипотеза 3: Интерактивные форматы мероприятий влияют в большей степени на рост социального капитала, чем те, которые не предполагают тесного взаимодействия между участниками. Уровень социального капитала студентов был измерен с помощью следующих переменных: количество преподавателей, которые поддерживали/приглашали на работу; количество друзей, которые помогут с чем-то бескорыстно. Реализуя иерархический кластерный анализ, были получены 12 относительно равно наполненных кластеров, удовлетворяющих условия задачи. В кластерах, включающих студентов, участвующих в интерактивных мероприятиях, количество преподавателей и друзей выше, чем в кластерах, включающих студентов, не принимающих участие в интерактивных мероприятиях. Таким образом, молодые люди, которые участвуют в интерактивных мероприятиях, имеют более высокий уровень социального капитала, чем те, кто не участвует в таких мероприятиях. Гипотеза подтвердилась: интерактивные мероприятия в большей степени влияют на наращивание социального капитала, т.е. молодые люди, которые в них участвуют (особенно каждые полгода), более эффективно наращивают социальный капитал.

Гипотеза 4: Студенты с высоким уровнем социального капитала участвуют в мероприятиях чаще, чем студенты с меньшим уровнем социального капитала. Анализируя полученные результаты, было отмечено, что студенты, участвующие в мероприятиях государственной молодежной политики 3 раза в месяц и чаще, имеют уровень социального капитала ниже по сравнению с теми, кто участвует 2 раза в месяц. Те, кто участвует в таких мероприятиях редко (реже 1 раза в месяц), имеют более высокий уровень социального капитала, чем те, кто участвует 1 раз в месяц. Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась, т.к. уровень социального капитала влияет на частоту участия в мероприятиях молодежной политики обратным образом: молодежная политика не имеет эффективного механизма, который бы помог молодежи наращивать социальный капитал.

Гипотеза 5: Студент, который выполняет в реализации мероприятия молодежной политики роль волонтера, более успешно наращивает социальный капитал. Роль волонтера предполагает общение как с организаторами мероприятия, так и с посетителями, т.е. круг общения возрастает. На основании этого было выдвинуто предположение, что именно роль волонтера более благоприятна для получения социального капитала. При анализе данных методом сравнения средних по критерию Манна-Уитни были получены следующие результаты: молодые люди, принимающие участие в роли волонтера, имеют в своем окружении в среднем 3 преподавателя, которые их поддерживают, а те, кто принимают участие в роли спикера, имеют в среднем 4 таких преподавателя. Следовательно, роль спикера в какой-то мере эффективнее роли волонтера для накопления социального капитала. У волонтеров статистически значимо (по критерию Манна-Уитни) больше друзей, однако организаторы имеют в своем социальном капитале больше преподавателей, чем волонтеры. Таким образом, можно сде-

лать вывод, что роли волонтера и посетителя/зрителя эффективнее при получении социального капитала в виде друзей, а роли спикера и организатора благоприятнее влияют на наращивание социального капитала в виде преподавателей, которые поддерживают или приглашают на работу. Это может быть связано с тем, что роли спикера и организатора обладают большим престижем для молодых людей, т.е. они способны раскрыть больший уровень потенциала, что, в свою очередь, вызывает уважение у преподавателей и других участников, которые обладают более высоким социальным статусом.

Гипотеза 6: Студенты гуманитарного профиля имеют более высокий уровень социального капитала, чем студенты естественно-научных и технических профилей. Студенты гуманитарного профиля, исходя из теоретических предпосылок, являются более общительными и социально активными среди студентов других профилей. Однако при использовании метода сравнения средних (на основании критерия Краскела-Уоллеса) были получены следующие результаты: уровень социального капитала у гуманитарных и естественнонаучных направлений примерно одинаков (значимость более 0,05); у технического профиля уровень социального капитала выше, чем у двух других.

В качестве объяснения полученных результатов предлагается учесть влияние двух важных факторов:

1 Наполненность учебных групп на техническом направлении выше (в отдельных случаях в 2,5 раза), чем у гуманитарных и естественнонаучных, поэтому поле для знакомств намного шире.

2 Университеты нацелены на всестороннее развитие студентов, в том числе на развитие навыков работы в команде. Можно предположить, что благодаря эффективной работе университетов в этом направлении, у студентов всех профилей повышаются навыки коммуникации с другими людьми.

Таким образом, мы рассмотрели определение социального капитала, его виды и трехфакторную систему. Также мы указали на значимость социального капитала в студенческой среде. На основании исследования мы сделали следующие выводы:

1. Участие в молодежной политике благоприятно влияет на *вертикальное доверие*. Студенты, которые участвуют в мероприятиях, в большей степени доверяют деканату, ректорату, проректору по молодежной политике и Росмолодежи, чем те молодые люди, которые не принимают участие.

2. У студентов, которые принимают участие в молодежной политике, преобладают *открытые социальные сети*, то есть их круг общения в большей степени состоит из людей, которые не входят в их близкий круг общения.

3. Участие в *интерактивных форматах* мероприятий в большей степени влияет на наращивание социального капитала. Форматы, которые не предполагают тесного взаимодействия, не нацелены на наращивание социального капитала у студенческой молодежи.

4. Уровень социального капитала не влияет на частоту и качество участия в мероприятиях молодежной политики.

5. Участие в мероприятиях молодежной политики в ролях волонтера и посетителя/зрителя эффективнее при получении социального капитала в виде друзей, а роли спикера и организатора благоприятнее влияют на наращивание социального капитала в виде преподавателей, которые поддерживают или приглашают на работу.

6. Студенты, обучающиеся на *технических направлениях*, имеют более высокий уровень социального капитала, чем студенты гуманитарных и естественнонаучных направлений.

Библиографический список

1. Савченко П.А. Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации // Социология и право. 2020. №2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnogo-kapitala-u-p-burdie-trudnosti-v-interpretatsii> (дата обращения: 03.04.2024).
2. Руденко К.А. Социальный капитал и его разновидности / Руденко К. А., Федотова Е.И. // Вестник института экономики и управления НовГУ. 2016. №2 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-i-ego-raznovidnosti.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).
3. Robert D. Putnam. Bowling alone: The collapse and revival of American community. // Library of Congress Cataloging-in-Publication. 1999. Vol. 2. P. 124–130. URL: [Bowling_Alone_-_The_Collapse_and_Revival_of_American_Community \(1\).pdf](#) (дата обращения: 03.04.2024).
4. Беляева Л.А. Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-problemnoe-pole-i-empiricheskoe-izuchenie> (дата обращения: 03.04.2024).
5. Гордеева С.С. Роль организационного доверия в обеспечении эффективности и продуктивности деятельности современной организации (опыт зарубежных исследований) / Гордеева С.С., Маркова Ю.С. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnogo-doveriya-v-obespechenii-effektivnosti-i-produktivnosti-deyatelnosti-sovremennoy-organizatsii-opyt-zarubezhnyh> (дата обращения: 03.04.2024).
6. Гужавина Т.А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // Society and Security Insights. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-forma-podderzhki-sotsialnyh-institutov> (дата обращения: 03.04.2024).
7. Elizabeth V., Family and Social Network. L., 1957. P. 58–59.
8. Мадлен Б., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kapital-k-obobscheniyu-ponyatiya> (дата обращения: 03.04.2024).
9. Якимова Е.В. Солидарность, доверие и взаимность в контексте теории социального обмена // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-04-021-023-solidarnost-doverie-i-vzaimnost-v-kontekste-teorii-sotsialnogo-obmena-svodnyu-referat> (дата обращения: 03.04.2024).
10. Granovetter M.S. «The strength of weak ties» // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78 (6). P. 1360–1380.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

EDN KGRWHJ

Дериш Федор Валерьевич,
старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
derish@psu.ru
SPIN-код: 2098-8367

Коновалова Екатерина Евгеньевна,
студент специальности «Психология служебной деятельности»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Рау Ева Евгеньевна,
студент специальности «Психология служебной деятельности»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ОПРОСНИК КОНТРПРОДУКТИВНОГО РАБОЧЕГО ПОВЕДЕНИЯ: ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Большая нагрузка и выдвигаемые требования к личностным ресурсам могут привести к истощению ресурсов, изменению отношения к работе. Такие изменения могут привести к увеличению контрпродуктивности отдельных работников — склонности к девиантному поведению на рабочем месте (workplace deviance). Изучение такого отклоняющегося поведения и его предикторов является важным для организационной психологии и психологии личности. Исследование посвящено предварительной оценке психометрических свойств переведенного варианта Опросника контрпродуктивного рабочего поведения (Bennett, Robinson, 2000). Выборку составили 99 работников различных профессиональных групп в возрасте от 18 до 59 лет, 74,7 % составили женщины. Опросник контрпродуктивного рабочего поведения представляет собой перечень из 28 контрпродуктивных рабочих действий, каждый из которых оценивается с помощью 7-балльной частотной шкалы. Для оценки конструктивной валидности использовались методики, направленные на оценку уровня профессионального выгорания (Schaufeli et al., 2019); профессиональной мотивации (Осин и др., 2017); личностных факторов Большой пятерки (Мишкевич и др., 2022) и «темных» черт личности (Корниенко и др., 2022). В целом, опросник обладает достаточным уровнем психометрической надежности и конструктивной валидности. Ограничения связаны с применением опросника только в исследовательских целях, большим количеством пунктов, наличием психологического и семантического сходства отдельных утверждений и анонимным способом предъявления опросника.

Ключевые слова: организационное поведение; контрпродуктивное рабочее поведение; девиантное поведение на рабочем месте; пилотажное исследование.

Ссылка для цитирования: Дериш Ф.В., Коновалова Е.Е., Рау Е.Е. Опросник контрпродуктивного рабочего поведения: пилотажное исследование // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 75–91. EDN KGRWHJ

Fedor V. Derish,
senior lecturer Clinical and General Psychology department
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
derish@psu.ru
SPIN-код: 2098-8367

Ekaterina E. Konovalova,
student of the specialty “Psychology of professional activity”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068

Eva E. Rau,
student of the specialty “Psychology of professional activity”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068

MEASURE OF COUNTERPRODUCTIVE WORKPLACE BEHAVIOR: PILOT STUDY

High demands and stress on personal resources can lead to resource depletion and changes in attitudes toward work. Such changes can increase individual workers' counterproductivity–tendencies towards deviant behavior in the workplace. Studying such deviant behavior and its predictors is important for organizational psychology and personality psychology. This study is dedicated to the preliminary assessment of the psychometric properties of the Measure of Workplace Deviance (Bennett, Robinson, 2000) for assessment of counterproductive workplace behavior. The sample consisted of 99 employees from various professional groups aged 18 to 59 years, with 74.7% being women. The Measure of Workplace Deviance contains a list of 28 counterproductive work actions, each assessed using a 7-point frequency scale. To evaluate construct validity, methods aimed at assessing levels of professional burnout (Schaufeli et al., 2019); professional motivation (Osin et al., 2017); personality factors of the Big Five (Mishkevich et al., 2022); and "dark" personality traits (Kornienko et al., 2022) were used. Overall, the questionnaire demonstrates an adequate level of psychometric reliability and construct validity. Limitations include its application solely for research purposes, the large number of items, the psychological and semantic similarity of certain statements, and the anonymous administration of the questionnaire.

Keywords: organizational behavior; counterproductive work behavior; deviant workplace behavior; pilot study.

For citation: Derish F.V., Konovalova E.E., Rau E.E [Measure of counterproductive workplace behavior: pilot study]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 75–91 (In Russian), EDN KGRWHJ

Введение

Современные тенденции развития организационной психологии заключаются в большой роли процессов глобализации, цифровизации и технологического прогресса [1]. Такие серьезные факторы влияют на изменение требований к работникам и результату их труда в сторону предпочтения более актуальных профессиональных навыков, качеств, вплоть до большей лояльности и профессиональной мотивации [2]. Большая нагрузка и выдвигаемые требования к личностным ресурсам могут привести к истощению ресурсов, изменению отношения к работе. Такие изменения могут привести к снижению продуктивности отдельных работников.

Эффективность любой организации основывается на том, насколько работники продуктивно справляются со своими обязанностями. Выполнение своих профессиональных и должностных обязанностей, как правило, связано с выполнением тех же обязанностей у их коллег. Индивидуальные особенности персонала, обуславливающее демонстрируемое поведение или склонность к нему играют немаловажную роль. Одной из таких особенностей, которая влияет на продуктивность работы организации – это контрпродуктивное поведение ее сотрудников.

Формы контрпродуктивного рабочего поведения

Контрпродуктивное рабочее поведение (далее – КРП) представляет собой форму добровольного поведения, нацеленную на нанесение вреда организации и ее заинтересованным сторонам [3]. В литературе выделяют две основные категории КРП: направленное на организацию (далее – КРП-О) и направленное на других людей (далее – КРП-Д) [4]. Однако, более детальная таксономия, предложенная Р. Спектором и коллегами [3], включает пять измерений: жестокое обращение (насилие), производственные нарушения поведения, саботаж, кражу и уход.

КРП может принимать различные формы, включая насилие и жестокое обращение, проявляясь физически или вербально. К примеру, унижительные или оскорбительные комментарии и замечания, случаи сексуальных домогательств. Производственные нарушения в поведении как правило выражаются в намеренном неисполнении рабочих обязанностей (например, игнорирование правил техники безопасности, профессиональной этики или политики организации). Саботаж проявляется в преднамеренном нанесении ущерба имуществу или репутации организации (сплетни, клевета об организации, повреждение имущества). Кража проявляется в присвоении имущества работодателя без его разрешения. На практике это может быть уклонение от оплаты за товары или неправомерное использование рабочего времени. Уход с рабочего места является частью КРП и выражается в отсутствии сотрудника на рабочем месте в период рабочего времени без уважительной причины, к нему относятся опоздание, ранний уход с работы или необоснованно частое использование больничных.

О'Бойл и соавт. (2010) предложили интегративную модель КРП, учитывающую индивидуальные, групповые и организационные факторы, которая позволяет понять мотивацию и последствия контрпродуктивного поведения. Данные действия могут иметь различные мотивации, такие как гнев, месть или нарциссизм, и могут привести к серьезным последствиям для организации, включая нарушение межличностных отношений и снижение производительности. В рамках групповой динамики, различные факторы могут способствовать или предсказывать КРП, такие как надзор, групповые нормы, групповые процессы и различия в ценностях [5]. Учитывая серьезные последствия КРП для организации, важно не только выявлять положительные факторы, способствующие производительности, но и активно идентифицировать и противостоять негативным воздействиям.

Организационные и личностные факторы контрпродуктивного рабочего поведения

Контрпродуктивное поведение возникает в результате сочетания различных факторов, включая личностные черты и внешние обстоятельства. Во-первых, некоторые люди более склонны к такому поведению из-за личностных черт. Такие индивидуальные различия делают одних людей более уязвимыми к КРП, чем других. Во-вторых, КРП часто возникает в ответ на определенные стрессовые события на работе. На рабочем месте существует множество условий, вызывающих стресс, от чрезмерных нагрузок до жестокого обращения со стороны руководства. Хроническое напряжение может привести к высокому уровню КРП среди сотрудников, хотя стрессовых событий недостаточно для объяснения всех случаев возникновения КРП. Следовательно, стресс на работе является скорее важным, но не единственным фактором, способствующим контрпродуктивному поведению. Немаловажным являются личностные особенности.

С начала 1990-х годов активно проводятся исследования, направленные на изучение связи между чертами личности и организационным поведением. В ходе этой работы было установлено, что среди различных факторов, включенных в модель «Большой пятерки», добросовестность выделяется как наиболее значимый предиктор эффективности труда в различных культурных контекстах [6, 7]. Эффективность организаций логично обусловлена продуктивностью работников или их контр-продуктивностью.

Как и эффективность, КРП предсказывается личностными особенностями. Например, добросовестность сильнее остальных факторов личности предсказывает КРП [8, 9]. Так, в 2007 году мета-анализ, проведенный Берри, Онсом и Сэкеттом, продемонстрировал умеренную корреляцию между доброжелательностью, добросовестностью, эмоциональной стабильностью и обеими шкалами КРП (КРП-О, КРП-Д). Сильные связи были обнаружены между доброжелательностью и КРП-Д, а также между добросовестностью и КРП-О. Три фактора из пяти оказались существенными предикторами КРП.

Негативные эмоции, такие как гнев, тревога или печаль, вызванные стрессом на работе, могут повысить вероятность совершения КРП и тем самым усилить склонность к нему. Когда сотрудники испытывают стресс и негативные чувства, им становится трудно контролировать свои импульсы. В ответ на источник стресса они могут выбрать более безопасные мишени для своего гнева, чтобы избежать негативных последствий от прямого противостояния. Между КРП и дистрессом, а также другими негативными психическими состояниями, вероятно, есть множество дополнительных факторов. Фрустрированная потребность в автономии может играть важную роль, при условии отсутствия выбора у сотрудника при выполнении своих обязанностей (например, он не может внести коррективы в свою работу), вероятность возникновения КРП скорее увеличится [10]. Таким образом, ощущение контроля на работе является ключевым элементом в предотвращении контрпродуктивного рабочего поведения.

Другим фактором возникновения КРП являются межличностные отношения с коллегами. Исследования показывают, что сотрудники чаще наносят ущерб коллегам, к которым испытывают негативные эмоции. В организациях с таким эмоциональным климатом, контрпродуктивное поведение становится более распространенным явлением [11]. Сотрудники также склонны наносить ущерб тем, кто поступает с ними аналогичным образом, что отражает принцип обмена в социальном взаимодействии. Согласно этому принципу, люди стремятся минимизировать издержки и максимизировать вознаграждение в процессе общения. Если человек получает меньшее вознаграждение от партнера, он начинает вести себя по отношению к нему негативно [12, 13, 14]. Таким образом, взаимные негативные эмоции и действия между сотрудниками создают цикл контрпродуктивного поведения, в котором ухудшение рабочего климата способствует увеличению случаев контрпродуктивного поведения, что вновь приводит к снижению продуктивной атмосферы на рабочем месте.

Продуктивность работников связана также с корректными мерами по поддержке, мотивированию и контролю со стороны руководителей. Так, нормативный контроль со стороны руководителя является важным фактором в снижении контрпродуктивного поведения. Например, сотрудники китайских организаций реже совершают незаконные действия, такие как кражи, если ожидают серьезного наказания от руководства [15]. Строгий контроль со стороны руководства может эффективно снизить уровень контрпродуктивного поведения в организации. Однако, при осуществлении нормативного контроля важно также учитывать соблюдение норм справедливости.

Соблюдение норм справедливости, таких как процедурная, межличностная, информационная и дистрибутивная справедливость, воспринимается сотрудниками как форма вознаграждения от руководства. Справедливость в организации способствует снижению контрпродуктивного поведения, поскольку сотрудники оценивают действия и решения как справедливые, когда соблюдаются такие нормы [16]. Кроме того, несоблюдение норм справедливости со стороны руководителя может вызывать недоверие среди сотрудников, когда транс-

лируемые ценности руководителя не совпадают с совершаемыми действиями. В таком случае происходит усиление контрпродуктивного поведения, так как сотрудники не видят в руководителе модель для подражания и теряют мотивацию следовать организационным нормам [17]. Поддержание справедливости в организации является ключевым элементом для снижения вероятности возникновения контрпродуктивного поведения.

КРП чаще всего оценивается с использованием самоотчетов, т.к. это поведение обычно совершается скрытно [13, 18]. Альтернативные методы оценки могут включать внешнюю оценку со стороны коллег или какие-либо объективные показатели [19]. Полноценное изучение КРП должно фокусироваться на выполнении должностных обязанностей и конкретных показателях, таких как эффективность, соотношение результатов к затратам, затраты на результат и стандарты качества. Основной проблемой при изучении КРП является отсутствие диагностического инструментария, позволяющего оценить контрпродуктивное поведение на работе. Создание диагностических инструментов на русском языке является актуальной задачей для дальнейших исследований КРП.

Для надежной оценки контрпродуктивного поведения необходимо соблюдать конфиденциальность получаемых от респондентов данных, т.к. раскрытие перед непосредственными руководителями такого поведения может вызвать существенные проблемы у участников опроса. Так, важно обеспечить единые психологические условия при предъявлении методик. Информация о целях исследования и степени анонимности должна быть четко представлена для участников. Только тогда можно снизить влияние установок на ответ и других факторов искажения.

На данный момент ключевой проблемой при изучении феномена контрпродуктивного поведения на работе является практическое отсутствие русскоязычных диагностических инструментов. Исключением является шкала «Контрпродуктивное поведение» опросника «Индивидуальное выполнение работы», которая включает только некоторые аспекты контрпродуктивного поведения, а именно «...обсуждение негативных аспектов работы с коллегами или друзьями, фиксация на проблемах и неурядицах на рабочем месте» [18]. Таким образом, данное исследование направлено на первичную оценку психометрических свойств опросника «Шкала контрпродуктивного рабочего поведения», который является переводом полного списка опубликованных утверждений опросника «Measure of Workplace Deviance» [19].

Процедура исследования

Выборка

В исследовании участвовало 99 работников различных организаций сферы обслуживания города Перми, принявших участие добровольно. Выборочная совокупность формировалась с помощью метода «снежного кома». Часть выборки была исключена из-за стажа на последней должности менее 1 года, т.к. в инструкции респондентам необходимо было оценить КРП за последний год. Итоговая выборка составила 85 человек, средний возраст которых составил 33,12 лет ($SD=12,23$; $min=18$, $max=59$), процент мужчин – 15,3% (13 человек). Большая часть респондентов указала в качестве уровня образования высшее (71,8%), остальные распределились следующим образом: среднее профессиональное (17,7%), среднее общее (7,1%), основное общее (3,5%).

Методики

Теоретический конструкт опросника шкалы Контрпродуктивного рабочего поведения содержит предположение о двухфакторной структуре КРП [12]: контрпродуктивное поведение, ориентированное на других людей (КРП-Д) и ориентированное на организацию (КРП-О). Авторами оригинального опросника оба фактора рассматриваются как склонности к девиантному поведению на рабочем месте (workplace deviance). Однако инструкция предполагает оценку частоты совершенного контрпродуктивного поведения.

Подобная инструкция делает оценку КРП относительно необычной. Шкала оценивания каждого утверждения представлена семью вариантами, позволяющими определить степень частотности КРП за последний год. Каждый вариант ответа кодируется в соответствии со

следующим обозначением: 1 – Никогда, 2 – Один раз в год, 3 – Два раза в год, 4 – Несколько раз в год, 5 – Каждый месяц, 6 – Каждую неделю, 7 – Каждый день. Такие варианты позволяют получить более точные оценки частотности своего поведения, чем более популярные варианты оценки частотности (например, от Никогда до Всегда).

Для оценки конструктивной валидности использовались методики, направленные на оценку уровня профессионального выгорания с помощью короткой версии опросника «Burnout Assessment Tool (BAT)», состоящей из 12 пунктов [20, 21]; определение выраженности профессиональных мотивов с помощью опросника профессиональной мотивации (ОПМ-2) [22]; для оценки личностных черт использовались вопросник личностных факторов Большой пятерки «Краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S)» [23] и «Короткий опросник Темной тетрады (SD4)» [24].

Респонденты участвовали в исследовании через онлайн-платформу (<https://onlinetestrad.com/>), где каждый отдельный пункт методик представлялся на отдельной веб-странице. Респонденты заполняли анкету, направленную на оценку социально-демографических показателей (пол, возраст, должность, размер организации, стаж работы, семейное положение, уровень образования). После заполнения анкеты респонденты заполняли опросники, направленные на оценку психологических характеристик. Каждый участник получил обратную связь в форме автоматически сгенерированных результатов по каждой из заполненных методик на основе сопоставления индивидуальных результатов с данными выборок стандартизации. Участие в исследовании было добровольным и анонимным.

Для оценки психометрических свойств опросника контрпродуктивного рабочего поведения использовались описательные статистики, критерий Манна-Уитни, коэффициенты корреляции Спирмена, анализ одномоментной надежности (α -Кронбаха), анализ главных компонент. Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистической программы JASP ver. 0.18.3 (лицензия Creative Commons Sharealike, <https://jasp-stats.org/>).

Перевод вариантов ответа и утверждений осуществлялся авторами данной статьи в соответствии с теоретическими представлениями и современными исследованиями феномена контрпродуктивного поведения на рабочем месте. Данный перевод является предварительным и требует тщательной экспертной оценки. Однако оценка психометрических свойств является необходимым действием для принятия решения о разработке более качественного инструмента. Мы понимаем и принимаем все ограничения, связанные с данным обстоятельством. В свете отсутствия подобных методик и данных о психометрических свойствах считаем необходимым представить результаты нашего исследования.

Результаты и их обсуждение

Анализ психометрических свойств шкалы контрпродуктивного рабочего поведения включал в себя несколько последовательных этапов. На первом этапе анализировались статистики отдельных пунктов и их структура. На втором этапе определялась необъективность теста по полу, возрасту и уровню образования для показателей опросника. На третьем этапе оценивалась конструктивная валидность и надежность теста. Промежуточные результаты первого этапа использовались для осуществления второго и третьего этапов, где сопоставлялись взаимосвязи и различия для отдельных показателей опросника.

Описательные статистики

Рассчитанные описательные статистики отдельных утверждений (пунктов) показали, что респонденты не использовали все доступные варианты ответов. Большинство пунктов обладают выраженной левосторонней асимметрией и эксцессом. Кроме того, для нескольких пунктов частота ответа «Никогда» превышала 90% от общего количества респондентов (см. табл. 1). Было обнаружено, что отдельные утверждения не являются однородными для шкалы. Одни утверждения обладают большим средним значением (например, 1, 11, 12, 15, 26 и пр.), а другие утверждения – меньшим (например, 5, 20, 23, 27, 28 и пр.). Как оказалось, утверждения обладают существенно различным вкладом в оценку контрпродуктивного рабочего поведения, а некоторые пункты требуют существенного пересмотра.

Таблица 1. Описательные статистики всех утверждений (пунктов) шкалы контрпродуктивного рабочего поведения

№	Утверждения (пункты)	Сред.	Ст. откл.	Асим. (CO=0,26)	Эксц. (CO=0,52)	% ^a
1	На рабочем месте вместо того, чтобы выполнять работу, занимался личными делами	3,93	2,20	-0,14	-1,38	72,9
2	Забирал имущество с работы без разрешения	1,49	1,15	2,29	4,22	18,8
3	Тратил слишком много времени на свои фантазии вместо того, чтобы работать	2,59	1,95	0,81	-0,84	49,4
4	Высмеивал кого-то на работе	2,62	1,88	0,64	-1,12	50,6
5	Подделывал документы, чтобы получить возмещение на сумму большую, чем потратил на расходы организации	1,09	0,50	6,51	46,31	4,7
6	Говорил что-то обидное кому-то на работе	2,08	1,46	1,18	0,43	45,9
7	Брал дополнительный или более длительный перерыв, чем это допустимо на рабочем месте	2,11	1,70	1,37	0,60	38,8
8	Распространял слухи или сплетни о своей организации	1,45	1,15	2,85	8,07	17,6
9	Отпускал(а) этнические, религиозные или сексистские шутки на работе	1,65	1,60	2,36	4,26	16,5
10	Приходил(а) на работу позже без разрешения	2,39	1,92	1,10	-0,24	44,7
11	Захламлял свое рабочее место	3,02	2,23	0,53	-1,26	52,9
12	Ругался(ась) на кого-то на работе	3,20	1,96	0,29	-1,27	68,2
13	Не приходил(а) на работу и притворился(ялась) по телефону больным	1,45	1,01	2,16	3,31	20,0
14	Говорил(а), что работаешь в ужасном месте	2,14	1,63	1,13	-0,04	40,0
15	Выходил(а) из себя во время работы	3,11	1,81	0,29	-1,17	71,8
16	Пренебрегал указаниями начальства	2,29	1,45	0,56	-1,34	52,9
17	Намеренно работал медленнее, чем мог бы работать	2,01	1,61	1,37	0,60	35,3
18	Обсуждал конфиденциальную информацию организации с неуполномоченными лицами	1,69	1,35	1,87	2,29	27,1
19	Уходил(а) с работы раньше без разрешения	2,00	1,54	1,27	0,21	36,5
20	Подло разыгрывал кого-либо на работе	1,15	0,66	5,07	26,61	7,1
21	Оставлял(а) работу недоделанной, чтобы ее закончил кто-то другой	1,54	1,11	2,13	3,43	25,9
22	Вел(а) себя грубо по отношению к кому-то на работе	1,81	1,32	1,43	0,75	34,1
23	Распускал(а) слухи о своем начальнике или коллегах	1,44	0,98	2,20	3,58	20,0
24	Давал(а) непристойные комментарии на работе	1,74	1,47	1,77	1,58	24,7
25	Употреблял(а) наркотические вещества или алкоголь на работе	1,54	1,11	2,02	2,83	24,7
26	Работал(а), прилагая мало усилий	2,87	1,83	0,42	-1,13	61,2
27	Публично унижал(а) кого-то на работе	1,17	0,67	5,64	35,89	9,4
28	Затягивал(а) работу, чтобы получить сверхурочные	1,06	0,45	8,53	75,14	2,4

Примечание: а – процент респондентов, которые совершали указанное поведение хотя бы один раз за последний год; СО – стандартная ошибка; Сред. – Среднее арифметическое; Ст. Откл. – стандартное отклонение.

Согласно результатам, некоторые пункты оказались примерами более отклоняющегося поведения на работе, чем другие. Пункты 5, 20, 27 и 28 обладают запредельно высокими значениями асимметрии и эксцесса, в отличие от других пунктов. Вполне вероятно, что поведение «Затягивал(а) работу, чтобы получить сверхурочные» является достаточно редким ввиду невозможности получать сверхурочные денежные средства путем задержки выполнения трудовых обязанностей для многих должностей. В свою очередь пункт «Подделывал(а) документы, чтобы получить возмещение на сумму большую, чем потратил(а) на расходы организации» является нарушением уголовного законодательства, что является делинкветным поведением и является достаточно рискованным. Пункты «Подло разыгрывал(а) кого-либо на работе» и «Публично унижал(а) кого-то на работе» являются наиболее социально нежелательными формами поведения. Формы контрпродуктивного поведения, представленные в данных утверждениях, оказались наиболее редкими. К тому же описательные статистики данных пунктов могут серьезно исказить результаты последующих анализов. Вследствие было принято решение о необходимости исключения данных утверждений из последующих анализов.

Структура опросника

Структура опросника в оригинальном исследовании [19] включала две шкалы КРП: поведение, направленное против организации (organizational deviance) и направленное против других (interpersonal deviance). Нами, как и авторами оригинального исследования, обе шкалы рассматриваются как наиболее широкие (обобщенные) формы проявления феномена девиантного поведения на рабочем месте. В данном исследовании была получена аналогичная структура в результате анализа главных компонент с косоугольным вращением (табл. 2).

Таблица 2. Структура шкалы контрпродуктивного рабочего поведения

№	Утверждения (пункты)	Комп. 1	Комп. 2
1	На рабочем месте вместо того, чтобы выполнять работу, занимался(лась) личными делами	-0,13	0,81
2	Забирал(а) имущество с работы без разрешения	0,71	-0,09
3	Тратил(а) слишком много времени на свои фантазии вместо того, чтобы работать	-0,03	0,76
4	Высмеивал(а) кого-то на работе	0,50	0,27
5	Говорил(а) что-то обидное кому-то на работе	0,87	-0,10
6	Брал(а) дополнительный или более длительный перерыв, чем это допустимо на рабочем месте	0,49	0,11
7	Распространял(а) слухи или сплетни о своей организации	0,54	-0,05
8	Отпускал(а) этнические, религиозные или сексистские шутки на работе	0,70	0,01
9	Приходил(а) на работу позже без разрешения	0,25	0,48
10	Захламлял(а) свое рабочее место	0,57	0,06
11	Ругался(ась) на кого-то на работе	0,51	0,11
12	Не приходил(а) на работу и притворился(ялась) по телефону больным	0,40	0,04
13	Говорил(а), что работаешь в ужасном месте	0,38	0,26
14	Выходил(а) из себя во время работы	0,47	0,10
15	Пренебрегал(а) указаниями начальства	0,49	0,39
16	Намеренно работал(а) медленнее, чем мог(ла) бы работать	0,23	0,55

17	Обсуждал(а) конфиденциальную информацию организации с неуполномоченными лицами	0,28	0,41
18	Уходил(а) с работы раньше без разрешения	0,20	0,55
19	Оставлял(а) работу недоделанной, чтобы ее закончил кто-то другой	0,26	0,38
20	Вел(а) себя грубо по отношению к кому-то на работе	0,75	-0,01
21	Распускал(а) слухи о своем начальнике или коллегах	0,42	0,17
22	Давал(а) непристойные комментарии на работе	0,84	-0,04
23	Употреблял(а) наркотические вещества или алкоголь на работе	0,70	0,03
24	Работал(а), прилагая мало усилий	-0,04	0,76
Сумма квадратов нагрузок		6,54	3,76
Доля объяснимой дисперсии		0,27	0,16

Примечание: анализ главных компонент, вращение облимин; корреляционная матрица факторизуема: хи-квадрат критерия Бартлетта равен 1021,02 при $p < 0,001$, мера адекватности выборки по критерию Кайзера-Мейера-Олкина равна 0,81; полужирным выделены факторные нагрузки больше 0,35.

В целом, каждый компонент представляет те же виды КРП, как и в оригинальном исследовании. Более детально мы не смогли обнаружить полное соответствие первоначальной структуре. Данное обстоятельство связано с использованием менее строгого к параметрам выборочного распределения пунктов. Первый компонент, теоретически соответствующий КРП-Д, представлен 16 пунктами и содержательно описывает примеры вербальной агрессии, нарушения социальных норм по отношению к другим людям (коллегам, начальству и пр.). Второй компонент, который содержательно соответствует КРП-О, содержит 8 пунктов, которые описывают примеры нарушения корпоративной политики, правил внутреннего распорядка и трудовых обязанностей. Оба компонента объясняют 43% дисперсии из 24 утверждений опросника, а также являются умеренно связанными ($r=0,45$), что свидетельствует о целостности феномена КРП. Полученная структура не является простой и требует дальнейшего уточнения путем проведения дополнительного исследования с большим количеством выборки, принадлежащей какой-либо отдельной профессиональной сфере деятельности.

Результаты анализа главных компонент использовались для расчета дополнительных показателей КРП. На основании пунктов, имеющих нагрузки более 0,35 на отдельную компоненту, были рассчитаны показатели КРП-О и КРП-Д. Так, четыре показателя КРП использовались в следующих анализах. Такими показателями оказались общее КРП всех первоначальных утверждений (28 пунктов), общий показатель КРП наиболее частых видов КРП (24 пункта), шкалы КРП-Д (16 пунктов) и КРП-О (8 пунктов). Все показатели были рассчитаны путем усреднения ответов респондентов. В дальнейшем показатели сопоставлялись друг с другом при сравнении групп и анализе взаимосвязей.

Одномоментная надежность

Надежность шкал Опросника контрпродуктивного рабочего поведения оценивалась через определение степени внутренней согласованности пунктов для соответствующих показателей КРП. Все показатели, кроме КРП, направленного на организацию, обладают высоким уровнем одномоментной надежности. Причем только для КРП, рассчитанного на основании всех 28 пунктов опросника, были обнаружены пункты, которые требуют исключения, т.к. недостаточно коррелируют с общим показателем. Такие высокие уровни надежности обусловлены относительно большим количеством утверждений на отдельные шкалы, что обнаруживается для КРП-О, который рассчитывался на основании меньшего количества пунктов. Все шкалы Опросника контрпродуктивного поведения обладают достаточным уровнем надежности.

Таблица 3. Результаты анализа одномоментной надежности по внутренней согласованности

№	Переменная	α -Кронбаха	Средняя межпунктовая корреляция
1	Контрпродуктивное рабочее поведение (28 пунктов)	0,91	0,28
2	Контрпродуктивное рабочее поведение (24 пункта)	0,91	0,32
3	КРП, направленное на своих коллег (16 пунктов)	0,89	0,35
4	КРП, направленное на организацию (8 пунктов)	0,82	0,36

Связь с полом, образованием, возрастом, профессиональным стажем и размером организации

Опросник контрпродуктивного рабочего поведения оказался необъективным относительно некоторых факторов индивидуальных различий. Такими оказались возраст, пол, но не уровень образования и профессиональный стаж. Связь факторов и показателей КРП оценивалась с помощью сравнительного анализа независимых групп, рангового корреляционного анализа Спирмена и частного корреляционного анализа. Выбранные факторы не исчерпывают все возможные дополнительные исследовательские переменные, а лишь очерчивают психометрические характеристики опросника.

Оценка связи пола с КРП производилась путем сравнения групп мужчин и женщин. Результаты такого сравнения показали более высокие значения по всем показателям для мужчин, чем для женщин. Все различия оказались статистически достоверными с умеренными и большими размерами эффекта (таблица 4). Как оказалось, мужчины сравнительно чаще женщин демонстрируют девиантное поведение на работе, что является довольно ожидаемым результатом, т.к. мужчины в большей степени склонны к агрессивному и асоциальному поведению [25]. Стоит отметить, что, весьма вероятно, подобные различия могут быть не воспроизводимыми ввиду малого количества мужчин в выборке.

Средние значения и стандартные отклонения немного отличаются для отдельных шкал опросника КРП (таблица 4). Наибольшее среднее и стандартное отклонение обнаружено для КРП, ориентированного на организацию, чем на других людей. Вероятно, это связано с большей частотой таких пунктов как 1 и 3 (табл. 1). Подобные утверждения описывают использование рабочего времени для выполнения собственных, личных дел, а не прямых обязанностей. Вероятно, такое поведение является более распространенным, что может быть в случае слабой регламентированности использования рабочего времени в организации. Различия не оценивались с помощью статистических критериев и находятся скорее на одном уровне, что говорит о сходном уровне выраженности КРП-Д и КРП-О.

Таблица 4. Описательные статистики показателей контрпродуктивного рабочего поведения

№	Переменная	Среднее ариф.			U-критерий		Размер эффекта ^a
		Общая (n = 85)	Женщины (n = 72)	Мужчины (n = 13)	W	p	
1	КРП (28 пунктов)	2,02 (0,81)	1,91 (0,77)	2,64 (0,81)	235,5	0,005	-0,50
2	КРП (24 пункта)	2,17 (0,91)	2,05 (0,87)	2,84 (0,89)	239,5	0,005	-0,49
3	КРП-Д (16 пунктов)	2,07 (0,94)	1,94 (0,87)	2,78 (1,00)	236	0,005	-0,50
4	КРП-О (8 пунктов)	2,37 (1,13)	2,27 (1,14)	2,97 (0,94)	265,5	0,013	-0,43

Примечание: КРП – контрпродуктивное рабочее поведение, КРП-О – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на организацию, КРП-Д – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на других людей; ^a - размер эффекта, рассчитывался с помощью ранговой бисериальной корреляции; в скобках рядом со средними значениями указаны стандартные отклонения.

В результате рангового корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи между изучаемыми факторами и показателями КРП (табл. 5). Так, корреляции оказались слабыми между возрастом ($p < 0,05$), общим профессиональным стажем ($p < 0,05$) и стажем в текущей должности ($p > 0,05$) с общим показателем КРП. Шкала КРП-О, в свою очередь, оказалась умеренно связанной со всеми факторами на высоком уровне значимости ($p < 0,01$). Только шкала КРП-Д оказалась независимой от исследуемых факторов. Полученные взаимосвязи потребовали дополнительной проверки с помощью частного корреляционного анализа ввиду тесной взаимосвязи возраста с общим профессиональным стажем ($r = 0,89$; $p < 0,001$) и стажем в текущей должности ($r = 0,75$; $p < 0,001$).

Как оказалось, фактор «Возраст» выполнял роль третьей переменной связи профессионального стажа и КРП. При включении в корреляционный анализ переменной «Возраст» связи, полученные ранее, стали незначимыми и близкими к нулю. Включение переменных, характеризующих профессиональный стаж, в роли третьей переменной не дало полное снижение корреляционных коэффициентов между переменной «Возраст» и показателями КРП. Такие взаимосвязи могут быть объяснены большей выраженностью склонности к асоциальному и девиантному поведению в более молодом возрасте [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Кроме того, возраст связан в большей степени с организационным КРП, чем с межличностным. Возможно, более молодые склонны демонстрировать девиантное поведение не в отношении с другими, а в отношении к организации ввиду их меньшей лояльности к ней.

Таблица 5. Корреляции показателей контрпродуктивного поведения с возрастом и стажем

№	Переменная	КРП (24 пунктов)	КРП-Д (16 пунктов)	КРП-О (8 пунктов)
1	Возраст	-0,27 * (-)	-0,14 (-)	-0,37 *** (-)
2	Стаж работы в текущей должности	-0,19 (0,03)	-0,06 (0,07)	-0,31 ** (-0,05)
3	Общий профессиональный стаж	-0,27 * (-0,06)	-0,13 (-0,01)	-0,37 *** (-0,10)

Примечание: КРП – контрпродуктивное рабочее поведение, КРП-О – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на организацию, КРП-Д – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на других людей; * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; в скобках указаны частные корреляции при контроле переменной Возраст.

В целом, опросник КРП требует учета половой и возрастной принадлежности того или иного респондента для оценки выраженности соответствующих показателей КРП. При проверке оказалось, что размеры эффекта оказались умеренными и большими для КРП. Другие анализируемые факторы, такие как профессиональный стаж, уровень образования и размер организации, оказались несущественными. Весьма вероятно, что при увеличении количества выборки увеличится мощность применяемых анализов, что позволит обнаружить дополнительные закономерности между факторами индивидуальных различий и КРП.

Конструктивная валидность

Оценка конструктивной валидности осуществлялась с помощью расчета корреляций Спирмена между профессиональной мотивацией, профессиональным выгоранием, личностными чертами и показателями КРП. Профессиональная мотивация и профессиональное выгорание являются показателями состояния, связанного с выполнением трудовых функций, тогда как личностные черты рассматриваются как стабильные качества личности, обозначающие склонность к различному поведению (в частности к КРП). Согласно современным исследованиям, шкалы КРП должны быть значимо связанными со следующими показателями:

Положительно с профессиональным выгоранием, включая отдельные шкалы [27, 28];

Положительно с контролируемой профессиональной мотивацией и отрицательно с автономной профессиональной мотивацией (включая отдельные шкалы) [18];

Положительно с Нейротизмом и отрицательно с остальными факторами «Большой пятерки» [28, 29, 30].

Положительно с некоторыми «темными» чертами личности: Макиавеллизмом, Психопатией и Повседневным (обыденным) садизмом [31, 32, 33, 34].

Результаты рангового корреляционного анализа (табл. 6) показали, что уровень профессионального выгорания связан с КРП и его формами (КРП-О и КРП-Д). В частности, интегральный показатель выгорания умеренно и положительно ($r_{\text{mean}} = 0,36$) связан с показателями КРП. Причем, наименьшая корреляция была обнаружена для организационного КРП, чем для других показателей. Полученная взаимосвязь характеризует тот факт, что сотрудники, обладающие более высоким уровнем профессионального выгорания, в прошлом совершали контрпродуктивные действия на рабочем месте.

Детальное рассмотрение связи профессионального выгорания и КРП показало, что когнитивные трудности в большей степени связаны с КРП, а истощение и эмоциональные затруднения – в наименьшей степени. Вероятно, аффективные и тонические характеристики психического выгорания в меньшей степени связаны с КРП, когда как отношение к работе (шкала Внутреннее дистанцирование) и когнитивный дефицит при исполнении своих обязанностей (шкала Когнитивные затруднения) в большей степени обуславливают частоту КРП. Связь последних двух шкал и КРП, возможно объясняется через несоответствие исполняемых обязанностей возможностям работников.

Мотивационный аспект состояний, связанных с исполнением трудовых функций, проявляется ожидаемым образом у работников, склонных к КРП. В целом, внутренние мотивы, относящиеся к автономной мотивации, отрицательно связаны с КРП и его формами. В то же время внешние мотивы, характеризующие контролируемую мотивацию, положительно связаны с КРП и его формами. Работники, которые заинтересованы в результативности своей работы и которые получают удовольствие от профессиональной деятельности, в меньшей мере склонны совершать контрпродуктивное поведение на рабочем месте, нежели те работники, которые выполняют свои обязанности преимущественно под давлением внешних, не связанных с профессиональной деятельностью, причин. Стоит отметить, что отсутствие мотивации работать в своей должности также связано с более высоким КРП. Полученные результаты взаимосвязи между профессиональной мотивацией и КРП показывают, что более внутренне мотивированные сотрудники в меньшей степени склонны к КРП вне зависимости от формы.

В целом, при оценке связи психических состояний, обусловленных выполнением трудовых обязанностей, были получены корреляции, соответствующие ожидаемым. Работники, которые обладают высоким уровнем профессионального выгорания, менее субъективно вовлечены в профессиональную деятельность, демонстрируют более частое совершение контрпродуктивных действий на рабочем месте. Такие действия направлены против других людей и против организации. Руководителям организации для снижения вероятности совершения КРП следует осуществлять профилактику профессионального выгорания и выстраивать релевантную трудовым обязанностям мотивационную систему.

Таблица 6. Корреляции показателей контрпродуктивного рабочего поведения с шкалами выгорания и профессиональной мотивации

№	Переменная	КРП (28 пунктов)	КРП (24 пункта)	КРП-Д (16 пунктов)	КРП-О (8 пунктов)
1	Профессиональное выгорание	0,37 ***	0,37 ***	0,38 ***	0,30 **
2	Истощение	0,25 *	0,25 *	0,28 **	0,16
3	Внутреннее дистанцирование	0,29 **	0,30 **	0,26 *	0,27 *
4	Когнитивные затруднения	0,44 ***	0,44 ***	0,42 ***	0,40 ***
5	Эмоциональные затруднения	0,15	0,15	0,22 *	0,07
6	Внутренняя мотивация	-0,31 **	-0,32 **	-0,25 *	-0,33 **
7	Идентифицированная мотивация	-0,36 ***	-0,36 ***	-0,31 **	-0,34 **
8	Интегрированная мотивация	-0,36 ***	-0,37 ***	-0,30 **	-0,36 ***
9	Интроецированная мотивация	0,18	0,18	0,21 *	0,10
10	Экстернальная мотивация	0,36 ***	0,36 ***	0,25 *	0,42 ***
11	Амотивация	0,31 **	0,31 **	0,25 *	0,31 **
12	Автономная мотивация	-0,36 ***	-0,36 ***	-0,30 **	-0,36 ***
13	Контролируемая мотивация	0,37 ***	0,38 ***	0,29 **	0,38 ***

Примечание: КРП – контрпродуктивное рабочее поведение, КРП-О – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на организацию, КРП-Д – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на других людей; * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; в скобках в названиях переменных указано количество утверждений (пунктов).

Концептуально личностные черты определяют склонность к тому или иному поведению. В целом, полученные корреляции (табл. 7) между личностными чертами соответствуют ожидаемым, где наиболее связанными с показателями КРП оказались Доброжелательность ($r_{\text{mean}} = -0,45$), Добросовестность ($r_{\text{mean}} = -0,38$), Психопатия ($r_{\text{mean}} = 0,37$) и Повседневный садизм ($r_{\text{mean}} = 0,50$). Факторы «Большой пятерки» и черты Темной тетрады оказались связаны сходным образом с общими показателями КРП.

Специфическими оказались взаимосвязи между организационным КРП и Доброжелательностью и Психопатией. Так, Доброжелательность сильнее связана именно с КРП-О, чем с КРП-Д, что является необычным результатом ввиду того, что недоброжелательное поведение теоретически должно проявляться в большей степени в ситуациях общения, а не при нарушении правил трудового распорядка. Психопатия, в свою очередь, слабо связана с КРП-О, что слабо соответствует теоретическим описаниям психопатических личностей как людей, склонных нарушать общепринятые нормы и правила. Вероятно, полученные взаимосвязи являются проявлением особенностей выборки.

Таблица 7. Корреляции показателей контрпродуктивного рабочего поведения с личностными чертами

№	Переменная	КРП (28 пунктов)	КРП (24 пункта)	КРП-Д (16 пунктов)	КРП-О (8 пунктов)
1	Экстраверсия	0,00	-0,01	0,04	-0,06
2	Доброжелательность	-0,46 ***	-0,46 ***	-0,36 ***	-0,48 ***
3	Добросовестность	-0,39 ***	-0,40 ***	-0,35 ***	-0,37 ***
4	Открытость опыту	-0,11	-0,11	-0,08	-0,12
5	Нейротизм	0,14	0,15	0,14	0,13
6	Макиавеллизм	0,18	0,19	0,10	0,23 *
7	Нарциссизм	0,17	0,16	0,14	0,16
8	Психопатия	0,39 ***	0,39 ***	0,46 ***	0,25 *
9	Повседневный садизм	0,52 ***	0,52 ***	0,50 ***	0,47 ***

Примечание: КРП – контрпродуктивное рабочее поведение, КРП-О – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на организацию, КРП-Д – контрпродуктивное рабочее поведение, направленное на других людей; * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; в скобках в названиях переменных указано количество утверждений (пунктов).

Заключение

КРП является для отечественных исследований относительно новым феноменом, несмотря на высокий интерес, отмеченный в зарубежных исследованиях. Изучение такого отклоняющегося поведения и его предикторов является важным для организационной психологии и психологии личности. Закономерности, связанные с КРП, имеют потенциал для решения практических и прикладных задач в различных организациях. Однако трудности изучения данного феномена возникают из-за отсутствия измерительного инструмента. Данная работа представляет ориентировочные данные о психометрических свойствах Опросника контрпродуктивного рабочего поведения для российской выборки.

В целом, опросник обладает как достоинствами, так и недостатками для оценки КРП. Достоинствами являются использование более конкретных вариантов ответов, что облегчает и делает более точными оценки КРП; относительно высокий уровень надежности и валидности общих (КРП) и дополнительных шкал (КРП-Д, КРП-О). К недостаткам и ограничениям можно отнести относительно большое количество пунктов для оценки одного показателя, психологическое и семантическое сходство отдельных утверждений, существенно различающуюся частоту отдельных проявлений КРП и исключительно анонимный способ предъявления опросника.

Библиографический список

1. Журавлев, А. Л., Занковский А. Н. Тенденции развития организационной психологии // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 2. – С. 77-88.
2. Барабанщикова, В. В., Кузнецова, А. С. Современные тенденции в развитии психологических исследований труда и трудящегося в динамичной профессиональной и организационной среде // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 4 (48). – С. 3-8. – DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0401>
3. Spector, P. E., Fox, S., Penney, L. M., Bruursema, K., Goh, A., Kessler, S. The dimensionality of counterproductivity: Are all counterproductive behaviors created equal? // Journal of Vocational Behavior. – 2006. – V. 68(3). – P. 446-460. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2005.10.005>
4. Robinson, S. L., Bennett, R. J. A typology of deviant workplace behaviors: A multidimensional scaling study // Academy of Management Journal. – 1995. – V. 38(2). – P. 555-572. – DOI: 10.2307/256693
5. O'Boyle, E. H., Forsyth, D. R., O'Boyle, A. S. Bad Apples or Bad Barrels: An Examination of Group- and Organizational-Level Effects in the Study of Counterproductive Work Behavior // Group and Organization Management. – 2010. – V. 36(1). – P. – 39-69. – DOI: 10.1177/1059601110390998
6. Dunn, W. S., Mount, M. K., Barrick, M. R., Ones, D. S. Relative importance of personality and general mental ability in managers' judgments of applicant qualifications // Journal of Applied Psychology. – 1995. – V. 80(4). – P. 500-509. – DOI: 10.1037/0021-9010.80.4.500
7. Smithkrai, R. S. Career satisfaction, personality and burnout among surgical oncologists // Annals of Surgical Oncology. – 2007. – V. 14(11). – P. 3043-3053. – DOI: 10.1245/s10434-007-9579-1
8. Dalal, R. S. A Meta-Analysis of the Relationship Between Organizational Citizenship Behavior and Counterproductive Work Behavior // Journal of Applied Psychology. – 2005. – V. 90(6), P. 1241-1255. – DOI: 10.1037/0021-9010.90.6.1241

9. Salgado, J. The Big Five personality dimensions and counterproductive behaviors // *International Journal of Selection and Assessment*. – 2002. – V. 10(1-2). – 117-125. – DOI: 10.1111/1468-2389.00198
10. Chang, K., Smithikrai, C. Counterproductive behaviour at work: an investigation into reduction strategies // *The international Journal of Human Resource Management*. – 2010. – V. 21(8). – P. 1272-1288.
11. Levine, E. L. Emotion and power (as social influence): Their impact on organizational citizenship and counterproductive individual and organizational behavior // *Human Resource Management Review*. – 2010. – V. 20(1). – P. 4-17. – DOI: 10.1016/j.hrmr.2009.03.011
12. Lyons, B. J., Scott, B. A. Integrating social exchange and affective explanations for the receipt of help and harm: A social network approach // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2012. – V. 117(1). – P. 66-79. – DOI: 10.1016/j.obhdp.2011.10.002
13. Spector, P. E., Bauer, J. A., Fox, S. Measurement artifacts in the assessment of counterproductive work behavior and organizational citizenship behavior: Do we know what we think we know? *Journal of Applied Psychology*. – 2010. – V. 95(4). – P. 781-790. – DOI: 10.1037/a0019477
14. Venkataramani, V., Dalal, R. S. Who helps and harms whom? Relational antecedents of interpersonal helping and harming in organizations // *Journal of Applied Psychology*. – 2007. – V. 92(4). – P. 952-966. – DOI: 10.1037/0021-9010.92.4.952
15. Kwok, C. K., Au, W. T., Ho, J. M. C. Normative Controls and Self-Reported Counterproductive Behaviors in the Workplace in China // *Applied Psychology: An International Review*. – 2005. – V. 54, P. – 456-475. – DOI: 10.1111/j.1464-0597.2005.00220.x
16. Lee, K., Allen, N. J. Organizational Citizenship Behavior and Workplace Deviance: the Role of Affect and Cognitions // *Journal of Applied Psychology*. – 2002. – V. 87. – P. 131-142. – DOI: 10.1037/0021-9010.87.1.131
17. Dineen, B. R., Lewicki, R. J., Tomlinson, E. C. Supervisory Guidance and Behavioral Integrity: Relationships with Employee Citizenship and Deviant Behavior // *Journal of Applied Psychology*. – 2006. – V. 91. – P. 622-635. – DOI: 10.1037/0021-9010.91.3.622
18. Руднова, Н. А., Корниенко, Д. С. Психометрические характеристики опросника «Индивидуальное выполнение работы» // *Психологические исследования*. – 2022. – Т. 15, № 84. – С. 1. – DOI: 10.54359/ps.v15i84.1171
19. Bennett, R. J., Robinson, S. L. Development of a measure of workplace deviance // *Journal of Applied Psychology*. – 2000. – V. 85(3). – P. 349-360. – DOI: 10.1037/0021-9010.85.3.349
20. Колачев, Н. И., Осин, Е. Н., Шауфели, В., Дезарт, Ш. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области // *Организационная психология*, 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 129-147. – URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 20.02.2024)
21. Schaufeli, W.B., De Witte, H. Desart, S. Burnout Assessment Tool (BAT) Test Manual. – KU Leuven, Belgium: Internal Report. – 2019. – URL: <https://burnoutassessmenttool.be/> (дата обращения: 20.02.2024)
22. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е.Н. Осин, А.А. Горбунова, Т. О. Гордеева, Т. Ю. Иванова, Н. В. Кошелева, Е. Ю. Овчинникова (Мандрикова) // *Организационная психология*, 2017. – Т. 7, № 4. – С. 21-49. – URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 20.02.2024)
23. Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS / А. М. Мишкевич, С. А. Щебетенко, А. Ю. Калугин [и др.] // *Психологический журнал*. – 2022. – Т. 43, № 1. – С. 95-108. – DOI: 10.31857/S020595920017744-4.

24. Корниенко, Д. С., Вязовкина, В. К., Горностаев, И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики “Короткий опросник темной тетрады” // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 5. – С. 87-98. – DOI: 10.31857/S020595920022787-1.
25. Дериш, Ф. В. Половые особенности взаимосвязи черт темной триады личности и диспозициональной агрессии // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2021. – № 1. – С. 4-12. – DOI: 10.24412/2308-717X-2021-1-4-12.
26. Джонасон, П. К. Возраст и Темная триада: снижение показателей черт Темной триады и увеличение их согласованности на протяжении жизни // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 43. – С. 3.
27. Banks, G. C., Whelpley, C. E., Oh, I.-S., Shin, K. (How) are emotionally exhausted employees harmful? // International Journal of Stress Management. – 2012. – V. 19(3). – P. 198-216. – DOI: 10.1037/a0029249
28. Bolton, L. R., Harvey, R. D., Grawitch, M. J., Barber, L. K. Counterproductive Work Behaviours in Response to Emotional Exhaustion: A Moderated Mediation Approach // Stress and Health. – 2011. – V. 28(3). – P. 222-233. – DOI: 10.1002/smi.1425
29. Bolton, L. R., Becker, L. K., Barber, L. K. Big Five trait predictors of differential counterproductive work behavior dimensions // Personality and Individual Differences. – 2010. – V. 49(5). – P. 537-541. – DOI: 10.1016/j.paid.2010.03.047
30. Kozako, I. N., 'Ain M. F., Safin, S. Z., Rahim, A. R. A. The Relationship of Big Five Personality Traits on Counterproductive Work Behaviour among Hotel Employees: An Exploratory Study // Procedia Economics and Finance. – 2013. – V. 7. – P. 181-187. – DOI: 10.1016/S2212-5671(13)00233-5
31. Le, K., Donnellan, M. B., Spilman, S. K., Garcia, O. P., Conger, R. Workers behaving badly: Associations between adolescent reports of the Big Five and counterproductive work behaviors in adulthood // Personality and Individual Differences. – 2014. – V. 61-62. – P. 7-12. – DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.016
32. Дериш, Ф. В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 222-235. – DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235.
33. DeShong, H. L., Grant, D. M., Mullins-Sweatt, S. N. Comparing models of counterproductive workplace behaviors: The Five-Factor Model and the Dark Triad // Personality and Individual Differences. – 2015. – V. 74. – P. 55-60. – DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.001
34. Scherer, K. T., Baysinger, M., Zolynsky, D., LeBreton, J. M. Predicting counterproductive work behaviors with sub-clinical psychopathy: Beyond the Five Factor Model of personality // Personality and Individual Differences. – 2013. – V. 55(3). – P. 300-305. – DOI: 10.1016/j.paid.2013.03.007

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141

EDN KMOLGW

Мельникова Галина Владиславовна,
аспирант кафедры «Философии и права»
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
MelnikovaGalina999@gmail.com
SPIN-код: 3731-1558

UNHEIMLICH (ЖУТКОЕ) И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ БЕЗДОМНОСТЬ КАК СОСТОЯНИЯ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматриваются ключевые характеристики постмодернистской культуры (симулякр, ризома, гибридность, фрагментарность) через призму немецкого термина «unheimlich» (жуткое). Приводятся его различные значения: как эстетическая категория и ее отражение в искусстве постмодернизма, как феномен в психоанализе (З. Фрейд) и как экзистенциал (М. Хайдеггер). Сделана попытка анализа влияния unheimlich на философско-антропологические аспекты развития информационного общества. В условиях изменения характера труда в системе прекарной занятости (неопределенности) в качестве ценных профессиональных качеств выходят на первый план любопытство, оппортунизм, болтовня, цинизм. Приводятся также иные значения термина unheimlich, которые показывают его суггестивность и важный объяснительный потенциал феноменов постиндустриальной эпохи и их трансформации. Постмодернизм в данном исследовании рассматривается не только в качестве констатации кризисного положения культуры деонтологизированного мира, но и в качестве достигнутого осознания плюрализма форм рациональности, снятия иерархий и дистанций, утверждения разнообразия как естественного позитивного состояния.

Ключевые слова: постмодернизм, жуткое / Unheimlich, экзистенциальная бездомность, экзистенциальный страх / Angst, ризома, симулякр.

Ссылка для цитирования: Мельникова Г.В. Unheimlich (жуткое) и экзистенциальная бездомность как состояния постмодерна // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 1(8). – С. 92–97. EDN KMOLGW

Galina V. Melnikova

PhD Student of the Department of Philosophy and Law
Perm National Research Polytechnic University
29, Komsomolsky Prospekt, Perm, 614990
MelnikovaGalina999@gmail.com
SPIN-код: 3731-1558

UNHEIMLICH (UNCANNY) AND EXISTENTIAL HOMELESSNESS AS POSTMODERN STATES

The article examines the key characteristics of postmodern culture (simulacrum, rhizome, hybridity, fragmentation) through the prism of the German term "unheimlich" (uncanny). Its various meanings are given, such as aesthetic category and its reflection in the art of postmodernism; phenomenon in psychoanalysis (Z. Freud) and existential (M. Heidegger). An attempt is made to analyze the influence of unheimlich on the philosophical and anthropological aspects of the development of the information society. In the context of changing the nature of work in the system of precarious employment (uncertainty), curiosity, opportunism, chatter, and cynicism come to the fore as valuable professional qualities. Other meanings of the term unheimlich are also given, which show its suggestiveness and the important explanatory potential of the phenomena of the post-industrial era and their transformation. In this study, postmodernism is considered not only as a statement of the crisis situation of the culture of the deontologized world, but also as an achieved awareness of the pluralism of forms of rationality, the removal of hierarchies and distances, the affirmation of diversity as a natural positive state.

Keywords: postmodernism, uncanny/ Unheimlich, existential homelessness, existential fear / Angst, rhizome, simulacrum.

For citation: Melnikova G.V. [Unheimlich (uncanny) and existential homelessness as postmodern states]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 1 (8), pp. 92–97, (In Russian), EDN KMOLGW

Человек с начала осознания себя ощущал свою амбивалентность, несводимость, неабсолютность, неопределяемость, свое вечное маргинальное положение. Воплощенным апогеем тотальной неопределенности становится эпоха постмодернизма как идея децентрализации, неустойчивости, охватившая мир в середине XX в. и воплотившаяся в западной философской мысли и эстетике. Ф. Лиотар, формулируя характеристики и причины постмодернизма, назвал свой труд «Состояние постмодерна», что в полной мере отражает значимость чувственных, эмоциональных составляющих постмодернизма как манифеста разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс и торжество разума. Как следствие, сформировалось специфическое видения мира как текста, сплетенного из причудливых языковых игр, мира децентрированного, представляющего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов.

На сегодняшний день актуальность обращения к постмодерну как состоянию культуры информационного общества объясняется прежде всего тем, что он эксплицитно представил всю палитру страхов, которые осторожно начал формулировать модерн на высокой ноте своего разочарования, постулировал конец времен, преодолел его и продолжился в необъятном количестве «пост-постмодернизмов», каждый из которых отражает определенную грань изменяющегося мира. На подступах к постмодернизму стала складываться новая иррационально-субъективная форма миропостижения, сотканная из утраты доверия к метанарративам, отчаяния и осознания краха рациональности. Предчувствование, предслышание, предощу-

щение постмодерна можно найти в произведениях М. Хайдеггера, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, Ф. Кафки, В. Бенямина, Л. Шестова.

Термин «unheimlich» (нем. «жуткое»), попавший в фокус подробного рассмотрения немецких мыслителей З. Фрейда («Жуткое», 1919) и М. Хайдеггера («Бытие и время», 1927), на наш взгляд, довольно точно описывает зарождающееся в конце XIX – начале XX вв. состояние постмодерна. При этом интересным аспектом изучения является полисемантизм понятия Unheimlich, когда каждая грань его смысла, то сближаясь, то вступая в противоречие друг с другом, помогает обозначить целую серию социальных и культурных явлений современного общества, проанализировать причины их существования и деформации.

Фрейд помещает Unheimlich из эстетической категории в поле психоанализа и рассматривает в качестве модуса жуткого «сомнение в одушевленности кажущегося живым существа», которое могут внушить двойники, куклы, роботы, восковые фигуры [1]. Unheimlich имеет корень heim – «дом», и un – отрицание. От этого корня образованы heimlich (уютное), heimisch (родное), heimweh (тоска по дому), а также geheim (потайное), geheimnis (тайна). Фрейд отмечает, что ни один из переводов не отражает всех оттенков смысла немецкого Unheimlich. Например, в русском переводе – «жуткое» – пропадает отрицание (которое у Фрейда приобретает силу психологической защитной реакции, вытеснения) и корень heim.

Русской калькой перевода unheimlich, таким образом, является бездомное, неприютное. В немецком языке в значении экзистенциальной бездомности оно рассматривается у Хайдеггера, приближенном к «das Un-zuhause» (в пер. Бибикина «не-по-себе»).

Если метафорой дома считать метанарративы, то состояние тотальной бездомности идеально описывает состояние постмодерна с его утратой веры в христианские идеалы, разум, прогресс. Воплотилась эта бездомность в плюрализме истин и расщепленном субъекте; атональной музыке, алеаторике и фрагментарности в искусстве, бездомности смыслов – абсурде; смерти автора, подчеркнутой цитатности и вторичности культуры; беспредпосылочности познания. Постмодернистская ситуация в мышлении и кризисное мировосприятие были подготовлены геополитической ситуацией XX в. – мировыми войнами, Холокостом, расколом мира на полюса.

Жуткое, ужасное, злое в искусстве постмодернизма перестает существовать лишь через противопоставление доброму и прекрасному, но становится автономным и самодостаточным. Подчеркнутая цитатность, неоманьеризм, эстетика фрагментарности (особенно в литературе) свидетельствует об идеологическом кризисе, переживаемом разваливающимся миром, в котором становится невозможным утвердить мысль о прогрессе, силе разума и торжестве истины.

Таким образом, Unheimlich может рассматриваться в 3-х основных значениях: 1) как эстетическая категория, затем 2) как феномен психоанализа, и 3) у М. Хайдеггера Unheimlich выводится на высоту одного из экзистенциалов Dasein.

В трактате «Бытие и время» в Unheimlichkeit акцентируется не «жуткое», а «бездомность-неприкаянность» на краю той бездны Ничто, что шевелится под Бытием. Экзистенциальный модус unheimlich, рассмотренный М. Хайдеггером, по своему воздействию на человека, сближается со своим антиподом – кантовским «возвышенным». «Страх, связанный не с эмпирической опасностью, а с трансцендентным, с тоской бытия и небытия» [2], заставляет осознать свою конечность и ограниченность, и этим вопрошанием мира и себя позволяет подняться над обыденностью, извлечь «присутствие назад из его падающего растворения в мире» [3]. «Благодаря этому страху «повседневная свойскость подрывается. ... Эта жуть постоянно настаивает присутствие и грозит, пускай неявно, его обыденной затерянности в людях» [3]. «Страх – это то, что делает человека – человеком. ... Если бы человек был ангелом или зверем, он не мог бы страшиться», – говорит Кьеркегор, имея ввиду Angst, страх, создаваемый самим человеком [4, с. 242]. «Страх перед волками в средневековой деревне, сказки про них, хождение с оружием не были ни объективно, ни субъективно патологическими, не

раскалывали субъекта, не делали его неадекватным» [5], тогда как ощущение экзистенциальной бездомности оставляет его наедине с собой, одиноким в своем страхе.

Постмодернизм через диалог с бесконечной вариативностью конституирует освобождение от структурной упорядоченности, достигает апофеоза *unheimlichkeit*, напряженно удерживает полярности и, подобно героям абсурдистских вселенных Франца Кафки, «обживает» мир тотальной бездомности, примиряет с участью жить в ее призрачном пространстве. Важная мессианская роль постмодерна, лицом к лицу столкнувшегося нас с жутким и бездомным Ничто, – это достигнутое осознание плюрализма форм рациональности, снятие иерархий и дистанций, утверждение разнообразия как естественного позитивного состояния.

Бездомность времени, которая возникает в постмодернизме, порождает «странное ощущение почти бесконечности, сопровождаемое легким головокружением» [6, с. 9]. Так описывает Борхес художественный прием *mise en abime* (история внутри истории, картина в картине). Человек информационного общества действительно рекурсивно оказывается помещенным в бездну историй, т.к. одновременно живет как бы во всех измерениях. Постмодерн предстает как сумма конечностей и припоминаний уже того, что было, подобно тому, как у Достоевского черт описывает Землю: «...Ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» [7, с. 158]. Рекурсивна и всемирная сеть с ее гипертекстуальностью, она также бесконечно повторяет себя, свою структуру и соотношение частей. Интернет возникает как аллегория живого и его развития с бесконечными самоизменениями, как проект построения тотального искусства, способного отразить единство жизни, как воплощение крайнего, утопического или антиутопического сотворения мира.

Фрейд интерпретировал один из модусов *unheimlich* как неопределенность границ между живым и неживым, ощущение возврата чего-то архаического, и видел в сопровождающей его тревоге связь с принуждением к повтору, идущим от влечения к смерти. В своем трактате «Жуткое» Фрейд анализирует рассказ Гофмана «Песочный человек», где механическая кукла Олимпия поначалу кажется живой, и главный герой даже влюбляется в нее, но постепенно, согласно эффекту «зловещей долины», вызывает отвращение. Можно, таким образом, определить жуткое как смешение органического и неорганического, вторжения неживого в ткань жизни.

В качестве вытеснения, психологической защиты в условиях все возрастающей технофобии и все большей похожести роботов на людей во второй половине XX в. распространилось явление ретрофутуризма в популярном искусстве – иронической ностальгии по оптимизму и вере в прогресс времен промышленной революции.

Бесконечное повторение в искусстве поп-арта представляет собой воплощенный эффект жуткого фрейдовского двойничества, когда воспроизводящее означаемое оказывается иллюзией или миражом. Эффект симулякра, о котором Фуко пишет в своем эссе о Магритте «Это не трубка»: «Наступит день, когда силой подобия, бесконечно разносящегося по сериям вещей, сам образ вслед за именем, которое он несет на себе, утратит самоидентичность. Кэмпбелл, Кэмпбелл, Кэмпбелл, Кэмпбелл» [цит. 8, с. 225]. Симуляция жизни или, наоборот, танатоз, производимый взаимоотношениями тех или иных означающих, бесконечное повторяемых, открывающих головокружительную перспективу отражающих друг друга зеркал, когда уже невозможно отделить оригинал от копии, а живое от мертвого. В эпоху технической воспроизводимости симулякр, хотя бы в форме иллюзии, пытается приблизить на расстояние вытянутой руки разверзшийся глобальный мир, одомашнить (*daheim*) его, сделать уютным и доступным.

Воплощением тотальной бездомности постструктуралистского мира и идеалом ницшеанского нигилизма становится модель ризомы, которая строится как явное и прямое противоречие аристотелевской эстетической традиции, предполагающей противопоставление сущности и явления, реальности и образа, мира умопостигаемого и мира чувственного. Внутри ризомы, напротив, деконструированы бинарные оппозиции – разум/чувство, те-

ло/дух, субъект/объект, природа/культура, гендерные различия мужчина/женщина, даже человек/животное и человек/объект. Постколониальный дискурс постмодернистской эпохи также предлагает видение мира, который больше не разделен на бинарные структуры – первобытный, дикий/цивилизация, взаимно исключают друг друга, но отмечен непрекращающимся движением взаимопроникновения, амбивалентностью, возникновением «третьих пространств», устанавливает новые структуры власти. В качестве противопоставления глобальной открытости мира происходит обособление национальных правовых систем, провозглашение суверенитетов, возникают неоконсервативные идеологии.

Тревожное эмоциональное состояние неопределенности *unheimlich* можно связать и с изменением современного характера труда. Распространение мнимого самостоятельного труда, использование временного найма, глобализация экономики в целом приводят к нестабильности трудовой занятости, отсутствию привязанности к определенному месту работы и социальных гарантий, неуверенности в завтрашнем дне – прекариации. В качестве приспособления к новым условиям постфордистского труда можно считать формирование нового антропологического типа – любопытного, оппортуниста, циника, болтуна. Идеальный представитель общества постмодерна виртуозно оттачивает «чувствительность к различиям» и воспитывает в себе «способность выносить взаимонесоразмерность» окружающего мира. [9, с.12]

Любопытство и болтовня были возведены в ранг философских категорий еще М. Хайдеггером, однако у него они являлись признаками «падшести», «неаутентичной жизни» и устранения в праздность [10, с. 112]. Теперь же, в обществе символического труда они становятся ценным профессиональным ресурсом. Болтовня безосновна, она сама детерминирует событие, она обладает необходимым в условиях инновационного пути развития «экономики знаний» потенциалом новизны. В рассеянном любопытстве «чувства присваивают качества мышления», современный человек в условиях хронической нестабильности приучается к неожиданному и удивительному, привыкает неизвестное считать известным [10]. Оппортунист также может противостоять течению взаимоисключающих возможностей, находясь в ситуации готовности по отношению к наибольшему их числу. П. Вирно отмечает, что в условиях современной производственной динамики «безосновательная болтовня» и радикальная «рассеянность» становятся свойствами современного множества [10]. Знаменательна смена знака интеллектуальной неуверенности, «непосебейности»/*unheimlich* [1]: отныне это прирученное, управляемое свойство, которое становится практикоориентированным и полезным. Фигура циника, по мнению Паоло Вирно, возникает под влиянием Общего интеллекта и неожиданно возникшей центральности знания в производстве, которые нарушили принцип эквивалентности. Циник «разжижает и умножает иерархию и неравенство», вследствие этого резистентен и равноудален.

Таким образом, рассмотрение категории *unheimlich* в различных модусах и оттенках смысла и перевода позволяет рассматривать ее в качестве важного онтологического основания постмодернистской эстетики, философии, а также причины формирования нового антропологического типа. Одно из важных значений *unheimlich*, которое отмечает Фрейд: «жуткое – то, что должно быть скрыто, но внезапно обнаружило себя» [цит. по 1]. Поэтому потенциал термина в описании и объяснении современного мира может быть выявлен также в связи с понятием *Gestell* (постав) Хайдеггера, которым он называет суть установки современной техники выводить действительное из потаенности. А также в связи с мессианским временем, в котором мы (например, по мнению Бенямина и Агамбена) существуем, т.к. «heim» (жилище, кров, укрытие) с отрицанием «un» сближается с «от-кровение» (греч. ἀποκάλυψις – новые знания, раскрытие, откровение; снятие покрывала).

Библиографический список

1. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Влечения и их судьба. М.: ЭКСМО-пресс, 1999. 432 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ад Маргинем, 1997. 252 с.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 382 с.
5. Магун А.В. Единство и одиночество: Курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 544 с.
6. Борхес Х.Л. Семь вечеров. М.: Амфора, 2000. 204 с.
7. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Правда, 1982. Т. XII. 541 с.
8. Фостер Х., Краусс Р., Буа Ив-Ален и др. Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 816 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
10. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 174 с.

Научное издание

**Социальные и гуманитарные науки:
теория и практика**

2024

Выпуск 1(8)

Редактор А.С. Беляева
Компьютерная верстка Н.Ю. Голубевой
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки Н.Ю. Голубевой

Подписано в печать 10.07.2024

Дата выхода в свет 15.07.2024

Формат 60X84/8.

Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 11,28. Заказ 103

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Бесплатно.